

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

ПОВОЛЖСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

Научный журнал

№ 1 (52)
2016

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор — **В.А. Чепляев**
Зам. главного редактора — **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь — **Д.В. Акаев**

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Э.В. Чекмарев, д-р полит. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжского института управления» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2016

№ 1 (52)
2016

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF ADMINISTRATION

Science journal

Founder:

*The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration*

Editor-in-chief: *V.L. Chepliaev*
Deputy editor-in-chief: *O.N. Fomin*
Executive secretary: *D.V. Akaev*

Editorial board:

*V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
E.G. Lipatov, Doctor of Science (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
E.V. Chekmarev, Doctor of Science (Politology);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2016

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

M.A. Lipchanskaya

**A Secular State in Modern Russia as a
Factor of National Security**

The main threats to the national security of the Russian Federation in the sphere of religion are analyzed. Special attention is paid to such sources of religious security threats as religious extremism and proselytism. Given the trends of globalization, the author examines the foreign legislation and the practice of compliance with international standards of human rights, regardless of religious beliefs.

Key words and word-combinations: the principle of a secular state, national security, state-religious relations, human rights and freedoms.

Анализируются современные угрозы национальной безопасности России в религиозной сфере. Особое внимание уделено таким источникам угроз национальной безопасности, как религиозный экстремизм и прозелитизм. Учитывая тенденции глобализации, автором исследуется практика соблюдения международных стандартов прав человека независимо от религиозных убеждений.

Ключевые слова и словосочетания: принцип светскости государства, национальная безопасность, государственно-религиозные отношения, права и свободы человека.

УДК 327(470:100)

ББК 66.4(2Рос)

М.А. Липчанская

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Впервые в конституционном развитии России светский характер государства сегодня определен в качестве одной из основ конституционного строя. Российская Федерация — одно из немногих государств мира, где принцип светскости гарантирован на конституционном уровне. Возможно, этот фактор, наряду с конституционно провозглашенной свободой совести и вероисповедания, повлиял на сложность выстраивания государственно-конфессиональных отношений в современной России, ориентированных на обеспечение национальной безопасности от всего спектра внешних и внутренних угроз в религиозной сфере.

Нельзя отрицать, что в последние десятилетия наблюдается повышение интереса к религии как со стороны государства, так и отдельных граждан. Однако этот процесс

обусловлен разнонаправленными тенденциями. С одной стороны — духовным возрождением страны, изменением религиозного сознания населения, превращением церкви в важнейший институт гражданского общества; с другой — необходимостью обеспечить конституционные права и свободы человека, неизблемость основ конституционного строя России, гарантировать безопасность от негативных явлений в религиозной сфере.

В основном стратегическом документе Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности к внешним угрозам в религиозной сфере относятся нарушения свободы вероисповедания, проявляющиеся в религиозном экстремизме [1]. В настоящее время угрозы религиозной безопасности отнюдь не исчерпываются экстремистскими деяниями. К ним целесообразно отнести активный прозелитизм, набирающий все большее распространение на территории России и других государств.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно угрозы для общества со стороны прозелитизма высказана в постановлении от 23 ноября 1999 г. [2] и согласуется с рядом международных документов. На основе системного анализа решений Конституционного Суда России и ЕСПЧ предлагаем следующее понимание прозелитизма: это деятельность религиозных объединений и отдельных граждан, несовместимая с уважением свободы мысли и совести, других конституционных прав и свобод, имеющая целью вербовку новых членов, на основе мотивации получения материальных или социальных выгод или оказания психологического давления.

Некоторые современные государства к проблеме прозелитизма относятся серьезно, ограничивая их на конституционном или законодательном уровнях. Например, Конституция Греции 1975 г. устанавливает прямой запрет прозелитизма [3]. Другие государства противодействуют этому явлению на уровне уголовного законодательства. В частности, Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. содержит ст. 216-2 «Нарушение законодательства о религиозных организациях», согласно ч. 2 которой «обращение верующих одних конфессий в другие (прозелитизм) и другая миссионерская деятельность после применения административного взыскания за такие же действия» образует состав преступления [4]. К сожалению, Уголовный Кодекс РФ не учитывает религиозные мотивы при дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступления [5], что не совсем правильно. В уголовном законе России имеется только ст. 282, устанавливающая ответственность за направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц в зависимости от отношения к религии с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета.

Сегодня религиозная мотивация становится одной из доминирующих духовных составляющих при совершении противоправных деяний, что должно повлечь адекватное изменение системы наказаний и привлечения к ответственности.

Нельзя отрицать, что религиозная специфика отражается на закреплении в государствах прав человека, их охране и защите. Многие исламские государства придерживаются дуалистических позиций в сфере соотношения междуна-

родного и внутригосударственного права [6, с. 62], что в существенной мере обусловлено религиозным фактором. Как правило, в государствах с преобладающей исламской религией на законотворческую политику огромное влияние оказывают законы шариата, которые часто входят в резонанс с основными и универсальными нормами международного права, устанавливающими обязанности государств по защите прав человека.

Так, большинство исламских государств, входящих в ООН, к документам этой организации, затрагивающим права человека, дают множество оговорок или не ратифицируют их вовсе. Например, ратифицируя Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Египет внес оговорку к ст. 16, в которой провозглашается равенство мужчин и женщин в семейно-брачных отношениях, мотивируя ее необходимостью соблюдения законов шариата. Множество оговорок также было внесено исламскими государствами к Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., в частности, к нормам, гарантирующим детям свободу вероисповедания, устанавливающим запрет на телесные наказания и т.д. [7, с. 15].

В целом выступая за признание и соблюдение принципа равенства прав человека независимо от религиозных убеждений, можно усмотреть ценность традиционных религий в сохранении религиозной идентичности, которая в условиях глобализации, безусловно, находится под угрозой. Следует согласиться с И.А. Тарасевич, называющим одним из объектов защиты в процессе обеспечения религиозной безопасности религиозную идентичность общества [8, с. 53]. Несмотря на то что религиозная идентичность является препятствием на пути глобализационных процессов в сфере прав человека, нельзя недооценивать ее роль в нейтрализации угрозы активного прозелитизма.

Наряду с активным прозелитизмом угрозой конституционному строю России и, соответственно, национальной безопасности, является религиозный сепаратизм, развивающийся, как правило, при совпадении религиозной и этнической самоидентификации тех или иных народов. Л.А. Андреева высказывает мнение о том, что «развитию этнорелигиозных сепаратистских настроений способствует деление России на субъекты по национальному признаку. Такая модель государственного устройства опасна тем, что процессы самоидентификации тех или иных национальностей с определенной религией набирают в России обороты, тем самым многократно усиливая сепаратистские тенденции» [9, с. 79]. Сложно однозначно поддержать данную позицию, но и опровергнуть ее оснований недостаточно. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав Российской Федерации, задача Российского государства в сфере обеспечения религиозной безопасности и сохранения существующего федеративного устройства с видовым составом субъектов, определенным в ст. 5 Конституции РФ, выработать новую модель государственно-конфессиональных отношений. Конечно, к ее решению необходимо подходить осторожно и взвешенно.

В качестве примера можно привести своеобразные государственно-религиозные отношения, сложившиеся в Китае. В КНР нет свободы слова и религии. Все религиозные течения, связанные с вольнодумием и философией, преследуются на государственном уровне. Попытки китайского правительства уничтожить тибетцев как религиозную группу рассматриваются мировым со-

обществом в качестве актов геноцида [10]. Сложно дать правовую оценку приказу государственного управления по делам религии КНР об управлении реинкарнациями в тибетском буддизме от 1 сентября 2007 г., согласно которому выявление новых перерождений Далай-ламы будет осуществляться по процедурам, разработанным коммунистической партией Китая, а не по канонам религии [11].

Разумеется, в отличие от КНР в Российской Федерации реализуется иная модель государственно-религиозных отношений, подвергающаяся в настоящее время определенной трансформации. Объективные изменения в религиозной сфере российского общества обуславливают выработку новых критериев обеспечения светскости современной России. Представляется, что в стране объективно назрела потребность выстраивания новой модели государственно-конфессиональных отношений, способной обеспечить национальную безопасность Российской Федерации, стабильность основ конституционного строя и соблюдение приоритета основных прав и свобод человека.

В мировой практике известны три основные модели выстраивания государственно-конфессиональных отношений: сепарационная (конституционно закрепленная в России), авторитарная и кооперационная. Сепарационная модель характеризуется установлением между государством и религиозными объединениями жестких, непрозрачных границ. Авторитарная модель отличается императивным исключительным доминированием государства в религиозной сфере. Кооперационная модель отношений реализуется при формальном отделении церкви от государства и основывается на их эффективном социальном партнерстве.

Именно третья модель, по нашему мнению, потенциально способна обеспечить более стабильное существование государств с точки зрения религиозной безопасности. Такая модель используется некоторыми странами на постсоветском пространстве, например в Грузии, где в 2002 г. подписано Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской апостольской автокефальной православной церковью [12]. Данное соглашение можно считать уникальным, поскольку в странах бывшего СССР преимущественно применяется сепарационная модель.

В практике выстраивания государственно-религиозных отношений на пространстве бывшего Советского Союза выделяется опыт Республики Беларусь, являющейся одним из важнейших стратегических партнеров Российской Федерации. В Беларуси развивается именно кооперационный принцип взаимодействия государства и религиозных объединений: на общереспубликанском уровне 12 июня 2003 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [13].

Согласно положениям этого документа, государство признает роль церкви как одного из важнейших социальных институтов, оказывающих существенное влияние на формирование духовных, культурных, национальных традиций. В свою очередь, церковь исходит из того, что институт государства выступает гарантом сохранения и преумножения этих традиций. Соглашением определяются приоритетные направления церковно-государственного взаимодействия: общественная, образовательная, культурная и творческая деятельность, охрана культурного и исторического наследия, социальное служение.

Анализируя законодательство Республики Беларусь, можно сделать вывод, что государство проводит достаточно эффективную с точки зрения обеспечения религиозной безопасности политику государственно-религиозных отношений. При этом законодательство отвечает всем международным нормам по обеспечению прав человека, защищает конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания.

Думается, что практика Грузии и Беларуси могла бы послужить примером для Российской Федерации в плане совершенствования конституционно-правовых принципов государственно-конфессиональных отношений.

Логично предположить, что для обеспечения национальной безопасности в религиозной сфере и наполнения адекватным содержанием конституционного принципа светскости Российского государства принципиальное значение имеет такой признак, как объективное существование определенных форм взаимодействия между государством и религиозными объединениями. Несмотря на закрепление в Конституции РФ сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений, характерной большинству светских государств, существует мнение, что современные реалии свидетельствуют о формировании в России «мягкой кооперационной, иными словами, партнерской» модели отношений [14, с. 41]. Потенциальное развитие сотрудничества религиозных объединений и государства нацеливает, во-первых, на более четкое закрепление в действующем законодательстве конституционных принципов взаимодействия государства и религиозных объединений, во-вторых, позволяет использовать опыт религиозных институтов гражданского общества в решении социально значимых вопросов.

Таким образом, современное светское государство знаменует высокий уровень гармонизации отношений государственных и общественных институтов, религиозных объединений и личности, что является существенным фактором обеспечения национальной безопасности. К воплощению этой идеи в жизнь должна стремиться Россия.

Библиографический список

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь прославления»: постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.
3. Конституция Греции. URL: <http://constitutions.ru/archives/249>
4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.
5. Уголовный Кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 16 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4393.
6. Хижняк В.С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы. Саратов, 2007.
7. Никонов К. Современные теоретические аспекты международной защиты прав ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

8. *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015.
9. *Андреева Л.А.* Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.
10. Права человека в Китае. URL: <http://www.ohchr.org>
11. Заявление Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, касательно его нового воплощения от 24 сентября 2011 г. URL: <http://dalailama.ru>
12. Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью / Грузинская Православная Церковь: неофициальный сайт. URL: http://georgia.orthodoxy.ru/index.php?cat=_today&ii=7&jj=5
13. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Минск, 12 июня 2003 г. // Минские Епархиальные Ведомости. 2003. № 2. С. 33–34.
14. *Терехин В.А., Мещерякова А.Ф.* Светское государство в современной России: понятие и содержание // Российская юстиция. 2010. № 3.

К.М. Lobzov, Yu.M. Smirnova

Corruption as a Threat to National Interests

The author proposes to approach corruption crimes in Russia as treason against the interests of civil society and the State. Measures for legal regulation of the crimes as well as organizational and educational measures to combat corruption are formulated.

Key words and word-combinations: corruption, national threat, national security.

Предложен авторский подход к преступлениям коррупционной направленности в России как измене государственным интересам и интересам гражданского общества. Сформулирован ряд мер по правовому регулированию указанных преступлений, предложены меры организационного и воспитательного характера по противодействию коррупционных деяний.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, национальная угроза, национальная безопасность страны.

УДК 343.3
ББК 67.408.14

К.М. Лобзов, Ю.М. Смирнова

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

В настоящее время коррупция в Российской Федерации среди государственных чиновников и иных лиц приобрела характер национальной угрозы. По данным социологических опросов, 55 млн россиян признали, что им приходилось платить деньги в качестве взяток за решение собственных проблем, при этом в год граждане России расходуют на эти цели более 36 млрд долларов, а лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, — 33 млрд долларов [1, с. 8]. По оценкам 2011 г. [2], коррупцией в стране «съедается» 5,1% от общего объема ВПП (2008 г. — 6–7%), то есть практически весь экономический прирост, и если уровень коррупции превысит 10%, то руководство страны, как считают специалисты,

не только теряет возможность бороться с этим явлением, но и наступит полный паралич власти.

Кроме того, в декабре 2014 г. фонд «Общественное мнение» провел исследование среди российских граждан на предмет их отношения к коррупции в Российской Федерации и тем, кто дает или берет взятки. Респондентов просили оценить динамику уровня коррупции в России. Две трети россиян (66%) оценивают уровень коррупции в стране как высокий, это на 14 пунктов ниже показателя марта 2012 г. Значительно реже люди стали говорить, что коррупция растет, и чаще — что ее уровень не меняется. Осуждают тех, кто берет взятки, 61% россиян (в марте 2012 г. этот показатель составлял 67%), 29% относятся к ним без осуждения. Тех, кто дает взятки, осуждают 42%, не осуждают 45% наших сограждан. Признали, что сами давали взятку должностному лицу, 23% опрошенных [3]. По данным Transparency International, в рейтинге коррупции по итогам 2014 г. Россия находится на 136-м месте (вместе с Нигерией, Ливаном, Киргизией, Ираном и Камеруном). Согласно предыдущему исследованию, страна находилась на 127-й строчке. На сайте российского отделения организации отмечается, что причиной понижения позиции России являются нерешительность в преследовании коррупционных преступлений и хаотичность мер по их предотвращению [4].

В самом общем виде коррупция — это злоупотребление общественным доверием для личной корыстной выгоды. В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией это преступное деяние определено как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [5, с. 81].

Как социальное явление она представляет собой криминализацию отношений, складывающихся между должностными лицами, в том числе государственными чиновниками, и отдельными членами общества по поводу использования возможностей занимаемой ими должности с целью получения личной выгоды в ущерб интересам третьей стороны (государства, общества, фирмы, потребителей, партнеров, конкурентов и т.п.). Именно поэтому это один из основных тайных преступных приемов, заключающихся в предложении немедленных или будущих привилегий с целью обеспечения определенного поведения.

Как криминально-психологическое явление коррупция является «криминальной монетизацией» общественного сознания в условиях развития рыночных отношений в стране по причине дальнейшей деградации национальных духовно-нравственных ценностей народа, а также несовершенства правового регулирования ответственности за этот вид преступления.

В индивидуально-личностном психологическом плане коррупция как преступное деяние человека выступает актом высочайшей степени социальной отчужденности индивида или его социальной обособленности, содержанием которой является утрата им значимости для себя социальных уз с государством и обществом и гражданской ответственности перед ними [6, с. 84, 99]. Такие люди, по мнению И.А. Ильина, лишены свободной лояльности своему государству как следствие отсутствия у них верности, честности и законопос-

лушности [7, с. 68]. По этой причине, подчеркивал он, «*продажность* есть их девиз — все равно, за что бы они ни продавали Дело, за деньги, за честь или за совесть, и все равно, что бы ни скрывалось в душе за их предательством — откровенный нигилизм... или сентиментальная бесхарактерность и оправдывающаяся софистика...» [8, с. 474].

Коррупция оказывает разлагающее влияние на все сферы жизни общества: социальную сферу, экономику, политику. Особую опасность представляет сращивание государственных чиновников-коррупционеров с преступными сообществами, а также проникновение криминальных элементов во властные структуры, включая силовые ведомства при поддержке коррупционеров-чиновников. Негативные последствия, порождаемые этим явлением, не только препятствуют прогрессивному, поступательному развитию нашего общества, но и представляют серьезную угрозу интересам национальной безопасности страны.

В экономической сфере коррупция способствует возникновению и развитию целого ряда негативных явлений и процессов:

нарушает механизм справедливой рыночной конкуренции, поскольку в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества за взятки, иным противозаконным путем. Это способствует возникновению монополистических тенденций в экономике, снижению эффективности ее функционирования и дискредитации идеи свободной и честной конкуренции;

влечет за собой неэффективное распределение средств государственного бюджета, особенно при распределении государственных заказов и выделении под это кредитов, в том числе в сфере оборонных заказов, инновационного развития и тому подобном, препятствуя тем самым эффективной реализации правительственных программ;

подрывает авторитет России в экономических взаимоотношениях с зарубежными партнерами, что затормаживает процесс притока иностранных инвестиций в российскую экономику;

способствует развитию организованной преступности и теневой экономики, что приводит к снижению налоговых поступлений в государственный бюджет, оттоку капитала за рубеж, затруднению для государства эффективно выполнять свои экономические и социальные функции.

В социальной сфере отрицательные последствия коррупции сводятся к следующему:

приводят к несправедливому распределению доходов, обогащая субъектов коррупционных отношений за счет остальных членов общества;

девальвируют традиционные духовно-нравственные ценности в обществе, подменяя их стандартами «двойной» морали, что приводит к тому, что мерой всего в обществе становятся деньги, значимость человека определяется размером его личного состояния независимо от способов его получения, происходит девальвация и слом цивилизованных социальных регуляторов поведения людей (норм морали, права, религии, общественного мнения и других);

резко увеличивают криминализацию общества (что касается самих предпринимателей, то среди них сформировался значительный слой — до $1/5$ тру-

доспособного населения, — для представителей которого неправомерное поведение является нормой;

стимулируют повышение цен на товары и услуги за счет так называемых коррупционных «накладных расходов», в результате чего страдает потребитель;

способствуют несправедливому перераспределению жизненных благ в пользу немногочисленных олигархических групп, что имеет своим следствием резкое возрастание имущественного неравенства среди населения, обнищание значительной части общества и возрастание социальной напряженности в стране;

дискредитируют право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества, или «способ защиты нравственных ценностей в обществе» (патриарх Кирилл).

В результате в общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан перед лицом преступности и неспособности власти бороться с ней; разжигается религиозная и национально-этническая нетерпимость в обществе как следствие неприятия народом деятельности коррупционеров определенной религиозной и национальной принадлежности, в целом способствуя снижению темпов развития гражданского общества в России.

В политической сфере негативные последствия коррупции проявляются в следующем:

способствуют девальвации общенациональных целей государства по причине укрепления олигархических кланов и оппозиционных политических группировок, тесно связанных с теневым бизнесом в стране, а также с выехавшими за рубеж представителями криминального бизнеса в России;

стимулируют создание за рубежом «теневого» капитала коррумпированных субъектов, который активно используется против законной власти в стране и ее интересов в мире;

подрывают авторитет законной власти России перед зарубежными партнерами, тормозя тем самым рост ее престижа на международной арене (данный аспект рассмотрения проблемы тесно связан и с концепцией национального брендинга, который также подчеркивает связь между престижем и имиджем государства и тем рангом на международной арене, которым государство обладает [9]);

снижают доверие общества к власти, вызывая разочарование народа в проводимых этой властью демократических преобразований в стране [10, с. 55].

Принимая во внимание чрезвычайную опасность коррупции для национальных интересов Российской Федерации как государства и его деятельности, а также интересов развития гражданского общества в стране на основах гражданской лояльности, всеобщей (духовной и национально-патриотической) солидарности, конфессиональной, религиозной, классовой и партийной толерантности, представляется целесообразным предложить следующие основные направления по совершенствованию борьбы с коррупцией и другими преступлениями против интересов государства и интересов гражданского общества в России **в законодательной сфере**.

Как показывает практика, в настоящее время вся совокупность законодательных актов, связанных с правовым регулированием преступлений

коррупционного характера, не охватывает своим нормативным полем всей предметной области, которая включена сегодня в узкие рамки определения коррупции, предложенного в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Так, в перечень коррупционных деяний не входит использование служебного положения в интересах «приобретения административной или иной должности на государственной службе», «нецивилизованное лоббирование чьих-либо интересов в корыстных целях», «любое корыстное взаимодействие государственных чиновников и граждан с преступными группировками», «мошенничество, в том числе с использованием информационных технологий (создание финансовых пирамид с использованием Интернета, так называемая «кража личности» и т.п.), создание фирм-однодневок для финансовых афер, задержка с выплатой зарплаты рабочим и служащим по причине «прокручивания» денег на собственных счетах в банках, иные финансовые и юридические махинации.

Таким образом, коррупционные деяния являются лишь частью той стихии своекорыстного предательства государственных интересов и интересов гражданского общества со стороны продажных государственных чиновников и частных лиц, для которых «личной добычей» являются сегодня не только валюта, но и личный успех, карьера, всяческое государственное, политическое, общественное и иное «выдвижение», почет, власть и «закулисное» влияние в обществе [11, с. 20–21].

Особое место среди коррупционных преступлений занимает взяточничество в виде прямого подкупа, который применяют взяточдатели, в том числе и «зарубежные адресаты», в отношении россиян, используемых впоследствии в качестве агентов влияния. Цель такого подкупа — не столько обеспечение исполнения определенного действия, сколько «приобретение» должностного лица государственной, частной, общественной или иной организации с тем, чтобы оно, оставаясь на работе в организации и внешне соблюдая ей полную лояльность, на деле пеклось бы о своекорыстных интересах взяточдателя [12, с. 150–151]. Фактически такие «приобретенные» лица начинают состоять как бы на двух службах: официальной и в преступной организации, порождая своим — практически агентурным — взаимодействием с криминалом не только разрушительный для интересов государства симбиоз коррупционеров во власти и организованной преступности, но и условия для скрытного проникновения криминала во властные структуры — специфическая форма продажи криминалу некоторых полномочий власти, представляющей своеобразной формой собственности. В связи с этим деятельность таких агентов влияния выступает некоей разновидностью измены российскими гражданами своему государству и народу [13].

Учитывая тот факт, что коррупционные преступления, охватывая практически все стороны жизни, скрытно подрывают государственные устои России и ее национальную безопасность, представляется целесообразным включить в Уголовный Кодекс РФ отдельную статью «Измена государственным интересам и интересам гражданского общества Российской Федерации», в которой объективная сторона всех преступлений коррупционной направленности в экономической,

хозяйственной, управленческой, юридической, социальной, общественной или иной сферах деятельности рассматривалась бы через призму нанесения ущерба внутренней безопасности Российской Федерации, а субъективная сторона — через призму правовой лояльности (либо нет) граждан своему государству (госслужащих или иных лиц) и гражданскому обществу своей страны в целом.

При этом целесообразно дать более широкое толкование и самого понятия коррупции как разновидности преступно-уголовной деятельности, более того — осуществляемой в результате сговора. Основу его может составить рабочее определение, сформулированное междисциплинарной группой по коррупции Совета Европы: «коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других» [14], в связи с чем рассматриваемое как уголовное преступление.

Следовательно, уголовная ответственность за преступления против государственных интересов и интересов гражданского общества Российской Федерации должна быть более жесткой, связана как с длительными лишениями свободы, так одновременно и с денежными штрафами, компенсирующими государству и обществу потери от наносимого ущерба. Это позволит гражданам Российской Федерации осознать выгоду от проявления ими правовой лояльности государству и бескорыстного служения интересам общества.

Библиографический список

1. *Корякин В.М.* Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия. М., 2009.
2. Исследования фонда «ИНДЕМ». URL: http://www.anti-corr/ru/raiting_regions/table..html
3. Исследования «ФОМнибус». URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912>
4. В МВД прокомментировали 136-е место России в рейтинге коррупции. URL: <http://lenta.ru/news/2015/05/28/korruptzia/>
5. *Лунеев В.В.* Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8.
6. *Апресян Р.Г.* Идея морали. М., 1996.
7. *Ильин И.А.* О русском национализме. М., 2007.
8. *Ильин И.А.* Русский колокол. Журнал волевой идеи // Собр. соч. М., 2008.
9. *Смирнова Ю.М., Гудилина Е.Н.* Институт общественной дипломатии как выражение «мягкой силы»: современное состояние и особенности реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2 (38). С. 208–214.
10. *Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.П., Хомутова А.В.* Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции: учебное пособие. М., 2010.
11. Россия и мировой опыт противодействия коррупции: материалы конференции (Москва, 23–24 июня 1999 г.). М., 2000.
12. *Рейсмен В.М.* Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988.
13. *Лобзов К.М.* «Агент влияния» как криминальный субъект по негласному продвижению в своей стране антинациональных иностранных интересов (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (сыщик). 2014. № 8 (41).
14. Что такое коррупция? URL: <http://www.proknadzor.ru/law/data/whatiskor.html>

S.V. Kornilova, A.A. Samorukov

Development of Methodological Approaches to Executive Authorities Efficiency Evaluation in the Russian Federation Constituent Territories

The analysis of current approaches to efficiency evaluation of government authorities within public administration reform is drawn. The concept of results-based management provides the basis of official and authorial approaches, which is used for independent evaluation and defining the problem areas in administrative activity.

Key words and word-combinations: government authorities' efficiency evaluation, the concept of results-based management, public administration reform.

Анализируются существующие подходы оценки эффективности органов исполнительной власти в рамках реформы государственного управления. В основу официальных и авторских подходов положена концепция управления по результатам, применяемая для самостоятельной оценки и определения проблемных областей в управленческой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: оценка эффективности органов исполнительной власти, концепция управления по результатам, реформа государственного управления.

УДК 354

ББК 66.3(0),123

**С.В. Корнилова,
А.А. Саморуков**

**РАЗВИТИЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Реформа государственного управления, проводимая в России, в целом отвечает мировым тенденциям. Во многих европейских странах, начиная с 1980-х годов, в систему государственного управления внедряются комплексные программы управления по результатам бюджетирования, ориентированного на результат. Управление по результатам — это стратегический и интегрированный подход к обеспечению успеха организации путем повышения качества работы и расширения возможностей групп и отдельных работников. Концепция управления по результатам, используемая в европейских странах, основана на следующих принципах: конкретной постановке желаемых целей и задач; осознании достижений; четком распределении задач и ответственности; адекватном цикле планирования и контроля; организационной культуре, характеризующейся прозрачностью и ориентированностью на результат [1].

Используемая во всем мире и переработанная в конце 1990-х годов «основополагающая модель европейского стандарта качественного управления» применяется в целях самостоятельной оценки и определения проблемных областей в управленческой деятельности. В этой модели основным

элементом является система начисления баллов (процентное соотношение, помноженное на десять) с учетом различных критериев и их веса в общей структуре. Эта система позволяет использовать ее в государственных органах общенационального, регионального и местного уровней. Например, данная модель была взята на вооружение правительством Великобритании в области совершенствования системы оказания государственных услуг, где главными элементами подхода являются подотчетность и открытость. Соответственно определяются ожидаемые результаты и оценивается эффективность как главная движущая сила в совершенствовании системы обслуживания населения [2, с. 172–173].

В общей системе оценки эффективности правительством Великобритании выделены три основных элемента:

- пользователи, к которым отнесены «заинтересованные стороны» (правительство, политические деятели, руководящие работники; лица, замещающие выборные и руководящие должности в органах местного самоуправления; руководители и сотрудники;
- показатели, среди которых выделяются общенациональные, местные и информационные;
- цели использования — контроль за ключевыми показателями, публикации общенациональных отчетов, отчетность; определение и достижение целей местного уровня, отчетность; повседневное управление.

Предоставлением государственных услуг в Великобритании занимаются 136 исполнительных агентств, в которых занято 75% всех государственных гражданских служащих. Пути достижения ожидаемых результатов устанавливаются соглашениями об оказании государственных услуг, предусматривающими вопросы качества обслуживания, разработки новых процессов, реализации общих целей, а также пути повышения эффективности собственной деятельности и выполнения правительственной Программы модернизации управления. Оценку эффективности работы агентств, направленную на процесс и меры по достижению необходимой производительности, заменила оценка, ориентированная на ожидаемый эффект. Возникла проблема в определении вклада конкретного агентства в стратегическую цель и ожидаемого от него эффекта. Далекое не всем агентствам удалось добиться этого.

В качестве методики используется так называемая «сбалансированная таблица баллов», обеспечивающая все основные аспекты работы, соотносимые с показателями оптимальной эффективности:

- стратегические цели, объясняющие назначение услуг;
- себестоимость / эффективность, когда оценивается результативность выделенных ресурсов на определенный вид услуг;
- эффект от оказания услуг измеряется качеством оказываемой услуги в целях достижения стратегических целей;
- качество при получении услуги получателем;
- всеобщая доступность для всех категорий населения.

Исходя из такого понимания, управление по результатам должно быть стратегическим; интегрированным в четырех отношениях — в вертикальной

функциональной интеграциях и, интеграциях человеческих ресурсов и индивидуальных потребностей; связанным с повышением эффективности деятельности организации, структурных подразделений и каждого работника; связанным с развитием [2].

Безусловно, опыт зарубежных стран по внедрению методов Performance Management и Performance Budgeting имеет огромное значение для развития оценки результатов деятельности российских государственных органов.

В конце 2001 г. постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 «О федеральной целевой программе “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)”» утверждается методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ, разработанная Министерством экономического развития РФ. Это была официальная апробированная методика, с помощью которой оценивался уровень социально-экономического развития субъектов РФ в 1998–2002 гг.

Основная цель данной методики — определение возможности решения текущих и долгосрочных задач социального и хозяйственного развития на основе внутренних резервов и источников экономического роста и эффективности мер по реализации социально-экономической политики, предпринимаемых Правительством РФ и органами государственной власти субъектов РФ.

Главными принципами при проведении комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъекта РФ стали комплексность, системность, достоверность, информативность [3]. Однако рассматриваемая методика имела ряд недостатков — принцип комплексности оценки не обеспечивал учета всех важнейших составляющих показателей социально-экономического развития, а принцип системности оценки являлся некорректным, так как на тот момент не существовало законодательно закрепленных характеристик регионального развития, и, следовательно, характеристики регионального развития выбирались «на глаз», что вносило субъективность в оценку уровня социально-экономического развития.

В 2004 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ № 737 «О внесении изменений в Федеральную целевую программу “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)”» перечень индикаторов оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ был изменен и расчеты комплексного показателя не производились.

В 2005 г. рабочими группами в составе государственных гражданских служащих субъектов РФ, Администрации Президента РФ, иностранных и российских экспертов была подготовлена методика оценки деятельности государственного органа на уровне субъекта РФ. Пилотными регионами выбрали Астраханскую и Тверскую области.

Предназначение методики заключалось в повышении системности, обоснованности и объективности управленческих решений высшего органа исполнительной власти субъекта РФ в рамках реализации и развития административной реформы, реформ бюджетного процесса и государственной службы в

отношении всех государственных органов исполнительной власти на уровне субъекта РФ.

В основу методики была положены идея оценочных таблиц, заимствованная из порядка оценки заявок субъектов РФ на получение средств из Фонда реформирования региональных и муниципальных финансов и порядка оценки докладов федеральных министерств, а также идея Панели результатов и Панели подходов, взятая из документа «Рамочные основы оценки в странах ЕС The Common Assessment Framework».

Методика имела следующую специфику:

- во-первых, предполагала формирование корректной базы для оценки (цели, задачи и показатели сформулированы по единым требованиям);
- во-вторых, предусматривала формализованный способ оценки результатов деятельности государственного органа через оценочные таблицы (панели, критерии, градации или уровни, веса, баллы);
- в третьих, предусматривала итеративный порядок оценки — сначала при необходимости должна проводиться оценка качества стратегии и планов развития государственного органа, затем оперативная оценка деятельности государственного органа в целом на регулярной основе, а потом по результатам оперативной оценки расширенная оценка системы управления и организации деятельности [4, с. 161].

Главным инструментом формализованной оценки результатов деятельности государственного органа в разработанной методике является оценочная таблица, включающая систему критериев оценки деятельности государственного органа, разделенных на три раздела (панели).

1. Панель требований. Основной критерий оценки — «качество стратегии развития государственного органа».

2. Панель результатов. Основной критерий — «качество деятельности государственного органа».

3. Панель подходов. Основным критерием может быть «качество системы управления — реализация Административной реформы в субъекте Российской Федерации».

Соответственно, уровнями критерия могут быть:

- внедрение методов управления по результатам;
- стандартизация и регламентация;
- оптимизация функций и противодействие коррупции;
- эффективность взаимодействия органа власти и общества;
- модернизация системы информационного обеспечения.

Таким образом, в предложенной методике оценочная таблица является главным инструментом формализованной оценки результатов деятельности государственного органа. Кроме того, введены принципиальные понятия, присущие зарубежной методологии и практике — понятия показателей эффективности, то есть характеризующие улучшение соотношения результатов и запланированных бюджетных средств. Показатели результативности характеризуют степень достижения стратегической цели в виде общественно значимых результатов.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”» вводилась методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, определявшая единый порядок проведения оценки [5].

Предметом оценки являлись результаты деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере экономического развития, здравоохранения и здоровья населения, общего образования, начального и среднего профессионального образования, жилищного строительства и обеспечения граждан жильем, жилищно-коммунального хозяйства, дорожного хозяйства, обеспечения безопасности граждан и организации государственного и муниципального управления. Таких показателей было установлено 239.

Оценка эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти осуществлялась посредством анализа и сопоставления показателей, которые характеризовали:

- 1) конечные результаты деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по сферам;
- 2) эффективность использования бюджетных средств в субъекте РФ по сферам;
- 3) ход реализации институциональных реформ в субъекте РФ по сферам.

Все показатели были взаимосвязаны между собой и рассматривались в едином контексте. Анализ показателей проводился по каждой установленной сфере на основании достигнутого уровня и динамики за трехлетний период и в сравнении значений ряда показателей со среднероссийским уровнем с нормативным значением показателя, установленным нормативными правовыми актами.

Принципиальное отличие данной методики от официальной предыдущей заключалось в проведении оценки по достигнутой динамике показателей эффективности органов исполнительной власти субъектов РФ, указывающих на эффективность осуществления структурных реформ и внедрения современных инструментов управления на региональном уровне.

По результатам оценки формировался доклад Правительства РФ Президенту РФ об оценке эффективности деятельности субъектов РФ по итогам отчетного года и предложения по распределению грантов двадцати субъектам РФ, достигшим наилучших значений показателей деятельности. Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”» утверждены:

«Правила предоставления субъектам Российской Федерации грантов в форме межбюджетных трансфертов в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей по итогам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»;

«Перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»;

«Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», устанавливающая порядок проведения оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ за отчетный период в целях ежегодного доклада Правительства РФ Президенту РФ об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по итогам отчетного года.

Перечень включает двенадцать показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: демографические и социально-экономические показатели населения, объем инвестиций и налогов, реальные доходы населения, оценка населением деятельности органов исполнительной власти и другое [6].

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ определяется по установленной в методике формуле. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199», начиная с 2014 г., к основным двенадцати показателям, добавились два индивидуальных показателя, которые определены экспертной группой при Правительстве РФ для каждого субъекта РФ [6].

Таким образом, любую методику необходимо рассматривать как инструмент, направленный на совершенствование качества государственного управления, что, в свою очередь, будет зависеть от профессиональной компетентности государственных служащих. В представленных методиках присутствует принцип оценки деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по конечному результату деятельности, который понимается как уровень реализации основных целей деятельности региональных властей в различных сферах, а также удовлетворенность населения качеством предоставляемых государственных услуг и деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ.

Библиографический список

1. Армстронг М., Барон А. Performance Management – Управление эффективностью. М., 2005.
2. Тауншип Г., Бэйрсто П. Опыт ЕС. Основы оценки результатов деятельности государственных органов зарубежных стран. Реформа государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2006.
3. О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)»: Постановление Правительства РФ от 11 окт. 2001 г. № 717 // СЗ РФ. 2001. № 43. Ст. 4100.
4. Синягин А.К. Улучшение результатов деятельности организаций. Контекст российских реформ. Реформа государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2006.
5. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 15 апр. 2009 г. № 322 // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 5072.
6. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 3 нояб. 2012 г. № 1142 // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 3461.

A.N. Sulimin

**Dead Ends of Modernization
in the Institutional Construction
of Contemporary Russia**

By means of neoinstitutional approach the characteristic of dead-end modernization in modern Russia is given. It is noted that the implementation of the project on restoration of the basic historically developed institutes of the Russian society would promote real social and political modernization in modern Russia.

Key words and word-combinations: dead-end modernization, institutional traps, institutional matrixes.

С помощью неинституционального подхода дается характеристика модернизации в современной России. Отмечается, что реализация проекта по восстановлению базовых исторически сложившихся институтов российского общества будет способствовать реальным социально-политическим изменениям в стране.

Ключевые слова и словосочетания: тупиковая модернизация, институциональные ловушки, институциональные матрицы.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

А.Н. Сулимин

**ТУПИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

На протяжении четверти века Россия переживает череду институциональных изменений, выражающихся в попытках установлении демократического порядка с необходимыми атрибутами рыночной экономики и правового государства. В целом исследователи, изучающие российский политический процесс, признают, что переход от хаоса 1990-х к консервативной модернизации 2000-х годов был естественной и необходимой задачей по восстановлению управляемости страны и выходу из системного кризиса в ситуации полураспада государственности. Тем не менее установление политического порядка посредством административно-правовых реформ и рецентрализации вертикали власти не решило проблему экономической модернизации государства и общества. В период стабилизации политической системы, зависимость экономики России от внешних рынков только возросла, а российские социально-экономические процессы, выражаясь терминологией синергетики, описывают траекторию «странного аттрактора», когда невозможно предвидеть их последующее функционирование в условиях глобальной турбулентности. Именно поэтому целесообразно рассмотреть основные внутренние риски, ограничения и возможные последствия модернизации в современной России.

Проведение реформ в Российской Федерации в последние десятилетия сталкивалось

с эффектом «институциональных ловушек», подробно описанным в экономической науке [1]. Одним из таких эффектов выступает процесс формирования квазиинститутов, не способных к выполнению в полной мере возложенных на них задач и функций. Общественные институты призваны решать задачу удовлетворения потребности своих участников посредством распределения материальных благ, социальных статусов и установления нормативно-институционального контроля над их распределением. Важнейшей функцией институтов является элиминация поведения участников социально-политических процессов, создание условий конвенциональных форм политического участия.

Дисфункциональность современных российских общественных институтов проявляется как в нарушении правовых норм, так и в размывании ценностей, сложившихся в обществе. Отсюда высокий уровень институциональной коррупции и низкая вовлеченность граждан в социально-политические процессы. Резко неравномерное распределение доходов в российском обществе (по официальным данным, в 16,5 раза [2]) свидетельствует об эрозии институтов, призванных обеспечивать их равномерное распределение.

Имитация институциональных практик является одной из форм тупиковой модернизации российского общества. Например, политические партии так и не стали дееспособным институтом артикулирования и агрегирования общественных интересов ввиду крайне низкого доверия со стороны общества. Необходимо также обратить внимание на институт местного самоуправления, который был реформирован по англосаксонскому образцу. Сегодня муниципалитеты крайне отягощены свалившимся на их плечи государственными полномочиями [3, с. 122]. Реформирование налоговой системы межбюджетных отношений лишило регионы и органы местного самоуправления реальной экономической базы для качественных преобразований. В результате такой политики на 1 октября 2015 г. совокупный объем внутреннего (регионального) долга составил около 7 трлн рублей [4].

Не вполне успешно создаются условия и для развития мелкого и среднего предпринимательства. Попытки снизить административные барьеры в этой сфере не оказали существенного влияния на повышение роли бизнеса в экономике страны (около 11% ВВП [5, с. 128]). Ключевые проблемы малого бизнеса связаны с нестабильным потребительским спросом населения, низкой государственной поддержкой отечественного производства, вступлением в ВТО и высокими ставками по кредитам.

Следствием тупиковой модернизации становится реставрация некоторых черт советских институциональных практик. Как и раньше, во внутренней политике сохраняют свою актуальность традиции патернализма, когда глава государства превращается в заступника народа и, противостояит в одиночку громоздкой бюрократической машине. Президенту РФ напрямую подчиняются силовые структуры и подконтрольное правительство. Заметное сходство с политической системой СССР имеет феномен «партии власти». Тенденции сращивания партийного и государственного аппарата налицо, так как большинство руководителей на всех уровнях власти имеют членство в «Единой России». В регионах Президент РФ опирается на институты федерального

вмешательства, что позволяет Центру контролировать политическую ситуацию на местах и распределять экономические ресурсы в форме трансфертов.

По мнению А.А. Зиновьева, реставрация советских институциональных практик связана с наличием проблем и потребностей, которые остались актуальными и в постсоветской России [6, с. 423]. Постоянно возникают чрезвычайные ситуации, требующие воздействия государственных методов управления, характерных для советского времени. Это проблемы борьбы с нищетой и детской беспризорностью, преступностью, организации вооруженных сил, разведки, ВПК, проведения международных операций и т.д.

Важнейшую роль в России при реформировании всех сфер общества выполняют исторически сложившиеся институты («институциональные матрицы»). Подобные институты обладают инвариантными свойствами в социально-политических процессах существующих обществ. Так, согласно концепции С.Г. Кирдиной, различают институциональную матрицу — Y, которая воспроизводится в западных обществах в форме рыночной экономики, федеративного устройства и субсидиарной идеологии, а также восточную матрицу — X, выраженную в форме раздаточной экономики, унитарно-централизованного устройства и коммунитарной идеологии [7]. Однако на практике в современном обществе в чистом виде подобных матриц не существует, так как любые базовые институты дополняются комплиментарными институтами. Например, Китай при сохранении унитарного государственного устройства опирается на западные комплиментарные институты в сфере экономики. Общей особенностью российской институциональной матрицы являлось и то, что она имела коммунальную основу, которая могла сосуществовать с рыночными институтами только в определенной форме, если рыночные принципы не противоречат коммунальным. В условиях модернизации общества роль подобных коммунальных институтов особенно возрастает в обеспечении воспроизводства институционального порядка, так как они позволяют следующему поколению сэкономить силы и средства для освоения главных новшеств [8, с. 38–39]. Насколько же соблюдается закон сохранения институциональных матриц в результате их модернизации при трансплантации на российскую почву западных базовых институтов?

Главной особенностью институциональной революции в постсоветский период стала тенденция радикального отрицания собственных базовых институтов. Невежество правящего класса при реформировании позднего СССР обозначал еще Ю.В. Андропов, заметив, что «мы не знаем то общество, в котором живем и трудимся». В постсоветской России тенденция дерационализации реформ еще более обострилась. В результате радикальной модернизации преобладали принципы замещения и вытеснения российских базовых институтов импортированными зарубежными практиками вместо их взаимодополнения.

Можно привести конкретные примеры ликвидации традиционных институтов российского общества. Леса на Руси также были элементом коммунальной материальной среды. Лесные промыслы выступали важным условием выживания наших предков наряду с земледелием. Угроза лесных пожаров всегда была и продолжает оставаться актуальной для населения на территории, где существует лесной ландшафт. Поэтому более двухсот лет назад в России была

образована служба лесоохраны как важнейший институт контроля за пожарной безопасностью.

В советское время лесоохрана была модернизирована, оснащена авиацией, специальными спутниками. В 1990-е годы лесное хозяйство планомерно приватизировалось. В 2000 г. была ликвидирована федеральная лесная служба, а в 2006 г. принят новый Лесной кодекс РФ, согласно которому полномочия по лесной охране были переданы субъектам Федерации [9]. При этом в лесном законодательстве не определяется, что такое охрана лесов, от чего их необходимо охранять и какими полномочиями наделены те, кому поручено вести лесоохрану. Функции лесоохраны были переданы в разные руки: лесопользователям (то есть частным арендаторам), региональным и местным властям (без необходимых финансовых, методических и материальных инструментов). Как показала практика, при эксплуатации лесных массивов данные субъекты лесной политики руководствуются сугубо экономической точкой зрения, а не соображением безопасности. Произошла масштабная деэкологизация лесной политики, в результате которой во второй половине 2000-х годов пожарами уничтожены сотни тысяч гектаров леса. Например, на юго-востоке Саратовской области практически полностью выгорел реликтовый Дьяковский лес — единственный крупный лесной массив в сухих степях Заволжья.

Парадоксален и другой случай: ликвидация важного института в сфере материального производства и потребления — Госстандарта, созданного указом Ивана Грозного в 1555 г., когда были установлены размеры пушечных ядер и введены калибры для их проверки. В СССР Госстандарт выполнял значимую роль при индустриализации, что позволило создать мощный тип ВПК, который мог производить детали и для гражданской промышленности. Госстандарт участвовал в повышении качества продукции, снабжая власть ценнейшей информацией. В 2004 г. была ликвидирована Федеральная служба по техническому регулированию и метрологии, вместо нее было образовано Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Ростехрегулирование), менее функциональное по своим возможностям. С 1 июля 2010 г. с принятием нового Федерального закона № 385 была отменена система советских ГОСТов и введены технические регламенты, разрабатываемые производителями и регулирующие только вопросы безопасности [10]. До этого предполагалось полностью перейти на российские регламенты, однако за семь лет было одобрено только одиннадцать регламентов, поэтому законодатель предусмотрел возможность использования технических регламентов стран таможенного союза, норм и правил Европейского союза в тех сферах технического регулирования, где в установленные сроки не были приняты технические регламенты. Таким образом, можно констатировать, что госстандартизация как институт упразднена и Россия оказалась на грани утраты национальной производственной и продовольственной безопасности.

Социально-экономическая инфраструктура ЖКХ современной России характеризуется коммунальным характером, что предопределяет наличие общих инженерных коммуникаций — теплоснабжения, водообеспечения, канализации. Коммунальность как свойство системы предполагает ее функционирование в качестве единой нерасчленимой сущности, элементы которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы. Однако в настоящее время ЖКХ

в России как эффективный социальный институт, призванный формировать качество жизни населения, культуру быта и образ жизни, отсутствует. Данная проблема лежит в плоскости приватизации предприятий ЖКХ, их преобразования в хозяйствующие субъекты с высокой степенью самостоятельности. Наличие различных форм собственности ресурсоснабжающих предприятий (ГУП, МУП, ОАО, ООО и т.п.) не решает вопросов эффективного функционирования предприятий в коммунальной сфере ввиду ее грандиозной убыточности. Разрозненность системы управления в данной отрасли размывает ответственность за конечный результат и приводит к большому количеству злоупотреблений, что нарушает ее функционирование как единого коммунального организма.

Итак, приватизация в России послужила мощнейшим инструментом разрушения множества жизненно важных коммунальных инфраструктурных институтов, без которых невозможно существовать в сложившихся исторически непростых природно-климатических и географических условиях. Например, в связи с экстремальными климатическими условиями недопустима децентрализация таких жизненно важных систем, как теплоснабжение и электроснабжение. Но сегодня фактически произошла их приватизация и децентрализация некоторых из них. Так, в результате реформ РАО «ЕЭС», начавшихся в 2003 г., был принят Федеральный закон «Об электроэнергетике». Главной целью реформ в производстве и сбыте электроэнергии провозглашалось внедрение рыночной конкуренции между вырабатывающими ее электростанциями. В результате был упразднен энергохолдинг РАО «ЕЭС» и выделены оптовые генерирующие компании (ОГК) как самостоятельные хозяйствующие субъекты, электростанции которых разбросаны по всей стране. Одновременно созданы территориальные генерирующие компании. По мнению экспертов, указанная реформа привела к резкому удорожанию электроэнергии для конечных потребителей, потере управляемости энергоснабжением, что неизбежно породило рост аварийных отключений потребителей электроэнергии и износ основных фондов в электроснабжении, достигший 50–75% [11, с. 26].

Функционирование и развитие российских железных дорог в сложных природно-климатических и географических условиях также стало возможным в результате деятельности общественного субъекта — государства. Требования среды предполагали необходимость единого производственного и управленческого процесса, что позволяло экономить общественные издержки и развивать национальное хозяйство. На долю современного железнодорожного транспорта России приходится 80% грузовых перевозок и более 40% пассажирских перевозок, что намного выше, чем в странах Запада [7, с. 196]. По этим причинам железнодорожный транспорт продолжает являться важнейшим элементом коммунальной материально-технологической среды в России, скрепляющий в единое целое огромные территориальные пространства.

В настоящее время принято решение о реформировании естественной монополии ОАО «РЖД» с выделением из ее состава транспортной и локомотивной составляющей. По мнению экономиста М.Г. Делягина, с 2013 г. на железной дороге произошла подлинная катастрофа, резко сократившая объемы грузоперевозок, что вызвано искусственным выделением из РЖД нескольких грузовых компаний, после чего РЖД лишились даже резерва подвижного состава [12].

Таким образом, социально-экономический кризис, в котором сегодня находится российская экономика и социальная сфера, в большей степени связан с последствиями тупиковой модернизации, а не с внешними факторами. Реформы, в рамках которых проходила либерализация социально-экономических отношений, проводились без учета институциональных особенностей российской среды. Ради получения сверхприбыли как главной цели рыночной экономики были разрушены и деформированы коммунальные социальные институты, сложившиеся исторически. Это привело к снижению уровня жизни большей части населения и понижению доверия к общественно-политическим институтам. Вызывает сомнение целесообразность снижения роли государственных институтов при модернизации общества, а также приватизация ключевых объектов социально-экономической сферы.

Российское общество находится на очередной бифуркационной развилке, где нелинейные колебания обозначают тенденцию реставрации жесткого государственного порядка, что проявляется и в резком скачке рейтинга Президента РФ, активизации государственных контрольно-надзорных процедур, ужесточении законодательства в сфере антигосударственной деятельности.

Реставрация — не модернизация, а попытка «подморозить» процессы системного распада общества преимущественно жесткими методами. Необходимо серьезный мониторинг институциональных угроз российского общества, по результатам которого будет разработан план по восстановлению жизнеспособности базовых институтов. Следует отказаться при проведении институциональных реформ от имитации реформировать или ликвидировать квазиинституты. Особая роль в этом процессе принадлежит ключевому персонифицированному субъекту власти — Президенту РФ; от его адекватных решений в ближайшее время зависит дальнейшая судьба российской государственности.

Библиографический список

1. Герасимова В.В., Манохина Н.В. Институциональные ловушки современного общественного развития, обусловленные коррупционными взаимосвязями // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 4–11.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Колодина Е.А. Бюджетный федерализм как основа региональной экономической политики в современной России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 6. С. 121–124.
4. Официальный сайт министерства финансов РФ. URL: <http://www.minfin.ru/>
5. Леликова Н.А., Конвисарова Е.В. Зарубежный опыт налогообложения малого бизнеса // Успехи современного естествознания. 2014. № 12. С. 127–129.
6. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
8. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нацстроительство в современной России. М., 2014.
9. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. 2006. № 277. 8 дек.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании»: Федер. закон от 30 дек. 2009 г. № 385-ФЗ // Российская газета. 2009. № 255. 31 дек.
11. Гельман М.М. Сколько стоит электроэнергия? // Свободная мысль. 2013. № 6. С. 12–26.
12. Делягин М.Г. После разделения РЖД мы опять будем возить батареи самолетами. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/posle-razdeleniya-rzhd-myi-opyat-budem-vozit-batarei-samoletami/>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.A. Korobov, A.I. Chernyavsky

Political Competition in the Context of the Sustainable Regional Development Theory

The article is devoted to the theoretical understanding of the phenomenon of political competition and the identification of its role in the development of a regional political system. The causal connection between the condition of political competition in a region and the stability of regional development is considered. The ability of political competition to support progressive political changes in a regional system is analyzed.

Key words and word-combinations: political competition, regional political process, the political system in a region.

Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена политической конкуренции и выявлению ее роли в процессе развития региональной политической системы. Рассматривается причинно-следственная связь между состоянием политической конкуренции в регионе и устойчивостью регионального развития. Анализируется способность политической конкуренции поддерживать прогрессивные политические изменения в региональной системе.

Ключевые слова и словосочетания: политическая конкуренция, региональный политический процесс, политическая система региона.

УДК 005.521:32
ББК 66.06

*А.А. Коробов,
А.И. Чернявский*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Политическая конкуренция играет одну из ключевых ролей в процессе становления и последующего развития институтов демократии. По состоянию конкуренции между основными акторами политических отношений можно судить об уровне развития в стране демократического режима, гражданского общества, правовой системы и косвенно — об эффективности государственного и муниципального управления. Политическая конкуренция выступает катализатором социально-политического развития региона: создает благоприятные условия для осуществления модернизации региональной политической системы, приведения ее в соответствие с изменяющимися внешними и внутренними параметрами. По этим

причинам политическая конкуренция как общественное явление постоянно находится в фокусе научного внимания политологов и регионоведов. Ими исследуются вопросы поддержания конкурентной среды в региональном политическом пространстве, формы и типы конкурентной борьбы, механизм контроля и регулирования политической конкуренции со стороны органов власти и гражданского общества. В то же время связь политической конкуренции с самим процессом регионального развития изучается достаточно фрагментарно, что обуславливает потребность в дополнительных исследованиях данной проблематики, в приращении новых знаний на пересечении двух предметных областей: политической конкуренции на уровне региона и регионального политического развития. Настоящая статья посвящена одному из аспектов этой научной проблемы — рассмотрению политической конкуренции в контексте теории устойчивости регионального развития.

Политическая конкуренция в научной литературе имеет множество различных определений: «некий набор механизмов, обеспечивающий действие основных форм народовластия» [1, с. 62]; «технологический институт, представляющий собой конкретные правила поведения субъектов» [2, с. 16]; «соперничество, соревнование людей, групп, организаций в достижении сходных целей, лучших результатов в определенной общественной сфере» [3; 4, с. 3]; «соперничество в сфере политики за обладание властью, когда соперники не находятся в состоянии контакта друг с другом, а результаты соперничества определяет некто третий» [5, с. 179–180]. По данным определениям можно судить о сложносоставном, многокомпонентном характере этого феномена, который, с нашей точки зрения, проявляется одновременно в двух плоскостях: в процессуальной и статической. В первом случае политическая конкуренция может быть идентифицирована как политический процесс — борьба между политическими субъектами за обладание ограниченным ресурсом. Во втором случае, — это состояние политической системы, при котором все политические субъекты имеют равные возможности для реализации своих политических целей. В более узком смысле политическую конкуренцию можно представить как вид, тип или состояние отношений (взаимоотношений) между субъектами политики, стремящихся овладеть одним, часто неделимым, ресурсом.

В этом плане можно говорить, что политическая конкуренция обладает неким дуализмом: это одновременно и политический процесс, и политическое состояние (отношения между отдельными субъектами или системы в целом). При одних условиях в политической конкуренции преобладают процессуальные черты, при других — структурно-функциональные. Однако сущность политической конкуренции остается неизменной — это противоречия в политических интересах и целях. Следовательно, уровень политической конкуренции (высокий, средний, низкий) определяется формой и степенью обострения данных противоречий. При крайней форме обострения противоречий политическая конкуренция трансформируется в конфликт, а отношения между конкурирующими структурами превращаются в откровенно враждебные, конфронтационные. Чаще всего переход политической конкуренции в политический конфликт можно наблюдать в отношениях между властью и оппозицией. Но в этом случае начинают дейс-

твовать уже иные социальные законы, анализ которых выходит за рамки нашего исследования. Иными словами, природа политической конкуренции в целом одинакова для всех иерархических уровней политических отношений: международного, государственного, регионального, муниципального, местного; различны лишь масштаб, методы и средства ведения конкурентной борьбы.

Противоречия, лежащие в основе политической конкуренции в отдельно взятом регионе, и противоречия, лежащие в основе развития региональной политической системы, могут быть одними и теми же. Тогда политическая конкуренция выступает в качестве одного из источников развития политической системы. В подобной ситуации наглядно проявляется диалектическая связь политической конкуренции и политического развития на региональном уровне. Но внесем одно дополнение. Общеизвестно, что общественно-политическое развитие региона является нелинейным непрерывным процессом. Нелинейность процесса регионального развития означает, во-первых, разнонаправленность изменений в политической системе региона; во-вторых, многовариантность последствий политических изменений; в-третьих, возможность как прогрессивных, так и регрессивных, стагнационных изменений; в-четвертых, неопределенность политических последствий. В ситуации, когда источники (внутрисистемные противоречия) политической конкуренции и регионального развития совпадают, конкуренция способствует увеличению числа прогрессивных политических изменений в региональной системе, то есть в контексте регионального политического развития политическую конкуренцию можно под определенным углом зрения воспринимать как средство предотвращения стагнации и страховку от регрессии.

И политическая конкуренция, и процесс политического развития в регионе регулируются на двух уровнях: федеральном и непосредственно на уровне субъекта Федерации. Соотношение этих двух составляющих в управлении конкуренцией и региональным развитием во многом зависит от статуса субъекта Федерации в силу асимметричности федеративного устройства России. В национальных республиках преобладает вторая составляющая, в областях, краях, округе — первая. Но преобладает — не значит доминирует. С учетом суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации региональная политическая конкуренция развивается в едином политико-правовом поле государства в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами.

В зависимости от статуса субъекта Федерации разными являются лишь региональные условия осуществления конкурентной борьбы, но не сами правила. В ситуации, когда власть обладает большим числом степеней свободы, прямое влияние федерального центра на процесс и состояние региональной политической конкуренции относительно мал. Чем меньше в функционировании исполнительной и представительной власти субъекта Федерации самостоятельности, тем больше степень воздействия на региональный политический процесс, включая политическую конкуренцию со стороны федерального центра. Примерно та же картина складывается и в отношении регулирования региональным развитием. Вектор развития региональной политической системы в обоих случаях может быть задан как федеральным центром, так и местной элитой; но регулирование процесса регионального развития, и главное — кон-

троль над ним, в национальных республиках осуществляют, преимущественно, сами региональные власти, но бывают и исключения.

Следует отметить, что в современной научной и специальной литературе, посвященной анализу политической конкуренции как самостоятельного явления, очень часто вводят ограничительные рамки — политическую конкуренцию идентифицируют исключительно как борьбу партий, объединений, блоков (реже — движений) за властные ресурсы: депутатские мандаты, пост президента, губернатора, мэра, в ходе избирательных кампаний. Однако современных объектов политической конкуренции гораздо больше перечисленных. Политические объединения граждан конкурируют между собой не только за властные ресурсы, но, например, и за внедрение своих планов, программ, проектов социально-экономического и социально-политического развития региона или муниципалитета, за гранты, за лучшие результаты в своей просветительской, информационно-пропагандистской и иной деятельности, то есть по всему спектру общественных отношений. В ряде регионов присутствует конкуренция между политическими элитами, а это значит, что изучение политической конкуренции на региональном уровне не может ограничиваться только рамками избирательных кампаний и процесса формирования региональных органов исполнительной власти. Анализ состояния политической конкуренции должен непременно охватывать всю сферу взаимодействия политических объединений граждан.

Политическая конкуренция, являясь неотъемлемым атрибутом любого современного демократического общества, выступает в качестве необходимого условия для модернизации и иных политических преобразований в региональном пространстве. Только при наличии в регионе реальной политической конкуренции возможны такие процессы, как систематическая смена правящей элиты, оптимизация аппарата управления, представление в органах власти интересов всех социальных слоев населения, что, в конечном счете, повышает эффективность функционирования всей региональной политической системы. Политическая конкуренция детерминирует и необходимые условия для устойчивого политического развития региона, так как задает общий тон механизму совершенствования государственного и муниципального управления, системы взаимоотношений «власть — общество», региональной партийной системы, институтов гражданского общества, «третьего» сектора. В силу сложного характера взаимозависимости политической конкуренции и устойчивости регионального развития этот теоретический аспект требует более детального рассмотрения.

Прежде всего, определимся с понятием устойчивости регионального развития. В нашем представлении — это способность региональной политической системы осуществлять переход из текущего состояния в другое заданное состояние, как правило, с более высокими показателями и параметрами, при наличии деструктивных факторов, препятствующих этому переходу. Иными словами, — умение региональной политической системы не отклоняться от заданной траектории своего развития, противодействовать любым попыткам изменить вектор политического развития со стороны внутренних или внешних сил.

Поскольку региональная политическая система является нелинейной, ей присуще множество состояний равновесия (одно из классических свойств всех нелинейных систем). Следовательно, можно говорить об устойчивости развития этой системы, а точнее — об устойчивости процессов политических изменений в региональной системе только при фиксации ее политико-правового режима. Политическая конкуренция в условиях демократического режима способна поддерживать устойчивость общественно-политических преобразований в регионе, а в условиях авторитарного или тоталитарного режима — напротив, нарушать равновесное состояние региональной политической системы, разрушать ее. Именно поэтому во всех недемократических государствах фактическая политическая конкуренция представляет реальную угрозу устойчивости политического развития как на региональном, так и на общегосударственном уровне. В этих странах политическую конкуренцию всеми силами пытаются перевести в чисто формальную, фиктивную плоскость.

Однако и при демократическом режиме развитие региональной политической системы может находиться в нескольких равновесных и неравновесных состояниях. Здесь на передний план выходит проблема устойчивости переходных процессов, протекающих в региональной системе политических отношений. Устойчивость переходных процессов напрямую зависит от начальных условий, заданного импульса преобразований, а также от возможных внешних воздействий.

Еще сложнее ситуация с устойчивостью регионального политического развития, когда имеет место трансформация политического режима, когда осуществляется переход от авторитарного, тоталитарного режима к демократическому, или наоборот. Политическая конкуренция синхронно с общегосударственными преобразованиями претерпевает изменения: либо возникает и прогрессирует, либо постепенно демонтируется соответственно. Но и в том, и в другом случае политическая конкуренция уже теряет способность поддерживать устойчивость развития политической системы. Такое положение вещей сохраняется до окончания трансформации политического режима, после чего политическая конкуренция вновь превращается или в фактор-стабилизатор политического развития региона (при установлении в стране демократического режима), или в деструктивный фактор регионального развития (при установлении в стране недемократического режима).

Отметим, что устойчивость регионального развития — функция многих переменных. Ее определяют (обеспечивают): характер, прочность горизонтальных и иерархических связей между субъектами региональной политической системы, эффективность регионального управления, наличие / отсутствие каналов обратной связи в организационно-управленческой подсистеме, степень активности оппозиции (для российских условий большее значение имеет деятельность несистемной оппозиции) и контр-элиты, состояние политической конкуренции в регионе, уровень доверия к власти со стороны населения, качество и функциональность информационно-коммуникационной среды региона и т.д. Таким образом, политическая конкуренция является лишь одним из многих факторов устойчивости регионального развития. Теоретически, в

случае ее полного отсутствия в региональном политическом пространстве, необходимая устойчивость регионального развития может быть достигнута за счет усиления других компонентов. Но если учесть тот факт, что при демократическом режиме политическая конкуренция — один из важнейших источников регионального развития, то тогда ее роль в процессе обеспечения устойчивости политического развития значительно возрастает.

Поскольку региональная политическая система является автономной подсистемой общегосударственной политической системы, источники регионального развития могут находиться как внутри самой региональной системы, так и за ее пределами — на федеральном уровне. Политические преобразования в высших эшелонах власти или даже просто смена парадигмы общенационального развития государства обуславливают структурно-функциональные изменения во всех российских регионах. Федеральная власть также может напрямую запустить процесс регионального политического развития в отдельно взятом субъекте РФ, изначально задав ему определенный вектор. Но вне зависимости от того, где находится источник регионального развития, устойчивость этому процессу придают, преимущественно, внутрирегиональные факторы.

Между состоянием политической конкуренции и устойчивостью регионального развития можно проследить прямую и обратную связь. Анализ политической конкуренции в регионах Приволжского федерального округа позволил нам выявить два ее особых состояния, которые условно можно назвать «постоянной конкуренцией» и «периодической конкуренцией». Первое состояние политической конкуренции свойственно тем региональным политическим пространствам, где основные политические субъекты (партии, движения, объединения граждан) обладают равными возможностями для реализации своих политических целей не только во время избирательных кампаний, а постоянно. Во втором состоянии политические субъекты выравниваются в правах и возможностях лишь периодически: на время проведения избирательной или иной политической кампании и на весьма ограниченный срок, а в промежутке между кампаниями политическая конкуренция отсутствует. Состояние «постоянной» и «периодической» конкуренции задается и обеспечивается внешней средой — политико-правовым полем, то есть государством. Не вдаваясь в детали причинной обусловленности этого явления, отметим, что при «постоянной конкуренции» устойчивость регионального развития существенно возрастает, а «периодическая политическая конкуренция» не оказывает практически никакого влияния на состояние устойчивости развития региональной политической системы. В связи с этим приходим к заключению о различной степени корреляции между политической конкуренцией и устойчивостью регионального развития.

На примере Саратовской области можно выделить ряд особенностей сочетания «постоянной» и «переменной» политической конкуренции. В процессе проведения выборов в региональный парламент (Саратовская областная Дума) на протяжении последних трех избирательных циклов 2002—2007, 2007—2012, 2012—2017 наблюдается тенденция «переменной» политической конкуренции в условиях наличия масштабных региональных политических

проектов партии «Единая Россия», при одновременном отсутствии таких долгосрочных стратегий у КПРФ, Справедливой России и ЛДПР. Элементы «постоянной» политической конкуренции появляются только во временные отрезки, связанные с глобальными экономическими факторами, воздействующими на российскую экономику в целом и на ее региональную составляющую в частности. Так в период кризиса 2008—2010 гг. в Саратовской области значительно обострилась внутрипартийная конкуренция. Антикризисные проекты «Единой России», КПРФ и ЛДПР стали альтернативой друг другу как во фракционной деятельности партий в Саратовской областной Думе, так и в electoralной среде [6, 143]. Подобная ситуация наблюдалась и весной 2015 г.

Если прямая корреляция «состояние политической конкуренции → устойчивость регионального развития» имеет вполне понятную причинно-следственную связь, то про обратную корреляцию такого сказать нельзя. Устойчивость регионального развития обеспечивает бесперебойность протекания многих политических процессов в регионе, но не является ни необходимым, ни достаточным условием для их существования. В связи с этим можно сделать предположение, что когда в региональной политической системе начинается складываться, реструктуризоваться или как-то иначе видоизменяться политическая конкуренция, состояние устойчивости регионального развития будет этому способствовать, но не более того. Таким образом, обратную зависимость политической конкуренции от устойчивости развития региональной политической системы можно охарактеризовать как весьма опосредованную и слабо выраженную.

На основании сказанного резюмируем следующее: уровень корреляции между состоянием политической конкуренции в регионе и устойчивостью регионального развития — не постоянная величина, а может увеличиваться или уменьшаться в силу разных обстоятельств, и, следовательно, взаимозависимость политической конкуренции и устойчивости политического развития региона то усиливается, то ослабевает; при высокой степени корреляции двух этих состояний политическая конкуренция выступает в качестве стабилизатора прогрессивного политического развития региона, обеспечивая сбалансированность региональной системы политических отношений, при низкой степени корреляции политическая конкуренция перестает играть какую-либо значимую роль в поддержании равновесия динамично развивающейся региональной системы.

Библиографический список

1. Лукьянова Е.А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе // Современная конкуренция. 2007. № 3.
2. Васильева С.В. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1 (86).
3. Российский энциклопедический словарь. М., 2001.
4. Нисневич Ю.А. Свобода и конкуренция или коррупция? М., 2009.
5. Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19.
6. Горбачев М.В. Антикризисные проекты в цивилизационных дискурсах современных российских политических лидеров. Саратов, 2015.

O.J. Mamedov
Characteristic Features
of Legislative Authorities
as a Subject of Civil Service Law
(Case Study of the Republic
of Azerbaijan)

Legislative authorities are analyzed as a subject of civil service law, and their characteristic features are studied. The scientific and theoretical positions on features of legislative authorities are summarized. The legislative authority of Azerbaijan Republic is characterized as a subject of civil service.

Key words and word-combinations: civil service law, law subjection, legislative body, legislative authorities.

Рассматриваются органы законодательной власти как субъекты права государственной службы и их характерные особенности. Обобщаются научно-теоретические положения о признаках, характеризующих органы законодательной власти. Анализируется законодательная власть Азербайджанской Республики как субъект права государственной службы.

Ключевые слова и словосочетания: право государственной службы, правосубъектность, законодательная власть, органы законодательной власти

УДК 342.5
ББК 67.400.6

О.Д. Мамедов

ХАРАКТЕРНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНОВ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
КАК СУБЪЕКТОВ ПРАВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
(на примере Республики
Азербайджан)

Осуществляемое в Азербайджанской Республике строительство правового государства создало условия для возникновения и развития отраслей права нового поколения. В Азербайджане одной из самостоятельных формирующихся отраслей права является право государственной службы. Данная особенность составляет составную часть азербайджанской модели всестороннего развития современного правового государства. В системе осуществляемых президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым реформ совершенствование и кодификация законодательства о государственной службе определены как основные цели развития. В настоящее время процесс кодификации законодательства о государственной службе находится на стадии завершения. Подготовлен проект «Кодекса государственной службы Азербайджанской Республики» и представлен на обсуждение общественности. В ближайшем будущем, с принятием и применением данного Кодекса, завершится процесс кодификации законодательства о государственной службе и формирования права государственной службы как самостоятельной отрасли права.

Одним из субъектов права государственной службы выступают органы государс-

твенной власти и государственного управления, другим — государственные служащие, осуществляющие цели и функции государства и занимающие выборные или назначаемые должности. Государственные служащие являются категорией работников, обладающих определенных законом, особыми полномочиями и статусом. С этой точки зрения определение статуса субъектов права государственной службы, конституционно-правовое регулирование возникающих между этими субъектами отношений имеет большое как научно-теоретическое, так и практическое значение. Одним из субъектов права государственной службы считаются органы законодательной власти. В современный период исследование признаков органов законодательной власти как субъектов права государственной службы обуславливается актуальностью их научно-теоретических и практических задач.

Вопрос, связанный со статусом органов законодательной власти как субъектов права государственной службы, проанализировался в общем научном контексте Ю.Н. Стариловым, В.В. Эмих, О.И. Чуприс и другими исследователями. Однако признаки, характеризующие органы законодательной власти как субъектов права государственной службы, не были самостоятельным объектом научного исследования и не изучались комплексно. Выдвинутые в данном исследовании положения имеют научно-теоретическое и практическое значение и направлены на разрешение существующих проблем. Как теоретическая база они могут быть полезны для будущих научных изысканий.

Цель исследования заключается в подготовке научно-теоретической концепции о характерных особенностях органов законодательной власти как субъектов права государственной службы, а задачи состоят в обобщении научно-теоретических положений по данным вопросам; представлении внутренних компонентов правосубъектности органов законодательной власти в сфере государственной службы; анализе, определяющем их правовой статус норм; выражении научных суждений в сфере совершенствования законодательства.

Государственные служебные правоотношения регулируются нормами, относящимися к различным отраслям права. В комплексе эти нормы создают систему государственных служебных правовых норм. В связи с этим в сфере государственной службы возникает ряд актуальных вопросов требующих анализа. Государственная служба как правовой институт считается основным средством обеспечения реализации государственной власти и государственного управления. Взаимные правовые отношения, возникающие между государством, государственной властью, государственным управлением и государственной службой, объединяются в единую систему. Эти институты обладают правосубъектностью в сфере государственной службы. Каждый из них выступает субъектом права государственной службы, обладает своеобразными характерными особенностями и внутривидовой классификацией, которая основывается на принципе разделения властей.

Входящие в данную классификацию законодательная, исполнительная и судебная власти и их органы выступают субъектами права государственной службы и обладают определенными законодательством правовым статусом и

полномочиями. По мнению Ю.Н. Старилова, государственная служба осуществляется только в организациях, которые называются государственными органами или службами, формированиями и учреждениями, реализующими функции государственных органов. Государственный орган представляет собой учрежденное в системе государственной администрации структурное организационно-правовое образование, имеющее специальные цели и задачи, а также наделенное в нормативном порядке функциями, задачами и специальной компетенцией. Каждый государственный орган имеет структурные особенности [1, с. 33–34]. Как считает А.Г. Рзаева, государственное руководство осуществляется с помощью занимающей политические должности элиты, а управление реализуется посредством его главного механизма — государственной службы. Все это указывает на логическое заключение связей и взаимного влияния политической власти, государственного управления и государственной службы [2, с. 90].

Институционализация государственной гражданской службы как вида государственной службы свидетельствует о масштабности задач и целей стратегического замысла проводимых реформ и может рассматриваться в качестве нового эффективного механизма реализации функций государственного управления, соответствующего повышенным требованиям, предъявляемым к организации и функционированию государственного аппарата, и направленного на укрепление социально-правового положения его кадрового корпуса — государственных служащих [3].

В законодательной власти развитых стран вопрос о правосубъектности права государственной службы представляет большой научный интерес. Государственно-служебное право в системе государственной службы Германии разделяется на право чиновников (чиновничье право как ветвь особого административного, а значит, и публичного права) и право служащих и рабочих (трудовое право как ветвь частного права). Во Франции парламентским государственным служащим является лицо, назначенное на постоянную должность, включенное в штат и получившее ранг (разряд) в иерархии должностей аппарата палаты парламента. Статус чиновника в аппаратах палат парламента Франции определяется совокупностью законодательных и нормативных актов, относящихся к сфере публичного права. Структура органов Европейского союза и традиции государственной службы стран-членов этой организации способствовали тому, что процедура правового обеспечения службы в Европейском парламенте во многом напоминает французскую государственную службу, хотя имеет некоторые отличия. Такой краткий анализ организации и правового обеспечения парламентской государственной службы некоторых развитых зарубежных стран показывает, что этому виду государственной службы придается большое значение, и он подробно регламентирован. Подобные принципы реализованы в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4].

Право государственной службы обладает своеобразным объектом, субъектом и содержанием. По мнению А.М. Касимова, в структуру правовых отношений прежде всего входит регулируемый объект. Некоторые структур-

ные элементы связаны с субъектами правовых отношений. Так, существуют группы субъектов правовых отношений (потенциальные участники правовых отношений) и субъектов конкретных правовых отношений (конкретный субъект). Еще одним структурным элементом является содержание правовых отношений. В этом случае можно говорить об отношениях между субъектами, обладающими конкретными правами и обязанностями. Наконец, в структуру правовых отношений входят юридические факты, создающие, изменяющие и прекращающие правовые отношения [5, с. 23–24].

Объектом государственных служебных правоотношений выступают общественные отношения, обладающие полномочиями государственной власти. Государственные служебные правоотношения возникают между субъектами с различным статусом и полномочиями, а содержание государственных служебных правоотношений определяется пределом полномочий и статусом субъектов. Правосубъектность органов законодательной власти в сфере государственной службы зависит от объема и содержания полномочий, установленных конституцией и другими законодательными актами. В юридической литературе широко обсуждается вопрос о правосубъектности органов законодательной власти. М.Т. Меликова считает, что субъектами права являются граждане и организации, обладающие охраняемыми со стороны государства субъективными правами и обязанностями [6, с. 303].

Субъекты правоотношений — отдельные люди или организации, которые в соответствии с нормой права наделены способностью быть участниками правоотношений. Субъектами правоотношений выступают право и дееспособные физические лица, юридические лица и государство в целом. Необходимо усвоить важнейшие в правовой теории и практике понятия правосубъектности, правоспособности, дееспособности и деликтоспособности [7, с. 369].

Государственное управление, как и любое управление, представляет собой упорядочивающее, целенаправленное воздействие субъекта управления на его объект, которое существует в единой взаимосвязанной системе для достижения государственно значимого результата, что наилучшим образом доказано И.Л. Бачило [8, с. 8–23]. Государственные органы участвуют в различных правоотношениях — конституционных, административных, гражданско-процессуальных, финансовых и других. В теории государства и права для обозначения возможности участвовать в правоотношениях выработана универсальная межотраслевая правовая категория «правосубъектность». В качестве субъекта права рассматриваются лишь те субъекты, за которыми признано особое юридическое свойство правосубъектности [9, с. 383]. Ю.Н. Стариков также рассматривает государство в качестве одного из субъектов публично-правовых служебных отношений: «Публично-правовое служебное отношение включает следующих участников: 1) государство и его органы (во всех ветвях власти); органы местного самоуправления; государственные предприятия (муниципальные предприятия); 2) государственных и муниципальных служащих, которые замещают должность на основании установленных в законе способов (назначение, конкурс, избрание)» [10, с. 302].

Содержание правосубъектности государственных органов раскрывается прежде всего через такое юридическое явление, как право и дееспособность, поскольку правоспособность и дееспособность государственных органов возникают одновременно в момент их создания, и разграничение данных понятий применительно к государственным органам, как правило, не имеет правового значения. Вместе с тем государственные органы — специфические субъекты права. Они, являясь составной частью государственного механизма, реализуют функции государства, наделены государственно-властными полномочиями, воплощающимися в их компетенции. Таким образом, государственные органы, как и все субъекты права, обладают правосубъектностью (правом и дееспособностью), но только они наделяются компетенцией [11, с. 423—424]. Отношения в связи с занятием депутатских должностей, должностей президента и иных высших руководителей государства — конституционно-правовые [12, с. 104]. Парламент формирует ряд государственных органов, избирает и назначает некоторых должностных лиц, определяет их полномочия, принимает другие акты. В системе государственного управления парламент осуществляет ряд своеобразных функций. В общественных отношениях эти функции характеризуются своим косвенным влиянием и осуществляются посредством регулирующих законодательных актов. Парламент как орган законодательной власти для реализации своих функций обладает определенными полномочиями, а их объем устанавливается формой управления (формой государственного управления) [13, с. 344].

По мнению М.В. Преснякова и С.Е. Чаннова, служебные правоотношения являются, как правило, двухсубъектными. Первым субъектом служебных правоотношений является государственный или муниципальный служащий. Служебная правоспособность, соответственно, выражается в определенной правовыми нормами возможности данного субъекта приобрести служебно-правовые обязанности и права и нести юридическую ответственность за их практическую реализацию в сфере государственной и муниципальной службы. Вторым субъектом служебных правоотношений является наниматель. Вопрос о нанимателе по отношению к государственным и муниципальным служащим в юридической литературе по служебно-правовой тематике — один из наиболее спорных. Если представители трудового права концепции регулирования традиционно рассматривают в качестве нанимателя (работодателя) орган государственной власти и местного самоуправления, в котором служащий замещает должность государственной или муниципальной службы, то административисты настаивают, что специфика служебных правоотношений требует признания в качестве одной из его сторон публичного образования — государства или муниципального образования соответственно [14, с. 92—98].

В контексте государственных служебных правоотношений характерное для государственного управления понятие можно выразить следующим образом. Под государственным управлением следует понимать организационную деятельность субъектов государственной власти с особым статусом и полномочиями, средство обеспечения в сфере осуществления целей и фун-

кций государства, а под субъектами государственного управления с особым статусом и полномочиями — установленную конституцией государственную власть — органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Помимо этого отметим, что общественные отношения, возникающие в сфере осуществления государственной власти, представляют составную часть государственных служебных правоотношений.

Правовой статус и пределы полномочий органов законодательной власти устанавливаются Конституцией Азербайджанской Республики и другими нормативными актами. Согласно Конституции Азербайджанской Республики «в Азербайджанской Республике единственным источником государственной власти является народ Азербайджана» (ст. 1). «Свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления является суверенным правом народа Азербайджана. Народ Азербайджана осуществляет свое суверенное право непосредственно путем всенародного голосования — референдума и посредством своих представителей, избранных на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем свободного, тайного и личного голосования» (ст. 2) [15].

Депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики выступает представителем народа и осуществляет цели и функции государства в законодательной сфере. «Государственная власть в Азербайджанской Республике организуется на основе принципа разделения властей: законодательную власть осуществляет Милли Меджлис Азербайджанской Республики; исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики; судебную власть осуществляют суды Азербайджанской Республики» (ст. 7) [15].

В Законе Азербайджанской Республики «О государственной службе» классификация государственных органов в зависимости от их статуса, иерархии и юрисдикции (государственном, региональном и местном уровнях) была закреплена по Высшей — пятой категории. Под государственными органами Высшей категории следует понимать высшие государственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти Азербайджанской Республики, основные полномочия которых определяются ч. III ст. 7 Конституции Азербайджанской Республики, а также вышестоящий орган исполнительной власти — органы, непосредственно обеспечивающие деятельность и осуществляющие исполнительные полномочия главы Азербайджанского государства; Милли Меджлис Азербайджанской Республики; осуществляющий полномочия высшего конституционного правосудия Конституционный Суд Азербайджанской Республики; высший судебный орган по отнесенным к производству общих и специализированных судов делам Верховный Суд Азербайджанской Республики (ст. 8) [16].

Одним из средств конституционного обеспечения реализации государственной власти является право государственной службы граждан. В Конституции Азербайджанской Республики (ст. 55) закреплены три права граждан, обеспечивающие их участие в управлении государством: право непосредствен-

ного участия граждан в управлении государством; право участия граждан в управлении государством через своих представителей; право граждан служить в государственных органах, иными словами, право государственной службы граждан [15].

Согласно Закону Азербайджанской Республики под государственной службой следует понимать выполнение государственными служащими своих должностных полномочий в области осуществления в соответствии с Конституцией и другими законодательными актами Азербайджанской Республики целей и функций государства (ст. 2.1). Данный Закон распространяется на служащих, проходящих государственную службу в органах исполнительной, законодательной и судебной власти (ст. 2.2), если настоящим Законом не предусмотрено иное, этот Закон не распространяется на депутатов Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, председателя Счетной палаты Азербайджанской Республики, заместителя председателя и аудиторов, депутатов Верховного Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики (ст. 2.4) [16].

В третьем разделе («Государственная власть») пятой главы («Законодательная власть») Конституции Азербайджанской Республики закреплены специальные нормы, характеризующие законодательную власть как субъекта государственной службы. Законодательную власть в Азербайджанской Республике осуществляет Милли Меджлис Азербайджанской Республики, поэтому как субъект государственной службы Милли Меджлис обладает конституционно-правовым статусом; состоит из 125 депутатов. Срок полномочий депутатов ограничивается сроком полномочий созыва Милли Меджлиса Азербайджанской Республики. Право законодательной инициативы (вносить на рассмотрение Милли Меджлиса Азербайджанской Республики законопроекты и другие вопросы) принадлежит, в первую очередь, депутатам Милли Меджлиса [15]. Эти конституционные нормы характеризуют государственную власть как субъекта государственной службы, определяют его статус и круг полномочий.

Милли Меджлис обладает особыми полномочиями и статусом как высший государственный орган, так и орган законодательной власти. А классификация органов Милли Меджлиса как субъектов государственных служебных правоотношений была определена «Внутренним Уставом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики» [17]. К органам Милли Меджлиса относятся: председатель, первый заместитель председателя, заместители председателя, комитеты, вспомогательная комиссия комитетов (при условии создания), председатель комитета, заместитель председателя комитета, Счетная комиссия, Дисциплинарная комиссия, временные комиссии (при условии создания), депутатские фракции (группы) (при условии создания), Счетная Палата. Каждый из этих органов, обладая правами и обязанностями, выступает субъектом права государственной службы.

Таким образом, органы законодательной власти как субъекты права государственной власти обладают всеми характерными признаками. Правосубъектность органов законодательной власти в сфере государственной службы

зависит от объема и содержания полномочий, установленных Конституцией и другими законодательными актами. Основу деятельности органов законодательной власти и каждого занимающего в этих органах выборную или назначаемую должность лица составляют государственные служебные правоотношения. Законодательная власть, будучи независимой ветвью государственной власти, является одним из субъектов права государственной службы. Милли Меджлис Азербайджанской Республики и его органы являются субъектами права государственной службы. Органы законодательной власти входят в ряд основных субъектов, участвующих в формировании нормативно-правовой базы, регулирующих государственные служебные правоотношения. Возникающие между субъектами органов законодательной власти отношения составляют систему государственных служебных правоотношений. Как субъекты права государственной службы органы законодательной власти обладают право- и дееспособностью, в том числе деликтоспособностью государственной службы.

Библиографический список

1. *Старилов Ю.Н.* Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. М., 2015.
2. *Рзаев А.Г.* Правовые основы государственной службы. Баку, 2011.
3. *Кулаков В.Ф.* Вопросы реализации федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в законодательных (представительных) органах власти: проблемы и перспективы. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2434262ad0ea0a.pdf>
4. *Жамбалнимбуев Б.Ж., Рогожкин А.В.* Зарубежный опыт организации и правового обеспечения парламентской государственной службы. URL: <http://archiv.council.gov.ru/files/journalsf/item/20061017122801.pdf>
5. *Касымов А.М., Джафаров З.И., Гусейнов А.И.* Единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений: учеб. пособие. Баку, 2015.
6. *Меликова М.Ф.* Теория государства и права. Баку, 1988.
7. *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2007.
8. *Бачило И.Л.* Функции органов управления: правовые проблемы оформления и реализации. М., 1976.
9. Теория государства и права: учебник. М., 2003.
10. *Старилов Ю.Н.* Служебное право: учебник. М., 1996.
11. *Эмих В.В.* Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2009. № 9. С. 423–432.
12. *Чуприс О.И.* Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь. Минск, 2009.
13. Теория государственного управления: учебник. Баку, 2010.
14. *Пресняков М.В., Чаннов С.Е.* Служебное право Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2011.
15. Конституция Азербайджанской Республики. Баку, 2009.
16. О государственной службе: Закон Азербайджанской Республики от 21 июля 2000 г. № 926-ПГ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2001. № 1. Ст. 1.
17. Об утверждении Внутреннего Устава Милли Меджлиса Азербайджанской Республики: Закон Азербайджанской Республики 74-ПГ от 17 мая 1996 года // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 1997. № 2. Ст. 107.

Asef Naderi

**The Role of Afghanistan
in the Contemporary System
of International Relations**

The role of Afghanistan in the modern world is analyzed and the conclusion that the country still plays a significant part in the complicated international relations is drawn. It is proved that despite the attempts to impose a model of English, Soviet and American development on the country, the social and political situation in Afghanistan has not changed significantly.

Key words and word-combinations: the conflict in Afghanistan, the Taliban, the Afghan armed forces, the interests of Russia, the CIS, the USA.

Анализируется роль Афганистана в современном мире и делается вывод, что страна продолжает занимать значительное место в сложных международных отношениях. Доказывается, что несмотря на попытки навязывать Афганистану модели развития по английскому, советскому и американскому варианту, общественная и политическая ситуация в стране не претерпела существенного изменения.

Ключевые слова и словосочетания: конфликт в Афганистане, Талибан, афганские вооруженные силы, интересы России, СНГ, США.

УДК 323(4/9)

ББК 66.3(4/8)

*Асеф Надери***РОЛЬ АФГАНИСТАНА
В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Роль Афганистана в современной системе международных отношений во многом определяется через развитие партнерских отношений с Российской Федерацией, имеющих глубокие исторические корни. Истоки первых контактов Российской империи с Афганской империей Дуррани насчитывают более 2,5 веков. На протяжении многих лет русские и афганские правители часто обменивались дипломатическими эмиссарами, пока, наконец, в 1919 г. между двумя странами не установились постоянные дипломатические отношения. Россия стала первым в мире государством, признавшим суверенный и независимый Афганистан.

Формирование образа любой страны за пределами ее границ представляется довольно сложным, многоуровневым и многоплановым механизмом, меняющим свои контуры и характер в зависимости от изменения внутренних и внешних процессов развития общества и приоритетности основных компонентов этого механизма. В Афганистане определяющее влияние на формирование образа России оказали исторические связи. На протяжении многих лет они имели различные тенденции, связанные с внешнеполитическим курсом, сменой режима в обоих государствах, региональными особенностями международной политики [1, с. 6]. Азиатский вектор, и в частности Афганистан, занимал особое место в политике и дипломатии России. По мнению известного историка российской политики

на Востоке Н.А. Халфина, «афганские прогрессивные деятели призывали к установлению дружественных отношений с северным соседом, с государством, где победила социалистическая революция; они приветствовали национальную политику правительства СССР и отказ от захватнических стремлений царизма» [2, с. 37]. В этом контексте образ советской России представлялся как мифотворческий. Само завоевание и становление афганской независимости рассматривалось в советской историографии как борьба за свободу против колониального гнета и империалистов. Это сближало Россию и Афганистан, формируя тем самым образ «борца», характерный для каждой из этих стран.

В советской историографии советско-афганские отношения очень часто представлялись как дружественные, и при этом упускались особенности афганского нейтралитета, стиля управления его высшего руководства и военных. Афганцы в качестве главного внешнеполитического врага рассматривали Великобританию, образ которой складывался на протяжении трех англо-афганских войн XIX — начала XX в. и был отягощен обычаем кровной мести за смерть родственников, искусственно проведенной англичанами государственной границей, разделившей пуштунский этнос.

Итак, внешнеполитический стиль российского / советского руководства и формирующийся в Афганистане образ России в начале XX в. обуславливался историческими условиями, и прежде всего компромиссами мировых держав в афганском вопросе, а также реалиями международного положения, сложившегося в период между двумя мировыми войнами. На этом этапе стиль советского руководства на афганском направлении характеризуется как дружественный, направленный на сотрудничество в борьбе с Великобританией и укрепление государственных границ. Однако внешнеполитический образ нового советского режима и прошлый имперский образ, сохранившийся в сознании представителей старшего поколения афганцев, заставляли традиционные слои и часть элиты этой страны настороженно относиться к советской политике в Афганистане, что не мешало использовать афганским властям любую экономическую и военную помощь со стороны России / СССР.

Дружба между советским и афганским народами прошла через серьезные испытания военных лет и выдержала их. В январе 1945 г., когда исход войны был уже предрешен, советское правительство обратилось к Афганистану с дружественным посланием, в котором высоко оценило верность южного соседа договору 1931 г. и его политику во время войны. Одновременно советское правительство выразило готовность всемерно развивать отношения между обеими странами. С разгромом фашизма в 1945 г. создались еще более благоприятные условия для дальнейшего развития советско-афганских отношений [3, с. 75].

Со времени достижения Афганистаном суверенитета в 1919 г. укрепление национальной независимости стало одной из важнейших задач внешнеполитического курса правящих классов страны, идущей по пути национально-буржуазных преобразований. Основой внешней политики оставался принцип дружественных отношений со всеми государствами, особенно с соседними.

Руководствуясь интересами укрепления мира и дружбы между народами, в июне 1946 г. Советский Союз поддержал заявление Афганистана о вступлении в Организацию Объединенных Наций (19 ноября 1946 г. на I сессии

Генеральной Ассамблеи Афганистан был принят в члены ООН). Однако в первый послевоенный период во внешней политике Афганистана продолжали сказываться установки предвоенных лет, диктовавшие необходимость поисков «третьей силы» в лице «наименее агрессивной» капиталистической державы.

Наиболее плодотворный период в российско-афганских отношениях приходится на начало 1950-х годов. Именно в эти годы (1950–1979 гг.) с технико-экономической помощью СССР были заложены основы экономической инфраструктуры страны. Начиная с 1979 г. в отношениях двух, тогда еще соседних стран наступает самый трагический этап. 27 декабря 1979 г. советский воинский контингент вторгся в Афганистан, где на долгие десять лет увяз в междоусобной войне. Споры о том, была ли это «интернациональная помощь коммунистическому режиму» или «политическая ошибка», продолжаются до сих пор.

В настоящее время в условиях хронического афганского кризиса анализ истории российско-афганских отношений через призму восприятия их в общественном сознании обеих стран приобретает особую актуальность. Проблема Афганистана остается важной на протяжении многих лет и систематически освещается в мировых средствах массовой информации. Предпосылками и причинами происходящих в нем событий являлось следующее.

Во-первых, противоречия во взаимоотношениях между этническими группами. После основания в 1747 г. Ахмад-шахом Дуррани — афганского государства — начался процесс централизации, который продолжился до конца XIX в. На протяжении полутора веков афганские правители вели упорные завоевательные войны. В результате им удалось подчинить значительные территории, населенные неафганскими народами: Северный и Западный Афганистан, Бадахшан, Хазараджат, Нуристан и т.д.

Во-вторых, осуществление «линии Дюранда», которая после приобретения Афганистаном независимости и основания Пакистана стала основным источником политических противоречий между этими двумя странами. Пришедший к власти с помощью англичан эмир Абдурахман-хан был вынужден заключить неравноправный и унижительный для Афганистана договор, определивший границы государства с Британской Индией. Эта граница вошла в историю как «линия Дюранда». Существенная территория, на которой проживали пуштунские племена, отошла к Британской Индии, а впоследствии вошла в состав Пакистана.

В-третьих, вопрос «разделенных народов» — пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков, туркмен и белуджей, которые проживают в Афганистане и составляют этническое большинство (или меньшинство) в Пакистане, Иране, Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане.

В-четвертых, вопрос религиозных меньшинств, к которым относятся хазарейцы, исповедующие шиизм джафаритского и исмаилитского толка, нередко становившиеся объектом угнетения по этническому и религиозному признакам.

Следует отметить, что угроза терроризма и забота мирового сообщества о правах человека не были определяющими факторами в уничтожении движения «Талибан», хотя, бесспорно, они сыграли основную роль. Представляющаяся маловероятной возможность «талибанизации» стран Центральной Азии скрыла от общественности значимые цели политики США в этом регионе. Свержение режима талибов и наращивание военного присутствия США в Центральной

Азии было тесно связано с интересами бизнеса в сфере нефти и газа. Военная кампания против режима «Талибан» предоставила возможность США контролировать любой постталибский режим в этом стратегически важном перекрестке Азии. Благодаря войне США превратились в третью военную державу в центрально-азиатском регионе после России и Китая [4].

Страна значительно отстала от других государств мира в своем социально-экономическом развитии и нуждается в существенной экономической, финансовой, культурной и военной помощи со стороны развитых стран, без вмешательства их в ее внутренние дела. На пути развития Афганистану, вероятно, придется справиться с очередным военным вмешательством в свои дела иностранных государств, устранить внутренние разногласия, обновить экономику, форсировать разработку полезных ископаемых, поднять образовательный и культурный уровень населения.

Последующее формирование Афганистана в существенной степени зависит от отношения к нему соседних стран — Пакистана и Ирана, России и США, безусловно, заинтересованных в сохранении в Афганистане благонадежного по отношению к ним режима. Отметим, что важное значение имеет и отношение к Афганистану таких стран, как Китай и Индия. Следовательно, Афганистан в ближайшее время ощутит влияние указанных государств в сфере экономики, финансов, образования и т.д.

Все страны, граничащие с Афганистаном, стремятся взаимодействовать с правительством этой страны не только для развития экономических связей, но и чтобы обезопасить себя от террористических и сепаратистских угроз, распространения наркотиков, а также укрепить свое политическое влияние в исламской республике и в регионе [5]. Россия заинтересована в том, чтобы соседний регион Центральной Азии был регионом мира и стабильности, а по отношению к России его страны в политическом плане были предсказуемы и дружелюбны [6].

Определяя свою внешнеполитическую деятельность в отношении Кабула, Российская Федерация исходит из того, что ее национальным интересам отвечает установление мира в этой исламской республике, экономическое развитие страны, ее территориальная целостность и сохранение суверенитета. Особое внимание уделяется ликвидации различных исламистских террористических организаций и борьбе с наркопроизводством и распространением афганского героина. Так как прямой границы между ИРА и Россией не существует, экспорт нестабильности в Россию из Афганистана может быть осуществлен через граничащие с ним Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Воинские контингенты у России имеются только в Таджикистане, а две других страны военную безопасность обеспечивают собственными силами, что представляет для России определенную угрозу. При этом если в рамках деятельности ОДКБ Москва может укреплять безопасность этого региона, то Узбекистан приостановил свое членство в этой организации, а Туркменистан сохраняет нейтралитет.

Отметим, что Узбекистан с одобрения НАТО взял под контроль населенные в основном узбеками северные провинции Афганистана, а непродолжительная граница между Афганистаном и Туркменистаном находится под иранским влиянием. Но в этих условиях, которые, на первый взгляд, могут свидетельствовать об обеспечении безопасности в двух странах, кроются и риски. Для

Узбекистана они связаны с тем, что у талибов сближение Ташкента и НАТО вызывает агрессивную реакцию, и они могут активизировать свою террористическую деятельность в стране через Исламское движение Узбекистана, а также опираясь на поддержку той части населения, которая находится в оппозиции к режиму Ислама Каримова. Для Туркменистана основные риски заключаются в неэффективности и аморфности правительства, удерживающего власть с помощью армии и полиции, но не имеющего возможности противостоять международной и афганской наркомафии. В руководстве ОДКБ и военном ведомстве России отказ Узбекистана и Туркменистана от активного военного сотрудничества с Москвой и ее союзниками оценивается как потенциальный риск для всего Центрально-Азиатского региона [2, с. 37].

Основное значение имеет обеспечение безопасности на всей территории Афганистана. Наряду с соответствующими усилиями международного сообщества упор должен делаться на активизации создания национальной армии и полиции, на поддержку тех сил, которые подтвердили свою приверженность стабилизации в Афганистане, борьбе с талибами и их сообщниками. Россия готова внести существенный вклад в решение этой задачи, взаимодействуя с другими заинтересованными партнерами в сфере содействия созданию новой афганской армии.

Понимая всю сложность гуманитарной ситуации в Афганистане, усилия России сконцентрированы именно на этом направлении, что будет способствовать созданию условий для перехода страны к проектам экономического восстановления. Российская помощь осуществляется как по линии международной гуманитарной коалиции, так и на двусторонней основе в рамках конкретных проектов. В целом с участием сил и средств России в гуманитарной сфере было освоено порядка 1 млрд рублей.

Противодействие афганской наркоугрозе должно опираться на принятие под эгидой ООН скоординированных с афганскими властями мер по ограничению и последующему искоренению культивирования опийного мака и на укрепление внешних антинаркотических поясов безопасности по периметру Афганистана. Россия подтверждает свой призыв к оказанию финансового содействия по созданию таких поясов. Таким образом, сегодня Афганистан — поле столкновения региональных, глобальных интересов многих государств. Эта средневосточная страна, как и прежде, остается ареной борьбы иноземцев за политическое, экономическое, военное влияние.

Библиографический список:

1. *Коргун В.Г.* Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2009.
2. *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.
3. *Исаков А., Филиных Д.* Афганистан: вчера, сегодня, завтра // *Обозреватель*. 2014. № 10. С. 69–78.
4. *Уитни М.* План Обамы по Афганистану: бесцеремонные этнические чистки. URL: <http://inoforum.ru/fogum/index.php>
5. Афганистан представил проект «внешнеполитической доктрины». URL: <http://afghanistan.ru/doc/12025.html>
6. *Слинкин М.Ф.* Афганистан: проблемы войны, мира и безопасности в стране и регионе. URL: <http://www.nbu.gov.ua>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

U.K. Tsaregradskaya

Specifics of Legal Regulation of the State National Debt of the Russian Federation

The legal regulation of the state national debt of the Russian Federation is analyzed. Special attention is paid to the regulation of the form of domestic debt without bond.

Key words and word-combinations: national debt, budget, finance law, deficit, loan.

Анализируется правовое регулирование государственного внутреннего долга Российской Федерации. Особое внимание уделяется регулированию безоблигационной формы внутреннего долга.

Ключевые слова и словосочетания: внутренний долг, бюджет, финансовое право, дефицит, заем.

УДК 347.73:336.0/.5
ББК 67.402+65.261

Ю.К. Цареградская

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВНУТРЕННЕГО ДОЛГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы правового регулирования государственного долга Российской Федерации являются важнейшими для российской экономики, так как функционирование данного института оказывает непосредственное влияние на возможности экономического роста и состояние кредитно-денежной и бюджетной политики в стране. Государственный внутренний долг принято рассматривать в двух аспектах — как экономическую и финансово-правовую категории.

В качестве экономической категории государственный внутренний долг раскрывается в трудах И.А. Бесковой, И.В. Макаренко, Н.В. Орловой, О.А. Яковлевой и других ученых. В частности, И.А. Бескова рассматривает «государственный внутренний долг как задолженность государства по непогашенным внутренним займам и государственным гарантиям и не выплаченным по ним процентам, оформленная соответствующими обязательствами перед юридическими и

физическими лицами данной страны, иностранными государствами, международными финансовыми организациями, выраженная в валюте Российской Федерации» [1, с. 14]. Н.В. Орлова определяет его как «инструмент макроэкономической политики, состоящий в том, что переданная физическими и юридическими лицами государству во временное пользование стоимость на условиях возмездности и эквивалентности в руках нового владельца становится основой реализации его интереса, экономическим инструментом воздействия на контрагентов, источником доходов и расходов» [2, с. 7]. По мнению О.А. Яковлевой, государственный внутренний долг следует обозначить как совокупность финансовых отношений, возникающих в связи с перемещением капиталов из национального или частного сектора в государственный бюджет на основе их заимствования [3, с. 11]. Исходя из этого, основное содержание государственного внутреннего долга как экономической категории проявляется в передаче денежных средств от физических, юридических лиц и иных субъектов в распоряжение государству.

В качестве финансово-правовой категории государственный внутренний долг анализируется в трудах О.Н. Горбуновой, Е.Ю. Грачевой, Н.И. Кротовой, Е.В. Покачаловой, С.Д. Сафиной, Е.А. Соколова, Н.И. Химичевой и других авторов. В трактовке Е.Ю. Грачевой и А.В. Карташова под внутренним долгом следует понимать обязательства, возникающие в валюте Российской Федерации, а также обязательства субъектов РФ и муниципальных образований перед Российской Федерацией, возникающие в иностранной валюте в рамках использования целевых иностранных кредитов [4, с. 389]. По мнению Н.И. Химичевой, государственный внутренний долг Российской Федерации формируется результате всех государственных кредитных операций Российской Федерации, представляя собой все задолженности прошлых лет и вновь возникающие задолженности [5, с. 249]. Е.А. Соколов закладывает в основу содержания понятия причинно-следственную связь между государственным долгом и государственным кредитом, отмечая взаимозависимость и взаимообусловленность государственного кредита, государственных займов и государственного внутреннего долга. В связи с этим он предлагает проекцию специфических признаков государственного кредита на институт государственного долга, выделяя следующие: публичный характер отношений, возникающих в рамках государственного внутреннего долга; особая роль государства в долговых отношениях и наличие специальных органов государства, регулирующих данные отношения; возможность и обязанность государства погашать свои обязательства [6, с. 35–37].

Таким образом, исследователи, раскрывая сущность и содержание государственного внутреннего долга, акцентируют внимание на его публично-правовом характере и условиях функционирования.

В результате анализа теоретических подходов к определению государственного внутреннего долга предлагаем следующую формулировку данного понятия, в основу которой заложен резидентский признак: это долговые обязательства в валюте Российской Федерации перед неограниченным кругом кредиторов, включая долговые обязательства субъектов РФ только перед Российской Федерацией в иностранной валюте в рамках использования целевых иностранных кредитов.

Современное бюджетное законодательство Российской Федерации отказалось от валютного признака, ранее формировавшего понятие внутреннего долга. Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ государственный внутренний долг определяется как обязательства, возникающие в валюте Российской Федерации, а также обязательства субъектов РФ перед Российской Федерацией, возникающие в иностранной валюте в рамках использования целевых иностранных кредитов (заимствований) [7].

Анализируя предложенное определение, а также учитывая содержание п. 4 ст. 98 и 99 БК РФ, можно выделить основные элементы в структуре государственного внутреннего долга Российской Федерации и ее субъектов.

Государственный внутренний долг Российской Федерации включает:

- обязательства по государственным ценным бумагам Российской Федерации, выраженным в валюте Российской Федерации;
- обязательства по кредитам, полученным Российской Федерацией и выраженным в валюте Российской Федерации;
- обязательства по бюджетным кредитам, полученным Российской Федерацией;
- обязательства по государственным гарантиям, выраженным в валюте Российской Федерации;
- иные долговые обязательства Российской Федерации, оплата которых предусмотрена в валюте Российской Федерации [7].

Государственный внутренний долг субъектов РФ по структуре идентичен федеральному внутреннему долгу, отличия обнаруживаются только на территориальном уровне. Учитывая подобную аналогию, законодатель отказался от формулировки определения понятия «государственный долг субъекта Российской Федерации», которая представлена в первоначальной редакции БК РФ, показав лишь специфику в структуре государственного долга субъекта РФ.

Рассматривая содержание государственного внутреннего долга, следует охарактеризовать и его виды с учетом различных признаков: по срокам долговых обязательств; в зависимости от валюты обязательства; от формы обязательств. Виды государственного внутреннего долга по срочности долговых обязательств подразделяются: на краткосрочный (менее одного года), среднесрочный (от одного года до пяти лет); долгосрочный (от пяти до тридцати лет включительно). В зависимости от валюты обязательства существуют два вида обязательств: 1) обязательства, выраженные в валюте Российской Федерации; 2) обязательства, выраженные в иностранной валюте (данный вид обязательств предусмотрен только для субъектов РФ, имеющих обязательства перед Российской Федерацией в иностранной валюте в рамках использования целевых иностранных кредитов (заимствований)).

В зависимости от формы обязательств выделяются облигационные и безоблигационные виды государственного внутреннего долга. Представляется, что в структуре государственного внутреннего долга преобладают именно облигационные формы обязательств, в частности государственные ценные бумаги, выпущенные Российской Федерацией и субъектами РФ; исходя из этого, более детально проанализируем данный вид обязательств.

В современной практике государственных внутренних заимствований бюд-

жетное законодательство закрепляет ценные бумаги как единственную используемую форму государственных внутренних заимствований. В федеральных законах о бюджете за последние годы в рамках программ государственных внутренних заимствований Российской Федерации закрепляются именно ценные бумаги (табл. 1).

Таблица 1

**Государственные внутренние заимствования Российской Федерации
в 2010–2017 гг., тыс. руб.**

Годы	Вид обязательства	
	Государственные внутренние заимствования в целом	Государственные ценные бумаги
2010	838 600 471,0	838 600 471,0
2011	1 186 605 115,9	1 186 605 115,9
2012	709 762 253,6	709 762 253,6
2013	433 003 556,8	433 003 556,8
2014	135 017 455,4	135 017 455,4
2015	179 987 249,5	179 987 249,5
2016	297 283 233,2	297 283 233,2
2017	546 296 983,7	546 296 983,7

Анализируя данные таблицы по государственным внутренним заимствованиям, отметим, что максимальный размер заимствований посредством выпуска ценных бумаг приходился на 2011 г. Начиная с 2012 г. сумма заимствований начинает сокращаться, однако с 2016 г. государство планирует увеличить суммы денежных средств, привлекаемых за счет выпуска ценных бумаг, но насколько реалистично будет данное увеличение, покажет отчет об исполнении бюджета за год.

Тот факт, что государственный займ может быть получен только путем выпуска ценных бумаг, неоднократно находит подтверждение в судебной практике Российской Федерации. Например, ФАС Северо-Западного округа рассматривал дело о займе между Ненецким автономным округом и ООО «ЛУКойл-Север». Из материалов дела следовало, что доказательств выпуска Ненецким автономным округом ценных бумаг не было представлено, что свидетельствует о нарушении администрацией данного округа требований действующего законодательства при заключении договора займа.

Согласно бюджетному законодательству государственные займы, осуществляемые путем выпуска ценных бумаг от имени субъекта РФ, являются одним из источников финансирования дефицита бюджета субъекта РФ. В силу действия п. 1 ст. 104 БК РФ (в редакции 2007 г.) государственные внутренние заимствования используются для покрытия дефицитов соответствующих бюджетов, а также для финансирования расходов соответствующих бюджетов в пределах расходов на погашение государственных и муниципальных долговых обязательств. В соответствии п. 1 ст. 93 БК РФ (в редакции 2007 г.) источники

финансирования дефицита бюджета утверждаются органами законодательной власти в законе о бюджете на очередной финансовый год по основным видам привлеченных средств. Положения ст. 110 БК РФ свидетельствуют о том, что внутренние заимствования субъектов РФ, направляемые на покрытие дефицита бюджета субъекта РФ, указываются в программе государственных внутренних заимствований субъектов РФ. Согласно п. 3 указанной статьи данная программа представляется федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта РФ соответствующему законодательному органу в виде приложения к проекту закона о бюджете на очередной финансовый год.

Судами обеих инстанций было установлено, что доказательства, свидетельствующие о включении в закон о бюджете Ненецкого автономного округа на 2005 г. спорного займа, а также о представлении законодательному органу Ненецкого автономного округа программы внутренних заимствований на этот год, отсутствуют. С учетом всех материалов дела и доказательств кассационная инстанция вынесла решение о том, что суды обеих инстанций обоснованно признали спорный договор ничтожным как не соответствующий требованиям бюджетного законодательства, следовательно, данный договор займа является односторонней ничтожной сделкой, поэтому администрация обязана возвратить ООО «ЛУКОЙЛ-Север», полученные по этой сделке, денежные средства [8].

Соответственно, приходим к выводу, что публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты РФ) могут получить заем от юридического или физического лица только путем выпуска ценных бумаг от своего имени, что и послужит основанием для возникновения отношений в сфере государственного внутреннего долга. Однако отметим, что в сфере государственного внутреннего долга в форме государственных внутренних займов возникают и функционируют не только финансовые правоотношения, но и иные, в частности конституционно-правовые и гражданско-правовые, поскольку правовое регулирование данного института закреплено в Конституции РФ, Гражданском и Бюджетном кодексах РФ и иных нормативно-правовых актах.

В п. 4 ст. 75 Основного Закона закрепляется добровольный характер государственных займов, выпускаемых в порядке, определяемом федеральным законодательством [9]. В соответствии со ст. 817 ГК РФ государственный заем оформляется договором, по которому займодавец приобретает выпущенные государственные облигации или иные государственные ценные бумаги, удостоверяющие право займодавца на получение от заемщика предоставленных ему займы денежных средств или иного имущества, установленных процентов либо иных имущественных прав в сроки, предусмотренные условиями выпуска займа в обращение [10]. Согласно положениям данной статьи Российская Федерация и ее субъекты могут выпускать государственные облигации или иные ценные бумаги, устанавливающие между их эмитентом и приобретателем отношения займа.

Очевидно, что вопросы государственного займа регулируются не только бюджетным законодательством, но и гражданским. Соотношение применения норм Бюджетного и Гражданского кодексов РФ при возникновении обязательств по государственному займу следует использовать исходя из того, что ст. 1 БК РФ к бюджетным правоотношениям относит осуществление государственных и муниципальных заимствований, а ст. 114 — регулирует выпуск

государственных и муниципальных ценных бумаг [7]. Однако отношения, касающиеся договора государственного займа, заключенного путем приобретения заимодавцем государственных облигаций или иных государственных ценных бумаг, регулируются уже нормами ст. 817 ГК РФ. Особенности подобного правового регулирования порождают и проблему квалификации отношений и, соответственно, необходимости применения норм определенной отрасли права. При этом законодатель разделил вопросы, касающиеся эмиссии государственных ценных бумаг (финансовые правоотношения, регулируемые БК РФ) и отношений между заимодавцем и заемщиком по договору государственного займа (гражданско-правовые отношения, регулируемые ГК РФ), в которых согласно ст. 124 ГК РФ органы государственной власти выступают на равных началах с иными участниками гражданско-правовых отношений [10].

Таким образом, отношения по государственному внутреннему долгу имеют как публично-правовой, так и гражданско-правовой характер, поскольку одной из сторон в данных правоотношениях выступают физические или юридические лица.

Рассматривая финансовые правоотношения, возникающие в сфере государственного внутреннего долга, и их финансово-правовое регулирование, следует раскрыть и вопросы установления верхнего предела государственного внутреннего долга, закрепленного бюджетным законодательством.

В Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» отчетливо прослеживается тенденция к повышению верхнего предела государственного внутреннего долга Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2

**Верхний предел государственного внутреннего долга
Российской Федерации в 2015–2017 гг., тыс. руб.**

Годы		
2015	2016	2017
8 119 869 325,1	7 733 147 445,4	8 514 329 368,3

В первоначальной редакции указанного Закона сумма верхнего предела была значительно ниже и равнялась 7 218 501 812,0 тыс. руб. Однако редакция данного Закона от 20 апреля 2015 г. увеличила верхний предел государственного внутреннего долга.

Исследуя данные таблицы об установленных суммах верхнего предела государственного внутреннего долга Российской Федерации, можно сделать вывод, что увеличение этого предела объясняется необходимостью финансировать дефицит федерального бюджета, спрогнозированный на текущий и будущий периоды [11].

Подводя итоги, отметим, что правильное применение правовых норм, регулирующих отношения, складывающиеся в рамках государственного внутреннего долга, позволяют сделать эффективнее и реальнее не только правовую политику, но и бюджетную политику государства.

Библиографический список

1. Бескова И.А. Управление государственным внутренним долгом в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. М., 2002.
2. Орлова Н.В. Государственный внутренний долг как инструмент макроэкономической политики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2004.
3. Яковлева О.А. Государственный внутренний долг: источники финансирования и воздействие на экономику России: дис. ... канд. экон. наук. М., 1997.
4. Финансовое право: учебник / под ред. Е.Ю. Грачевой. М., 2014.
5. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. М., 2008.
6. Соколов Е.А. Финансово-правовые механизмы управления государственным внутренним долгом: теория, практика, проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации (в ред. от 3 нояб. 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2014. № 52.
8. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.05.2007 по делу № А05-9668/2006-23; Определение ВАС РФ от 14.11.2007 № 11567/07 по делу № А05-9668/2006-23 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 11. 30 нояб.
9. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 1.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) (в ред. от 12 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.
11. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: Федер. закон от 1 дек. 2014 г. № 384-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 49. Ст. 6893.

V.E. Khaliulin

**Implementing the Interests
of Citizens in the Process
of Lawmaking**

Problems with providing representative functions by the parliament are researched. Citizens' participation in law-making is considered. The existing institutions of representative democracy are analyzed. Special attention is paid to political responsibility of deputies.

Key words and word-combinations: parliament, the coordination of interests, responsibility of deputies.

Исследуются проблемы обеспечения представительских функций парламентом. Рассматривается участие граждан в правотворческой деятельности. Анализируются существующие институты представительной демократии. Особое внимание уделяется вопросам политической ответственности депутатов.

Ключевые слова и словосочетания: парламент, согласование интересов, ответственность депутатов.

УДК 342.5:340.1
ББК 67.400.6+67.0

В.Е. Халиулин

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ
ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ
ПРАВотВОРЧЕСТВА**

Правовая реальность является одной из важнейших сфер взаимодействия человека и государства. Если характеризовать сущность права, выявлять его главную черту, то можно прийти к заключению, что право — это прежде всего воля. При характеристике любой воли важно ее содержание. В Конституции РФ четко прописано, кто может и должен формулировать содержание этой правящей воли, — многонациональный народ России. Как следствие, сегодня все боль-

шее распространение приобретает подход, согласно которому в праве должны отражаться воля и интересы всех граждан Российской Федерации. Однако общество неоднородно, и существование в нем одной общей, единой воли проблематично. В связи с этим необходим отбор тех или иных интересов для их отражения в праве и о согласовании разносторонних и разнонаправленных интересов.

Вопросами соотношения и взаимодействия интересов при формировании содержания права ученые занимались давно. В настоящее время единственным инструментом согласования разнообразных интересов являются институты демократии, в первую очередь представительной.

Одним из немногих представительных органов, имеющих право создавать нормативно-правовые акты и способствовать отражению в них согласованного общественного интереса, является Федеральное Собрание Российской Федерации. Иные возможности участвовать в формировании государственной воли у граждан фактически отсутствуют. Рассматривая деятельность данного органа, большинство исследователей акцентируют внимание на его непосредственной правотворческой функции не учитывают того, что он также является и представительным органом власти, в противном случае рассмотрение его деятельности и оценка качества работы становятся неполными. Представительские функции этого органа власти проявляются в процедуре его формирования, в процессе выборов, которые должны обеспечивать равное представительство всех основных социальных сил общества. Благодаря институту выборов осуществляется отбор представителей граждан и организаций, которые и должны выражать общественный интерес. Но насколько точно он позволяет отражать и формулировать согласованный интерес общества?

Главное назначение выборов — формирование представительного органа; его задача — наиболее полное представление сбалансированной воли народа. Являясь предпосылкой согласования интересов граждан и формой выражения воли и суверенитета народа, выборы становятся институтом, в рамках которого происходит отбор (в форме борьбы идей) тех или иных ценностей и идеалов общества в конкретный исторический период его развития, а также их реализация, обеспечение связи представителей и представляемых, согласование интересов различных общественных групп и граждан.

Однако реализации этого мешают несколько факторов. До введения в действие изменений в Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» одна из палат Федерального Собрания формировалась не из представителей народа, а из представителей органов власти субъектов РФ. В последующем эта проблема была решена, и сейчас в процессе формирования этой палаты, пусть и косвенно, участвуют жители региона.

Следующей ступенью в реформировании деятельности данного представительного органа власти становится решение проблемы отражения согласованных интересов граждан, избирателей в праве. Качество осуществления

представительских функций напрямую зависит от того, как именно представители понимают те или иные интересы своих избирателей. Функции государства здесь осуществляются через конкретных лиц, призванных стоять на страже общих интересов, но их понимание общих интересов является субъективным, личностным, что приводит к искажению общественных интересов и воли.

Интересы претерпевают искажения также в ходе процедур согласования и при формировании целостной и единой нормативной системы, то есть в процессе отражения согласованной народной воли в нормативно-правовом акте. Отметим, что изменение интересов при реализации институтов опосредованной демократии, в частности выборов, — это естественное следствие представительства, которое имеет как положительные, так и отрицательные черты. Положительные черты проявляются в том, что изменение содержания и понимания интересов создает их баланс, увязывает и согласовывает их; отрицательные — в том, что это изменение не всегда свидетельствует о согласованности интересов, нередко приводит к манипулированию представлениями людей о благе, замене одних идей другими. В этом случае изменение интересов становится одним из препятствий достижения их баланса и вполне нормальным недостатком демократической республики. Исключить влияние этих факторов невозможно, но можно уменьшить их отрицательные последствия.

Анализируя деятельность представительных органов, подчеркнем, что множественность представляемых ими интересов объективно приводит к вынужденным процессам обобщения и, как следствие, корректировке желаний и интересов представляемых, в ходе чего возможна потеря или замена смысла. В этой ситуации неразумно обвинять самих представителей, так как данная проблема носит не только субъективный, но и объективный, независимый от них, характер. Однако это не свидетельствует о невозможности ее разрешения.

Решению проблемы деформации интересов народа может способствовать наличие у избирателей возможности прямо либо косвенно воздействовать на содержание принимаемых актов, а также на самих представителей. В практике нашел «робкое» воплощение только первый вариант — в виде возможности всенародного обсуждения наиболее важных законопроектов. Данная процедура предусмотрена регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ (однако ни разу не реализовывалась), а также Указом Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Факт наличия этих актов и действия второго из них является несомненным плюсом современной правовой жизни, но имеется ряд недостатков, основными из которых являются прежде всего закрепление этого права (не обязанности) только на уровне подзаконных актов, а также неопределенность вида проектов, выносимых на обсуждение — только по желанию Президента России. Более разумным было бы закрепление этой обязанности на уровне федерального закона с перечнем конкретных видов или типов законопроектов.

Другой проблемой реализации представительских функций является возникающая чрезмерная независимость депутатов от избирателей по окончании выборов, поэтому учет интересов граждан (точнее — электората) осуществляется исключительно в моменты предвыборных кампаний. После этого партии и депутаты, предназначение которых заключается в представительстве интересов народа, теряют связь с ним. В последующем, как правило, единственным звеном, обеспечивающим связь, — это общественное мнение. Политические партии из представителей интересов различных групп граждан становятся полем для самореализации интересов отдельных политических лидеров.

Таким образом, выборы, будучи институтом демократии, благодаря которому создаются предпосылки для формирования и формулирования содержания права, являются способом претворения в жизнь интересов граждан в правотворчестве. От того, на каких принципах осуществляются выборы, зависит связь народа и власти, качество претворения в жизнь интересов и воли многонационального народа в актах власти, то есть реализуются положения Конституции РФ о том, что народ является источником власти.

В действующем законодательстве закреплены определенные гарантии обеспечения связи граждан и депутатов. Например, таким институтом является процедура отзыва депутатов, установленная Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако в действии этого института есть целый ряд проблем. Его реализация даже на уровне местного самоуправления крайне неопределенна: отсутствуют четко прописанные процедуры, их описание в уставах муниципальных образований не носит системного характера. Другой существенной проблемой являются основания отзыва — только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке, по существу это не форма ответственности депутата за неисполнение своих должностных обязанностей, обязанностей по представлению интересов избирателей, а лишь способ отрешения от должности правонарушителя, обладающего особым статусом.

По нашему мнению, должностное лицо, совершившее правонарушение, тем более преступление, вообще не имеет права находиться на службе у государства, ведь оно уже показало степень своего «уважения» законов страны, и его нахождение в должности автоматически должно прекращаться. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий

не может находиться на муниципальной службе в случае осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу. Следовательно, для должностных лиц государственной службы такие запреты существуют, а для депутатов — нет. Чем преступник-депутат лучше преступника-чиновника, тем более что в обоих случаях факт совершения правонарушения требует вынесенного и вступившего в силу решения суда?

В итоге способы и механизмы, обеспечивающие осуществление представительских функций избранниками народа, депутатами, на данный момент отсутствуют. Как можно судить в этом случае об эффективности деятельности депутатов? Необходима не просто реализация принципов политической ответственности каждого избранника, а обеспечение ее связи с представительскими функциями.

При изменении института выборов должны быть расширены представительские полномочия и возможности по согласованию разнообразных интересов граждан и общества. Эти изменения должны происходить в следующих направлениях (на необходимость реализации практически всех этих гарантий постоянно указывает в своих посланиях Федеральному Собранию Президент РФ): активное развитие политических дискуссий в парламенте; предоставление гарантий участия в политической жизни представительств малых партий в парламенте; реализация представительских функций парламента не только на уровне нижней палаты, но и верхней, в том числе за счет прямых выборов в субъектах Федерации представителей в Совет Федерации (что в целом уже действует); появление институтов и гарантий, предотвращающих монополизм одной партии; расширение контрольно-надзорных полномочий представительных органов по отношению к исполнительной власти (путем отчета правительства, создания разнообразных комиссий парламентского расследования и т.д.). Таким образом, реализация интересов в праве начинается с формирования такого представительного органа, который будет учитывать интересы всех групп и слоев граждан и объединений.

В то же время в работе самого представительного органа существуют проблемы, не способствующие отражению интересов граждан. На наш взгляд, необходимо уйти от понимания правотворчества как деятельности по созданию норм права компетентным органом власти к концепции правотворчества как деятельности по увязыванию интересов граждан и их объединений, обеспечению взаимочета их интересов. В связи с этим необходимо предоставить субъектам правотворчества (а ими могут быть все граждане и их объединения), гарантированные правом возможности активного участия в создании норм права.

Право, воплощенное в законе, не есть результат нормотворчества или усилий исключительно законодателя, а представляет собой сложный, в определенной части корректируемый процесс интегрирования множества спе-

цифических по содержанию, направленности, носителям интересов в консолидированный, или согласованный, интерес, который, будучи признанным государственной властью и закрепленным в законе, приобретает качество всеобщего и таким образом выражает общую (согласованную) волю. В этот процесс вовлечены разные социальные силы: при этом законодателю отводится существенная роль (хотя, как верно заметил К. Маркс, его роль при этом подобна естествоиспытателю: он ничего не выдумывает и не изобретает, формулирует в законе то, что реально сложилось в общественной жизни) [1, с. 162].

Процесс согласования и реализации интересов при создании права должен начинаться уже на самой первой стадии правотворчества. Р.О. Халфина еще в 1980-х годах в качестве таковой назвала стадию формирования правотворческого решения, предшествующую подготовке проекта и включающую в себя осознание объективной необходимости урегулирования общественных отношений и принятия решения о необходимости создания проекта нормативного акта. Исследователь отмечал, что «на современном этапе развития общества понятие “правотворчество” призвано охватить более широкий круг явлений, включить все сложные процессы, предшествующие решению о подготовке проекта нормативного акта, выявить потребности в правовом регулировании тех или иных видов общественных отношений, направление и характер регулирования» [2, с. 7–8]. Данная стадия, с ее точки зрения, должна была заключаться в активной деятельности по взаимодействию основных органов государства, трудовых коллективов, организаций и граждан с помощью средств массовой информации, писем, работы комиссий при научных и учебных заведениях и т.п. Р.О. Халфина настаивала на закреплении в правовой форме «обязанности тщательного исследования всех объективных факторов, определяющих необходимость данного варианта решения» [2, с. 19]. При этом предполагалось не предоставление им права законодательной инициативы, а подчеркивалась необходимость установления порядка представления их предложений по совершенствованию законодательства и правовых последствиях такового. Идеи ученого, высказанные более тридцати лет назад, и сейчас остаются актуальными.

Ее позицию разделяют и другие исследователи. Так, А.В. Мицкевич отрицает даже самую возможность ограничения правотворческой деятельности только деятельностью соответствующих государственных органов [3]. Немаловажным также является обеспечение взаимодействия государства и гражданского общества [4].

Полномочия по участию в правотворчестве на предпроектном этапе следует реализовывать опосредованно, например, через проведение опросов и анкетирования в Интернете, через Общественную палату, в которой могли бы обобщаться соответствующие обращения граждан и общественных организаций. Общественная палата могла бы активно участвовать в законодательном процессе путем создания проектов и предложений по изменению законодательства с привлечением соответствующих экспертов. Несомненно,

положительные изменения в этом направлении имеются, однако их пока недостаточно.

Современные технологии предоставляют возможность закрепить схему, которая могла бы значительно упростить учет мнения граждан и предоставила бы возможность лучше ознакомиться с этим мнением. Положительный опыт уже накоплен, необходимо претворять его в жизнь на государственном уровне. Речь не идет о подмене процесса правотворчества народными обсуждениями, а также действиями некоммерческих организаций правотворческих органов: их главной задачей должна быть активная деятельность по выявлению содержания и направленности воли народа. При этом инициатором народных обсуждений могут быть не только лица, обладающие правом законодательной инициативы, но также и инициативные группы граждан, общественные организации, представители юридической науки.

Налаживание и функционирование механизма согласования интересов граждан в процессе правотворчества и его правовое оформление приведет к большей степени легитимности издаваемых нормативных актов и, как следствие, повышению уровня их исполнимости, повышению гражданской активности и ответственности. Реализация политики, направленной на согласование интересов, должна проходить системно, комплексно, и возможности по сопоставлению позиций субъектов права должны реализовываться последовательно на протяжении всего правотворческого процесса. Начинать следует с оптимизации деятельности представительного органа. Соответственно, введение дополнительных способов и механизмов согласования интересов должно допускать реальную возможность участия в этих процессах любых заинтересованных лиц, в противном случае нарушение баланса интересов может привести к существенному увеличению конфликтных ситуаций во отношениях субъектов права, а в последующем — к их удалению друг от друга и невозможности совместной деятельности. В таких условиях говорить об отражении в праве согласованного интереса граждан, а тем более о его реализации, будет проблематично.

Таким образом, существующая система представительства и реализации интересов граждан в процессе правотворчества нуждается в доработке и реформировании. В основании проводимых реформ должна лежать цель обеспечения представительских функций парламента. Фактически изменения требуют прежде всего процедуры формирования и выражения воли народа (избирателей) парламентом.

Библиографический список

1. *Маркс К.* Проект закона о разводе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1955. Т. 1.
2. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1981.
3. *Мицкевич А.В.* Правотворчество в СССР. М., 1974.
4. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2013.

E.N. Selyutina, V.A. Kholodov

**Methodological Problems
of Legal Hermeneutics**

The essence of methodology of legal knowledge and a methodological perspective of a legal hermeneutics is analyzed. Various authors' views on issues of legal knowledge methodology and the formulation of the subject of research of legal hermeneutics are studied. The focus is on interrelations of methodological problems of jurisprudence with the practice of right application and interpretation of law.

Key words and word-combinations: jurisprudence, methodology, legal hermeneutics, interpretation.

Анализируется сущность методологии юридического знания и методологической проблематики юридической герменевтики. Исследуются позиции различных авторов по проблемам методологии юридического знания и формулировке предметной стороны исследования юридической герменевтики. Акцентируется внимание на взаимосвязи методологических проблем юридической науки с практикой правоприменения и толкования закона.

Ключевые слова и словосочетания: юридическая наука, методология, юридическая герменевтика, толкование.

УДК 340.1
ББК 67.0

Е.Н. Селютина, В.А. Холодов

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ГЕРМЕНЕВТИКИ**

Юридическая наука сегодня ставит перед собой широкий спектр задач, разработка которых невозможна без методологических изысканий различных направлений юридического знания. Актуализация исследовательского пространства юридических исследований взаимосвязана с необходимостью совершенствования правотворческого и правоприменительного процесса, а также качества принимаемых законов и возможностью их верно толковать. Данные задачи могут быть решены с помощью методов юридической герменевтики. Прежде чем рассматривать роль и место юридической герменевтики в методологии исследования правовой действительности, необходимо раскрыть понятие методологии юридической науки и выявить проблемные аспекты, на преодоление которых ориентировано использование юридической герменевтики.

Вопрос о понятии методологии и ее функциях представлен в литературе весьма разноречиво. Одни авторы отождествляют методологию с общетеоретическими проблемами любой науки, другие — с философией, третьи — с диалектикой, четвертые — с историческим материализмом, пятые считают, что методология — это самостоятельная частная наука, не совпадающая с философией, шестые полагают, что она представляет собой не метод (и не сумму методов), а учение, теорию, науку о методе и методах [1, с. 87]. «Методология науки — сфера

конструирования методологического аппарата науки, в процессе которого некоторые разрозненные методики превращаются в целостную логически аргументированную систему», — дает определение Е.Н. Яркова [2, с. 102].

Достаточно часто в современной науке методология рассматривается как наука о принципах и методах научного познания [3, с. 6], а методологию конкретной науки принято определять как систему приемов и способов, используемых для познания ее предмета. Такие определения методологии науки содержатся в философских словарях и энциклопедиях: система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение [4]; философское учение о методах познания и преобразования действительности; применение принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству [5]; тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности [6, с. 553].

Методологию юридической науки принято определять как систему приемов и способов, используемых для познания ее предмета. Если обобщить все эти подходы к пониманию методологии и ее месту в научном поиске, то можно выделить два основных значения этого термина. Во-первых, методологию рассматривают как учение о методе научного познания, то есть методология выступает в качестве самостоятельной науки. Такое понимание совпадает с буквальным толкованием слова «методология» с греческого. Во-вторых, методология представляет собой совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке, то есть ее инструментарий. В.Н. Протасов отмечает: «Слово “методология” в научной литературе трактуется двояко: как учение о методе; как система методов, используемых в той или иной науке, теории» [7, с. 41].

Д.А. Керимов, посвятивший исследованию проблем методологии права несколько фундаментальных научных трудов, приходит к выводу об универсальности методологии, являющейся всеобщим научным руководством к действию, составляющим базис всей системы знаний, познавательный стержень любой отрасли науки, в том числе и юридической. В связи с этим методология может быть представлена как две связанные между собой части: всеобщую методологию и методологию отраслевых наук [1, с. 91].

Подробнее рассмотрим сущность и содержание методологии юридической науки. Методология юридической науки представляет собой разновидность всеобщей методологии; обладает своей спецификой, которая определяется особенностями объекта, функцией и целью познания. На основе всеобщей методологии в юридической науке предлагается система методов исследования правовых объектов (учение об этих методах), обобщаются теоретические положения, имеющие гносеологическое значение, а также включаются миропонимание, мировоззрение исследователя.

Методологию юридической науки можно определить как применение обусловленной философским мировоззрением совокупности определенных те-

оретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования государственно-правовых явлений. Методология, таким образом, не сводится к совокупности определенных методов, способов познания, а является цельным, внутренне единым аппаратом познания государственно-правовых и политико-идеологических явлений. Это, безусловно, не умаляет значения инструментального аспекта методологии для познания государственно-правовых явлений.

Правовая действительность имеет принципиальное значение для жизнедеятельности человека. Юридическая наука как система знаний является отражением правовой реальности и одновременно может выступать мощным инструментом ее познания и преобразования. Залогом точности и достоверности научных данных, а также эффективности предпринимаемых на их основе действий для совершенствования правового аспекта жизнедеятельности человека служит выверенный методологический инструментарий. Без фундаментальных мировоззренческих и методологических основ, разрабатываемых методологией юридической науки, решение таких задач невозможно.

Развитие методологии юридического познания шло параллельно с формированием юридической науки. На начальных этапах мыслительный процесс в правовом поле обуславливался накоплением опыта правового регулирования общественных отношений, развитием практической юридической деятельности, формированием правосознания. Юриспруденция еще не имела статуса самостоятельной общественной науки, соответственно, методология юридической деятельности носила практико-ориентированный характер, основываясь на опыте (эмпирический уровень познания). Правовое мышление на теоретическом уровне не выходило за рамки общефилософских методологических принципов и концепций.

В современных условиях исследователи отмечают кризисное состояние общественных наук и их методологии в том числе [8]. Такое положение отчасти может быть объяснено переходным состоянием общества. Современная социокультурная ситуация характеризуется завершением перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному, обществу, что ведет к смене приоритетов и ценностей не только в экономике и политике, культуре и морали, но в государственно-правовой сфере. Базовым ресурсом становится информация, что неизбежно приводит к нарастанию ценностного отношения не только к самой информации, но и к умению ее добывать, обрабатывать и использовать. В новых условиях, считает С.Н. Коськов, ученый из «открывателя тайн и истин мироздания» превращается в изобретателя, конструктора истины, имеющего прикладное значение; такая ситуация вызывает необходимость переосмысления проблем научного познания и его методологии [9, с. 32].

Однако не стоит считать методологические проблемы юриспруденции явлением исключительно современным. Еще на начальных этапах формирования методологии юридического познания ученые обращали внимание на проблему отсутствия адекватных и эффективных методов исследования государства и права. Так, в начале XX в. немецкий юрист Г. Еллинек указывал, что приступая

к исследованию основных социальных проблем, ощущается отсутствие глубоко продуманной методологии; в литературе учения о государстве господствует в этом отношении величайшая путаница. При этом утверждения заменяли факты, убеждения — доказательства, неясность сходилась за глубокомыслие, произвольные умствования — за высшее познание [10, с. 25]. Исследователь признавал, что старые, ненадежные методы или, точнее, прежнее отсутствие методов, не совместимы более с требованиями современной научной мысли. Окончательный вывод Г. Еллинек делает о том, что всякое исследование государственной и правовой жизни должно начинаться с установления методологических принципов на основе результатов новейших изысканий в области теории познания и логики [10, с. 26].

В таких условиях довольно остро стоит проблема соотношения методологического, теоретического и прикладного знания в юриспруденции. Проблема взаимодействия юридической науки и практики сводится к тому, что теоретические исследования призваны удовлетворять нужды практики, базироваться на ее материалах, а практика, в свою очередь, должна опираться на научно обоснованные рекомендации и выводы. Юридическая наука призвана направлять организационно-практическую деятельность различных субъектов, изучать и корректировать формирующийся личный и социально-правовой опыт, способствовать выработке и реализации юридической политики в разнообразных сферах общественной жизни.

Данный подход к юридической науке актуализирует ее методологическую составляющую. При этом изменение процесса современного научного познания настоятельно нуждается в новациях методологического плана. Развитие методологии юридической науки в условиях формирования полинарности моделей познания требует ресурсов различных разделов философского знания [11, с. 15]. Наука разрабатывает методологию и методику юридического познания, систему специальных принципов, приемов, средств, методов и правил, которые используются не только в теоретических исследованиях, но и в организационно-практической деятельности.

В отечественной юридической методологии длительное время господствовал диалектический материализм, что ограничивало познавательные возможности науки. В настоящее время методология юриспруденции значительно расширена и дополнена за счет современных концепций и парадигм, которые зиждутся на метафизической теории: эпистемология права, феноменология права, правовая синергетика и т.п. Особое значение в познании правовой реальности имеет герменевтический метод, который помогает уяснить истинный смысл и содержание правовых предписаний, что подтверждается наличием большого количества научных работ, посвященных юридической герменевтике.

Истоки юридической герменевтики уходят своими корнями в глубину веков. Основоположником первой обобщающей теории герменевтики традиционно считают Августина Аврелия (Блаженного) (354—430). Базовые понятия герменевтики были изложены мыслителем в работе «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия». Лоренцо Валла (1400—1457), преподавая риторику в Павийском

университете, благодаря юристам Маффео Веджо и Катону Сакко познакомился с великолепными образцами филологического анализа юридических текстов. В сочинении «Красота латинского языка» Л. Валла посвятил целый раздел исследованию языка римских юристов. Данный исследователь стоит у истоков филологического метода исследования и анализа исторических, в том числе юридических документов. В сочинении «О девизах и геральдических знаках» он критиковал средневековых юристов, знавших о работах древних правоведов чаще всего понаслышке и не владевших приемами филологической интерпретации соответствующих текстов. Методы средневековых глоссаторов выглядели в его глазах несовершенными и грубыми.

Эпоха Средних веков знаменовалась возникновением юридической герменевтики во взаимосвязи с развитием юриспруденции и становлением профессиональной деятельности юристов. К периоду Нового времени создаются предпосылки для формирования герменевтики как методологической парадигмы социально-гуманитарного знания. Основоположником данной парадигмы по праву считается Ф.Д.Э. Шлейермахер.

Становление юридической герменевтики происходит на основе и в тесной взаимосвязи с философской герменевтикой, поскольку она является ее методологической основой. Философская герменевтика разработала основные методы и принципы познания, которые использует юридическая герменевтика. Кроме того, для исследований в области права герменевтика как искусство толкования текста, прежде всего текста нормативно-правовых актов, является одной из главных методологических концепций.

Юридическая герменевтика основывается на методологических разработках Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Г. Гадамера и других основоположников этой науки в качестве методологической основы социально-гуманитарных исследований. Наиболее ценными методологическими принципами и процедурами для юридической герменевтики являются принцип диалогического характера понимания, принцип «лучшего понимания», процедура герменевтического круга и ряд других.

На современном этапе развития юридического знания авторы уделяют достаточное внимание проблемам юридической герменевтики. В частности, исследуются вопросы, связанные с понятием и структурой юридической герменевтики [12], методологическим статусом герменевтики в юридическом познании [13], интерпретацией нормативно-правовых актов [14], и иные.

А.В. Васюк, анализируя взгляды различных современных отечественных исследователей на современном этапе, определяет юридическую герменевтику как «особое направление (учение) юридической науки с тенденцией к формированию новой интегративной концепции герменевтического правопонимания» [15, с. 31]. А.Н. Гермашев полагает, что «юридическая герменевтика представляет собой самостоятельную науку, предметом которой являются знания о способах уяснения и разъяснения смысла правовой нормы (воли) (толкование), а также знание о способах изложения правовой нормы, воли в юридическом тексте (юридическая техника); предмет юридической герменевтики составляют также знания об антикоррупционной экспертизе [16, с. 83].

Один из методов юридической герменевтики — герменевтический круг, обуславливает диалектическую связь способов толкования и коррелирующих им способов и приемов изложения правового текста, а также системность применения способов толкования, их цикличность и уровневость. Задачи юридической герменевтики — выработка наиболее адекватных и наименее затратных способов изложения и толкования воли в юридическом тексте».

Т.П. Агафонова отмечает, что в научно-теоретическом плане процедура интерпретации исследуется правовой герменевтикой, представляющей учение о методах и приемах интерпретации права [17, с. 98]. Юридическая герменевтика возникла и развивалась одновременно со становлением и развитием теории правовых систем. Отметим, что наиболее заметные этапы в ее развитии — это эпоха древнеримского права, период зарождения и развития буржуазной законности в XVIII—XIX вв., современная правовая герменевтика. Разработка теоретических основ правовой герменевтики восходит к идеям известного немецкого юриста Фридриха Савиньи, обобщившего методы интерпретации римского права в виде учения о различных видах самой интерпретации, которая в русле современных философско-методологических исследований нуждается в глубоком критическом переосмыслении.

Юридическая герменевтика напрямую связана с такими проблемами в области исследования права, как толкование права и правотворчество, поскольку применение методологических разработок герменевтики может способствовать и толкованию существующего законодательства, и созданию новых юридических норм, актуализирующихся в социально-экономических и политических реалиях современности.

Процедура толкования права состоит из двух главных компонентов — уяснения и разъяснения толкуемой нормы. В данном отношении можно говорить о том, что юридическая герменевтика антропологична по своей природе, поскольку процесс уяснения (понимания права) всегда сопряжен с личностными особенностями интерпретатора, уровнем его образования, профессиональной подготовки и даже мировоззренческими особенностями.

Понимание права предполагает наличие смысловой доминанты, которая и выступает в качестве смысла как отдельной нормы права, так и нормативно-правового акта в целом, поэтому использование герменевтической методологии в процессе правотворчества и толкования права предполагает прежде всего выделение смысла, закладываемого или уже заложенного (в случае толкования права) в тексте нормативно-правовых актов.

Безусловная значимость методологической основы герменевтики в рамках теоретической и практической юриспруденции формирует два основных направления юридической герменевтики — теоретическую и практически-прикладную юридическую герменевтику. Оба направления обладают бесспорной актуальностью для теоретико-прикладных исследований в области права.

Теоретическая юридическая герменевтика призвана разработать необходимый методологический и терминологический аппарат, который впоследствии будет использоваться при толковании нормативно-правовых актов на практике. Спектр задач практически-прикладной юридической герменевтики

представляется достаточно широким, поскольку воплощен в различных практико-ориентированных юридических действиях. Магистральный ориентир практически-прикладной юридической герменевтики — правоприменение. Однако в процессе применения правовых норм методологически выверенный аппарат юридической герменевтики подразумевает понятие смысла применяемой нормы права, анализ официальных актов толкования данной нормы (например, различных постановлений Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ), а также, что в конечном счете и повлияет на эффективность правоприменительной практики, — соотнесение смысла и содержания правовой нормы с конкретным жизненным случаем и его идентификацией с гипотезами правовых норм.

Таким образом, можно установить прямые и обратные связи между теоретической и практически-прикладной юридической герменевтикой. Практически-прикладная юридическая герменевтика позволяет выявить и понять смысл действующего закона, соотнося его с конкретной жизненной ситуацией. Смысл, заложенный законодателем в норме права, является результатом его правового мышления, которое, в свою очередь, использует герменевтические разработки в области права, опираясь судебную и правоприменительную практику.

Поскольку одним из способов толкования права является исторический способ, то можно с уверенностью говорить о том, что понимание правового явления, прежде всего текста нормативно-правовых актов, в контексте исторической эпохи сопряжено с анализом исторической ситуации возникновения и функционирования того или иного нормативно-правового акта. Кроме того, в процессе толкования интерпретатор входит в поле герменевтического круга, поскольку уточнение смысла текста нормативного правового акта может происходить на протяжении всего периода его действия во времени в зависимости от контекста исторической эпохи или в связи с перманентно изменяющимися социально-экономическими и политическими условиями. В связи с этим правоведами, юристами-практиками и государственными деятелями постоянно поднимается вопрос об актуальности изучения Конституции РФ на каждом новом этапе развития современной российской государственности.

Несмотря на многовековую историю формирования и развития методологии, сначала в рамках философии, затем в качестве самостоятельной науки и, наконец, специальной юридической методологии, всякий раз вопросы истинности, объективности, научности юридических знаний и дальнейших направлений научного юридического поиска оправданно актуализируются при смене социокультурных ситуаций, изменении представлений о правовой науке.

Следует признать сложившуюся ситуацию в области методологии юридической науки в рамках проблемной, однако активно изменяющейся в рамках вновь открывшихся горизонтов общеправовых парадигм и подходов с учетом особенностей предмета юридической науки, специфики правовой деятельности. С возрастанием значимости правовых норм для регулирования

общественных отношений особую актуальность приобретает разработка научно-теоретических проблем правовой герменевтики. Некоторые авторы полагают, что герменевтика «дает возможность создать методологическую основу (метод) последовательного применения способов толкования для лучшего понимания смысла правовой нормы, для выявления воли, закрепленной в норме права, понимания правовой конструкции» [18, с. 37]. Действительно, дальнейшее совершенствование правотворческой и правоприменительной деятельности невозможно без научных разработок юридической науки в целом и юридической герменевтики в частности.

Библиографический список

1. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001.
2. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: учеб. пособие. Тюмень, 2012.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев [и др.]. М., 1983.
4. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960–1970.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М., 2010. Т. 2.
6. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Проблемы теории государства и права. Орел, 2015.
7. Протасов В.Н. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2015.
8. Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис современных методологий // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 12–22.
9. Коськов С.Н. Мировоззренческая программа, методологическая программа и развитие эпистемологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2. С. 31–37.
10. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1: Государство. М., 2008.
11. Коськов С.Н. Мировоззренческая программа и философия науки // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3 (33). С. 14–18.
12. Васюк А.В. Понятие и структура юридической герменевтики на современном этапе развития юридической науки // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 1. С. 7–11.
13. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 189–199.
14. Цуканова В.С. Юридическая герменевтика как способ интерпретации, судебного толкования // Право и государство: теория и практика. 2008. № 8. С. 15–21.
15. Васюк А.В. Общая характеристика юридической герменевтики на современном этапе развития российской юридической науки // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2011. С. 31–32.
16. Гермашев А.Н. Юридическая герменевтика как наука о способах изложения воли в юридическом тексте и способах ее толкования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 1. С. 82–86.
17. Агафонова Т.П. Рационалистическая интерпретация юридического текста и основы правовой герменевтики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 9. С. 98–102.
18. Ловпаче З.Х. Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 35–41.

S.Yu. Bytko

The Issue of Offenders' Correction Possibility

The concept of "prisoners' correction" that is enshrined as a goal of criminal punishment is analyzed. Arguments in favor of the fact that in modern conditions it is impossible are produced. It is proved that the goal of correction cannot be used as the basis for evaluating the effectiveness of criminal punishment.

Key words and word-combinations: criminal punishment, correction of offenders, the effectiveness of criminal punishment.

Анализируется понятие «исправление осужденных», закрепленное в качестве цели уголовного наказания. Приводятся доводы в пользу того, что в современных условиях реализация цели невыполнима. Доказывается, что достижение цели исправления не может быть положено в основу оценки эффективности уголовного наказания.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное наказание, исправление осужденных, эффективность уголовного наказания.

УДК 343.24/.29
ББК 67.408.02

С.Ю. Бытко

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Любая осмысленная деятельность нуждается в оценке полученных результатов. Не является исключением и уголовно-правовое регулирование. В ст. 2 УК РФ законодатель перечисляет задачи уголовного права по охране целого ряда общественных отношений. Вместе с тем используемый при этом термин «охрана» подразумевает процесс, результаты которого в законе не определяются. По всей видимости, их формулировка является нетривиальной задачей, поскольку к числу желаемых последствий применения закона можно отнести недопущение новых преступлений, искоренение преступности, повышение уровня защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств и т.д. При этом достижение указанных результатов требует разных мер уголовно-правового воздействия.

Самостоятельные цели, то есть желаемый результат, имеет лишь один феномен уголовного права — уголовное наказание, поэтому оценку качества и эффективности уголовно-правового регулирования можно проводить, только на основе данных об их достижении. Здесь подстерегают серьезные трудности, связанные с тем, что для отдельных целей уголовного наказания не представляется возможным сконструировать достаточно простые и объективные критерии их достижения.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осужденного предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого обще-

жития и стимулирование правопослушного поведения. В теоретической литературе исправление осужденных в процессе отбывания наказания рассматривается как результат [1, с. 146]. Однако в определении, содержащемся в ч. 1 ст. 9 УК РФ, используются термины, подразумевающие не результат, а процесс. В ином случае употреблялись бы термины «сформированность», а не «формирование», и «исправленность», а не «исправление». По верному замечанию В.Г. Громова, процесс исправления не может являться целью. Достигнуть же можно лишь какого-то результата, например исправленности осужденного [2, с. 57]. Именно в таком ключе используется термин «исправление» в уголовном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ, если суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать наказание условным. К сожалению, в УК РФ не раскрываются признаки, свидетельствующие о достижении этой цели.

В теории права «исправление» понимается как изменение внутренних качеств личности, при котором субъект воздерживается в будущем от совершения преступлений [3, с. 37; 4, с. 114; 5, с. 111]. Вместе с тем способы для выяснения результата отсутствуют, поскольку невозможно узнать, действительно ли осужденный под влиянием наказания изменил свою систему ценностей, переосмыслил поведение или его убеждения и ценности остались прежними. Все, что доступно фиксации и научному анализу, — это поступки человека, которые могут с определенной степенью достоверности свидетельствовать о происшедших изменениях личности. Однако даже в случае возобновления преступной деятельности нельзя однозначно утверждать, что причиной этого стала неэффективность ранее назначенного наказания.

Существует еще несколько обстоятельств, затрудняющих оценку эффективности исправительного воздействия уголовного наказания. В отечественной криминологии большинство теоретиков рассматривают в качестве причин совершения преступлений деформацию личности, возникающую в результате какого-либо негативного воздействия [6, с. 176–177; 7, с. 100]. При таком подходе установление в качестве одной из целей уголовного наказания исправления преступника представляется понятным и оправданным, поскольку появляются четко определенные цели приложения усилий по исправлению (деформации личности) и способы воздействия (труд, воспитательная работа и т.д.).

Существуют и другие представления о причинах совершения преступлений, которые способны существенно изменить представления о сущности и методах исправительного воздействия. Например, А.А. Рождествина отмечает наличие объективных причин совершения преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда: некоторые межотраслевые правила не прошли регистрацию в Министерстве юстиции РФ, в других случаях имеются коллизии и пробелы в законодательстве и т.д. [8, с. 70–73].

Так, Ю.М. Антонян полагает, что в ряде случаев причиной преступлений являются бессознательные переживания индивида, побуждающие его к совершению противоправных действий [9, с. 110–112]. По мнению правоведа, традиционные формы и методы исправления в отношении таких осужденных неэффективны.

Еще более категоричен Э.А. Поздняков, полагающий, что способность к отклоняющемуся поведению есть норма, соответствующая человеческой природе. Никаких специфических черт личности, присущих только преступникам или наоборот законопослушным гражданам, не существует [10]. Такое мнение заслуживает самого серьезного внимания. Действительно, если бы люди не были склонны к девиациям, то нужна ли была государству столь сложная законодательная система с иерархией запретов и мощный правоохранительный аппарат? Если бы не способность к отклоняющемуся поведению, то могли бы быть созданы выдающиеся произведения искусства, совершены дерзкие научные открытия, переворачивающие мировоззрение современников и требующие категорического отказа от привычных норм?

Предположение Э.А. Позднякова подтверждается огромным числом латентных преступлений и высоким уровнем лиц, совершивших преступление впервые, и ранее не состоявших на профилактических учетах. Во многих частных компаниях признается факт невозможности заранее выявить возможных похитителей и искоренить тем самым хищения. Поэтому появляются управленческие модели, в которых воровство учитывается в качестве одной из констант поведения при оценке доходности компании, поскольку сотрудники компании, занимающиеся хищениями, как правило, более мотивированы в своей деятельности, приносят больше дохода по сравнению с законопослушными работниками [11, с. 32—34]. Если придерживаться точки зрения Э.А. Позднякова, то вопрос о возможности исправления повисает в воздухе, не имея точек приложения в личности преступника.

Еще одно обстоятельство, осложняющее возможность оценки эффективности исправительного воздействия, связано со сложностью прогнозирования поведения человека. Нобелевский лауреат И.Р. Пригожин показал, что до недавнего времени классическая наука изучала в основном линейные системы, параметры которых в любой заданный временной отрезок определяются их предыдущим состоянием. Однако таких систем в наблюдаемом мире подавляющее меньшинство. В большинстве случаев будущее состояние сложных систем прогнозируется лишь в весьма ограниченных пределах. Будучи выведенными из равновесия, в некоторые моменты своего развития они попадают в так называемые точки бифуркации, когда малейшее внешнее воздействие может привести к сколь угодно большому изменению в поведении системы. В такой период никакими средствами нельзя спрогнозировать ее дальнейшее поведение [12, с. 46—57]. Таким образом, предсказательные возможности современной науки по И.Р. Пригожину ограничиваются промежутками между следующими друг за другом точками бифуркации (нестабильности), и заранее предсказать время их появления также невозможно.

Идеи И.Р. Пригожина применимы и к прогнозированию индивидуально-преступного поведения. Обычно криминология рассматривает общество и человека в обществе как в достаточной степени прогнозируемые системы. Имея данные, например о личности, окружении, воспитании, как полагают современные криминологи, можно определить вероятность совершения им в будущем преступления, впрочем, оговаривается, что такое прогнозирование эффективно в стабильные периоды развития общества [13, с. 472].

Несомненно, отсутствие потрясений, кризисов существенно повышает точность криминологических прогнозов, в том числе индивидуальных. Однако современное общество назвать стабильным сложно. Речь идет не только о каких-то глобальных политических и экономических кризисах, хотя их влияние на преступность, очевидно, велико. Но даже на уровне нормативного регулирования по вине законодательной и исполнительной властей периодически происходят мини-кризисы, серьезно дестабилизирующие ситуацию в обществе. Ярким примером является двукратное увеличение в 2013 г. страховых взносов в Пенсионный фонд РФ для индивидуальных предпринимателей [14]. За шесть месяцев, прошедших с момента принятия этого закона, более шестисот тысяч предпринимателей прекратили свою деятельность, поскольку сложились новые размеры страховых взносов неподъемными для своего бизнеса [15]. С криминологической точки зрения подобные управленческие решения могут быть расценены как криминогенные факторы, выталкивающие без всяких на то причин в сферу теневого бизнеса сотни тысяч человек со всеми последующими негативными криминологическими последствиями в виде повышения латентности налоговых преступлений, криминализации бизнеса и т.д.

Примеры подобного рода крайне негативно сказываются на эффективности криминологического прогнозирования, когда невозможно предвидеть возможные кризисы, подрывающие стабильность, внезапно создающие точки бифуркации, когда малейшее внешнее воздействие может привести практически любого законопослушного гражданина к совершению преступления. В жизни любого человека могут неожиданно возникнуть сложнейшие, экстремальные ситуации, при которых дальнейшие действия предпринимаются спонтанно, без обдумывания и анализа возможных последствий, в том числе негативных. Так, упомянутое решение об увеличении пенсионных отчислений, перед многими предпринимателями актуализировало вопрос о необходимости перехода на «нелегальное положение», об осуществлении своей деятельности неофициально, без регистрации и уплаты соответствующих налогов.

И.Р. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что общество — очень сложная система, испытывающая огромное количество бифуркаций, что существенно ограничивает предсказательные возможности наук об обществе [16, с. 276]. На наш взгляд, это утверждение справедливо и по отношению к возможностям прогноза индивидуального поведения.

По-новому воспринимаются полученные криминологами данные о большом количестве спонтанных преступлений. В частности, А.Э. Жалинский и А.А. Герасун считают, что большинство убийств, изнасилований, разбоев и грабежей совершаются внезапно, неожиданно для всех [17, с. 3—10]. Непредсказуемость совершения преступления означает, что виновные не отличались поведением, системой ценностей, убеждениями от основной массы населения. По данным А.Ф. Зелинского, из числа осужденных, отбывающих наказания за тяжкие насильственные преступления, 85% учинили насилие непреднамеренно: 31,2% намерений возникли в момент встречи с потерпевшим; 24% — во время ссоры; 10,8% — в драке; 7% — в ответ на оскорбление, насилие или иные неправомерные действия потерпевших; 12% опрошенных лиц заявили,

что у них вообще не было преступного умысла и что они не могут объяснить, как все получилось; более 2/3 утверждали, и это нашло подтверждение в приговорах судов, что отношения с потерпевшими до начала посягательства были нормальными, а нередко и дружескими [18, с. 52–58].

Приведенные данные свидетельствуют о принципиальной непредсказуемости прогнозирования поведения человека на отдаленную перспективу и заставляют скептически оценивать содержание цели исправления осужденных. Уважительное отношение к труду, обществу, общепринятым нормам поведения, которые должны достигаться в процессе исправления, судя по всему, не гарантируют воздержание субъекта от преступления.

Содержание исправления осужденных, раскрытое в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предполагает приведение убеждений личности, ее системы ценностей к определенной общепринятой норме. Однако в современном российском государстве, в условиях резкого имущественного расслоения общества, сложно говорить о существовании каких-либо общепринятых норм нравственности. Различные группы населения, объединенные общим имущественным положением, отношением к средствам производства, доступом к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха, вырабатывают специфические групповые нормы нравственности. Как «Способ производства материальной жизни, — отмечал К. Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [19, с. 7].

В российском обществе существует множество линий разделения. Например, сообщество предпринимателей, получающих прибыль за счет использования наемного труда, формирует свою мораль, отличающуюся от морали наемных рабочих (в недавнем прошлом это можно было назвать классовой моралью эксплуататоров и эксплуатируемых, однако сейчас так говорить не принято). При отсутствии стандартов морального и нравственного поведения невозможно говорить и об общей норме взглядов, оценок, убеждений к которой, по мысли законодателя, должно привести осужденного исправительное воздействие уголовного наказания.

Кроме того, в России общество расколото по имущественному признаку. При этом граждане из различных социальных групп имеют качественно отличающиеся возможности по доступу к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха. Радикально отличаются источники формирования культурных и нравственных ценностей у различных групп населения.

Что понимать в подобной ситуации под деформацией в духовно-нравственной сфере — абсолютно неясно. Является ли нормальной духовно-нравственной сферой олигарха, сколотившего состояние путем махинаций во время приватизации и выступающего в настоящее время столпом общества, политическим деятелем? Можно ли считать нормальным подогреваемое рекламой в официальных СМИ острое желание малоимущего подростка купить престижный смартфон?

Подобных вопросов можно задавать множество, но ответы на них либо отсутствуют, либо их решение не представляется возможным в рамках скла-

дывающейся экономической и политической системы. И это значит, что невозможно сформулировать какой-либо приемлемый стандарт морального и нравственного поведения, охватывающий все стороны жизни граждан, а следовательно, понять, что будет являться деформацией, порождающей преступное поведение. Разумеется, по ряду ключевых вопросов, таких, как недопустимость причинения смерти, вреда здоровью, в обществе исторически существует консенсус (хотя и здесь возможны различные варианты), но речь идет о более широком круге вопросов.

Сформулированное в УИК РФ понятие исправления представляется в некоторой степени наивным, отражающим идеальные представления о должном и резко диссонирующим с окружающей действительностью. Между тем на подобных представлениях в отечественном законодательстве возводится стройная концепция исправления осужденного путем применения к нему мер уголовного и уголовно-исполнительного воздействия.

Таким образом, цель исправления осужденных в отечественном законодательстве не представляется реализуемой, а ее достижение не может быть положено в основу оценки эффективности уголовного наказания.

Библиографический список

1. Гагарин Ю.В. Формирование готовности сотрудников исправительных учреждений к воспитательной работе с осужденными // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 142–146.
2. Громов В.Г. Об уточнении целей уголовного наказания // Общество. Культура. Преступность. Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 8. С. 56–60.
3. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.
4. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005.
5. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007.
6. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
7. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М., 2006.
8. Рождествина А.А. Незнание закона как объективная причина совершения преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда // Правовая культура. 2013. № 1 (14).
9. Антонян Ю.М. Криминология: избранные лекции. М., 2004.
10. Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001.
11. Мартынов Д. Ворьё моё // Компьютерра. 2008. 2 сент.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
13. Долгова А.И. Криминология. М., 2005.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования: Федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 243-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. V). Ст. 6966.
15. Стенограмма встречи Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». URL: <http://government.ru/news/2653/>
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
17. Жалинский А.Э., Герасун А.А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 15.
18. Зелинский А.Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9.
19. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 13.

T.V. Biryulina, Yu.I. Yuneva

**Regional Mass Media
of the Saratov Region
on Political Participation of Youth**

The nature of youth political participation representation in local media of the Saratov region is considered. Special attention is paid to the attitude of young people to radical political positions in modern society. The author gives the opinion that there is a lack of regional media coverage of youth political education problems.

Key words and word-combinations: political participation of youth, the region, mass media, radicalism and extremism.

Рассматривается характер представления политического участия молодежи в региональных СМИ Саратовской области. Особое внимание уделено проблеме отношения молодежи к радикальным политическим позициям в современном обществе. Высказывается авторское мнение о недостаточном освещении региональными СМИ проблем политического воспитания молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: политическое участие молодежи, регион, СМИ, радикализм, экстремизм.

УДК 002:316.334.3

ББК 76+66.3(0),4

**Т.В. Бирюлина,
Ю.И. Юнёва**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
О ПОЛИТИЧЕСКОМ
УЧАСТИИ МОЛОДЕЖИ**

Политическое участие молодежи в жизни современной России является ответственным фактором демократического развития общества. Его качественные характеристики в значительной степени определяют будущее состояние общества, характер его взаимоотношений с государством в обозримой перспективе. В настоящее время молодежь способна оказывать влияние на политический процесс и содержание государственной политики. Не случайно все парламентские партии в последние годы прилагают значительные усилия по вовлечению молодежи в свои ряды, расширению влияния в молодежных организациях.

Значение политического участия молодежи в жизни страны возрастает не только от того, что неизбежно наступает время взросления, и молодые люди занимают все большее место в производстве, управлении, общественной деятельности, но и потому, что молодежь лучше предыдущих поколе-

ний воспринимает общественный прогресс, быстрее адаптируется к новым социальным, техническим, экономическим условиям и активнее участвует в происходящем преобразовании общества. Всякое новое поколение молодежи вносит свою лепту в жизнь народа и страны. Содержание ее политического участия обязательно проявляется в целях и результатах государственного развития.

Общественное значение молодежных организаций как важной формы воспитания и активизации подрастающего поколения общепризнанно. Именно в молодом возрасте у человека формируются многие стереотипы духовного, идеологического и поведенческого характера. Молодежные организации расширяют возможности социализации девушек и юношей, приобщают их к политическому участию, втягивают в социально значимую деятельность. При этом массовые организации являются формой деятельности молодежи по представлению в обществе своих интересов, их отстаиванию перед государственными органами. Осуществляя свою деятельность, молодежные организации вступают в контакты с органами государственной власти, муниципальными структурами, политическими партиями, СМИ, разнообразными институтами гражданского общества, то есть участвуют в политическом процессе, а иногда — и в принятии политических решений. Проводимые молодежными организациями массовые политические акции подчеркивают их значение как активных субъектов политики.

Осуществляя анализ молодежного движения, логично учитывать не только отношение к стратегии развития общества, но также и другую мотивацию. В частности, особые потребности и интересы молодежи, связанные с возрастом, более эмоциональное выражение чувств патриотического или социально-экономического характера, обостренное восприятие теневой власти, теневой экономики, коррупции, социальной несправедливости. В последние годы усиливается значение таких явлений, как количественное расширение иностранной миграции, распространение чуждых национальных культур, религий, образов жизни, а также осложнение трудоустройства по специальности, безработица, материальная неудовлетворенность, усиление администрирования и даже авторитарности в системе государственного управления.

Социологические исследования, проводившиеся на протяжении последних лет во многих регионах Российской Федерации, свидетельствуют о невысоком уровне политического участия молодежи [1, с. 110—112]. Данная оценка относится к электоральной сфере, работе в общественных организациях, проведению массовых общественно значимых мероприятий, высказыванию своей позиции в отношении важнейших направлений внутренней и внешней политики государства, а также в защиту национальных интересов России. Политическое значение настроений и поведения молодежи особенно возрастает в связи с обострением отношений нашей страны с западным сообществом стран. Исходящая клевета, очернение, угрозы, санкции в адрес России существенно ограничили и осложнили контакты между российскими гражданами и структурами западного общества. Это

особенно остро ощущается для представителей молодого поколения и оказывает влияние на их общественные позиции, характер поведения. Как справедливо отмечают В.П. Букин и Е.Н. Григорьева, «поступающий по разным каналам поток информации, преломляясь в сознании молодого человека сквозь призму его национального менталитета, в процессе межкультурного взаимодействия может оказать как решающее значение в его жизненном выборе, так и постепенное влияние на различные этапы его социализации» [2, с. 124].

В этом смысле красноречивы вспышки общественной активности российской молодежи как реакция на националистическую и антироссийскую политику современной власти на Украине, на открыто радикальные военные действия «Исламского государства» на Ближнем Востоке. Причем реакция — противоречивая: с одной стороны, усиливаются патриотические и националистические позиции, с другой — проявляются радикальные настроения, в том числе поддерживающие антинациональный режим Киева и открыто террористическое образование ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»). Разнообразны формы проявления такой активности: от высказывания мнений и суждений в Интернете до добровольных поездок в горячие точки и участия в военных действиях. Так, по данным Следственного комитета РФ, на сентябрь 2015 г. в рядах вооруженных формирований ИГИЛ находилось около 2,5 тысячи добровольцев из России.

Множество фактов, связанных с проявлением молодежного радикализма, «вбрасывается» в Интернет, на различные сайты и тем самым получает широкое распространение в обществе. Специальные исследования, проводимые Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН среди населения многих субъектов РФ, показывают, что пропаганда идей экстремизма, религиозного радикализма направлена прежде всего на молодежь, в особенности на такие ее группы, как безработная молодежь, студенчество, учащиеся старших классов, участники религиозных и националистических организаций [3, с. 143—144]. В этом направлении сегодня работает огромная сеть в электронных СМИ. В меньшей степени подобная информация представлена в печатных изданиях федерального уровня, хотя в них содержится гораздо больше аналитики, оценочных суждений по поводу радикализации идейно-политических настроений молодежи и соответствующего общественного поведения. Информационное распространение сведений подобного рода о молодежной активности происходит гораздо интенсивнее, чем о позитивных формах общественно-политического участия молодежи.

Определенную долю информационного пространства занимают региональные СМИ. Сложно выделить особые группы их пользователей и читателей, но нет сомнений в том, что такие группы существуют. Конечно, в разных регионах России различны масштабы собственных информационных ресурсов, характер региональной политики в отношении СМИ, соотношений между провластными и оппозиционными информационными структурами. Различаются и масштабы освещения политического участия молодежи, в том числе

процесс радикализации ее общественных позиций. Несомненно только то, что региональные СМИ в гораздо меньшей степени освещают молодежную проблематику политического характера, чем СМИ федерального уровня. Такая оценка подтверждается исследованием проведенным в отношении СМИ Саратовской области.

В настоящее время в области зарегистрировано более 650 СМИ, примерно треть из них являются электронными. Количество печатных изданий за последние годы несколько сократилось, а из тех, которые существуют, не все реально участвуют в общественной жизни, тем более в политическом процессе. И все-таки их вполне достаточно для населения региона. Только в Саратове выходит 36 общественно-политических газет и региональных вкладок в федеральные издания, в городах и районах области издается 41 газета. Все издания ориентированы на постоянное информирование населения о происходящих процессах и событиях общественного значения, в том числе тех, которые несут в себе политическое содержание. Однако на примере молодежной тематики видно, насколько это информирование ограничено и в количественном, и в качественном отражении.

Для составления аргументированного мнения осуществлен выборочный анализ материалов за 2014–2015 годы наиболее читаемых в Саратове печатных и электронных СМИ разного характера: «Общественное мнение», «Газета недели в Саратове», «МК в Саратове», «Версия-Саратов», «Четвертая власть», сайт Общественной палаты Саратовской области. Какой-либо существенной информации о деятельности молодежных организаций в общественно-политической сфере в этих изданиях не обнаружено. То же самое относится к СМИ действующих в Саратовской области молодежных отделений парламентских партий, об их поддержке на местном уровне. Практически не освещается организаторская, просветительская, идейно-политическая деятельность молодежных объединений, их отношения с органами региональной и муниципальной власти, а также между собой. Фактически позитивная работа молодежных структур, в том числе их участия в электоральном процессе, остается без внимания региональных СМИ. Изредка подаются материалы о молодых депутатах и чиновниках, обычно представляющих партию «Единая Россия».

Характерным примером подобной информации можно считать статью С. Вилкова «Эх, молодежь!» в журнале «Общественное мнение» [4]. В ней по сути высказывается один из вариантов формирования политической элиты из среды молодых функционеров «Единой России». Называется семь фамилий, известных в саратовской политике: члены правительства, депутаты, общественники. Кто-то прошел через руководящие посты в «Молодой гвардии», кто-то выдвинулся через работу в студенческом профсоюзе, кто-то сделал карьеру благодаря высокому покровительству. Статья содержит краткие характеристики деятельности молодых политиков, критикует, а в чем-то даже осуждает пройденный ими путь вхождения в региональную бюрократию. Четко проводится мысль о том, что для молодых функционеров не очень-то важно массовое политическое участие молодежи.

Редким фактом является публикация подборки материалов о современном состоянии молодежных организаций в «Газете недели в Саратове» [5, с. 10–11]. Разные авторы высказывают мнение о возможности единого всероссийского молодежного объединения по типу комсомола, о разнообразии идейных и социальных позиций молодежных организаций, а также характеризуют особенности молодежного движения в Саратовском регионе. Отметим, что почти все материалы этой подборки носят самый общий характер.

Особое внимание саратовские СМИ уделяют проявлениям радикализма в молодежной среде, примером экстремистских настроений и поступков молодых людей. Этим проявлений зафиксировано немного. Подавляющее большинство молодежи — учащиеся и студенты — находятся в пространстве позитивного общественного поведения, сохраняющегося в учебных заведениях, испытывают воспитывающее воздействие со стороны преподавателей. Однако существуют факты поддержки украинских националистов и радикальных исламистов ИГИЛ в молодежной среде, что находит свое отражение в СМИ.

Прежде всего сообщаются факты какой-либо деятельности, поступков оппозиционной направленности, высказываний, проявлений симпатии или словесной поддержки исламских радикалов или украинских русофобов. Фактов оказывается немного, высказывания о них отрывочны. Ясно, что масштаб и напряженность радикальной оппозиционности молодежи в Саратовской области незначительны. За период с начала 2014 г. в СМИ получили отражение несколько событий подобного содержания. Например, митинг против войны с Украиной у памятника Вавилону 14 марта, собравший около 20 человек. Выступавшие на этом митинге по сути требовали невмешательства России в события на Украине. В райцентре Красный Кут 29 мая произошли столкновения между бывшими пограничниками и выходцами из Карачаево-Черкесии, участвовало около 30 человек, но массовой драки власти не допустили. Перед зданием тюза в Саратове 21 сентября прошла акция с требованием «невмешательства» России в дела Украины с участием примерно 50 человек. Молодые люди составляли большинство участников всех этих событий, но вряд ли здесь можно говорить о серьезном политическом участии.

В 2015 г. СМИ зафиксировали несколько фактов протестного поведения саратовской молодежи. В середине марта во время массового митинга на Театральной площади в поддержку присоединения Крыма к России около 10 молодых людей, в основном школьники, демонстрировали свое критическое отношение приколотыми к одежде ленточками цветов украинского флага. Примерно в те же дни один из молодых саратовских националистов разместил «ВКонтакте» песню экстремистского содержания. В апреле другой молодой человек опубликовал «ВКонтакте» видеоролики и фотографии такой же направленности. В августе 2015 г. общественная палата Саратовской области открыла горячую линию по борьбе с ИГИЛ, на которую в первую же неделю поступило восемь сообщений о возможной вербовке саратовцев

в эту террористическую организацию, в том числе сообщался конкретный факт состоявшейся вербовки одного молодого человека, пропавшего в середине лета.

Тема вербовки молодых людей на войну в армии ИГИЛ рассмотрена в нескольких материалах саратовских СМИ. В статье С. Петунина «Экстремисты здесь не нужны» в газете «Общественное мнение» рассказывается о простой жизни исламской общины Казахских жителей в Питерском районе [6]. Местный имам, когда-то совершивший хадж в Мекку, а теперь служащий в скромной мечети, убежден, что ислам должен внушать людям совершение добрых дел и честных поступков. Статья С. Орленко в «МК в Саратове» посвящена анализу идейной направленности и организационной структуры ИГИЛ [7]. В ней изображена зловещая, противочеловеческая деятельность этой террористической организации, не имеющей ничего общего с классическим исламом. Это антиисламский политический проект. Автор приводит данные о распространении «игиловской» позиции в поволжском пространстве и прежде всего среди молодежи, подчеркивает серьезную опасность такой позиции для российского общества.

В СМИ содержатся некоторые разоблачения идейных основ «игиловского» движения, которое позиционирует себя то с «истинным» исламом, с некоей правотворностью, то с общечеловеческими принципами справедливости, равенства, свободы, то с противодействием мировому империализму, глобальному господству транснациональных корпораций. Каждая из таких идейных позиций чем-то привлекательна для определенных групп молодежи в разных странах мира, возбуждает к активным действиям на стороне ИГИЛ тысячи и тысячи молодых людей, которые пробиваются на Ближний Восток, чтобы участвовать в борьбе за высокие принципы и идеалы. Однако в реальной действительности эти идеи оказываются мифом, а война ИГИЛ — обыкновенным терроризмом, преступлением перед человечеством со страшными результатами: гибель, бедствия, бегство с родных мест множества невинных людей, огромные разрушения производственных, жилых, культурных объектов, в том числе памятников, представляющих историю мировых религий и всего человечества.

Саратовские СМИ вносят свою лепту в разоблачение идеологии ИГИЛ, разъяснение его реальной политики, раскрытие его огромной опасности для нашей страны, — многонационального и многоконфессионального государства. В такой деятельности СМИ необходимо, по нашему мнению, более системное и масштабное отношение к проблеме как к одной из самых важных тем современной политики. Тем более, что молодежи требуется более доказательная информация и эмоциональная, убедительная форма ее подачи. Именно в этом состоит сегодня политический интерес государства и общества. Осознание и реализация данного интереса — актуальная задача СМИ.

Региональные СМИ ограничены в своих возможностях освещать политическое участие молодежи. Здесь сказывается фактор юридической принадлежности того или иного СМИ, определенный интерес его владельца: государства,

муниципалитета, партии, бизнеса, частного издателя. В зависимости от этого строится интерес издания к политике вообще и к молодежной политике в частности. Существенно проявляет себя масштаб самого молодежного участия в политическом процессе, количество и содержание информационных поводов для его представления в материалах СМИ. Приведенный анализ показывает, что подобных поводов немного, хотя и те, которые находятся, используются весьма ограниченно. Скорее всего, в этом проявляется уровень общественного интереса к проблемам молодежного участия в политике. Он явно невысокий.

Однако общественно-политическая обстановка в российских регионах, как во многих странах мира, развивается, все больше зависят от социальной активности молодежных слоев населения. В то же время молодежная среда испытывает огромное давление со стороны экономических, культурных, нравственных изменений, происходящих в современном обществе. Причем нарастающее воздействие оказывают радикальные идеи, экстремистские призывы и действия, серьезные отступления от традиционных норм культуры и общественного поведения. Все это требует от государства и гражданского общества совместной деятельности по усилению позитивного, воспитывающего воздействия на подрастающее поколение.

Важную роль в этой деятельности призваны играть СМИ, в том числе на региональном уровне. Имеются в виду информационные органы, специально ориентированные на молодежную аудиторию, как электоральные, так и печатные. В частности, считаем необходимым образование печатного органа — областной молодежной газеты. Такая газета функционально во многом может быть к комсомольским изданиям советского времени. Основными задачами молодежной газеты должны стать историческое и правовое просвещение, приобщение к культурным и духовным ценностям, организация диалога между молодежными группами и государственной, муниципальной властью, патриотическое воспитание, разоблачение чуждых российскому обществу экстремистских позиций, организаций и действий, обеспечение нормального человеческого общения между разными поколениями граждан России.

Библиографический список

1. Бирюлина Т.В., Долгова Г.Н. Современная молодежь в российском политическом процессе. Саратов, 2008.
2. Букин В.П., Григорьева Е.Н. Особенности социализации учащейся молодежи в условиях межкультурной коммуникации // Вестник ПАГС. 2010. № 1.
3. Маркин В., Роговая А. Противодействие распространению идеологий экстремизма в молодежной среде // Власть. 2012. № 11.
4. Вилков С. Эх, молодежь! // Общественное мнение. 2014. № 8.
5. Ленинский комсомол и его заменители // Газета недели в Саратове. 2015. 13 окт.
6. Петрушин С. Экстремисты здесь не нужны // Общественное мнение. 2015. № 7–8.
7. Орленко С. Щупальца ИГИЛ тянутся к Волге // МК в Саратове. 2015. 23 сент.

D.I. Gallyamova

**Forming Education Values
of the Youth by Means
of Public Policy in the Context
of Human Capital Theory**

The social and cultural methods of youth policy implementation are studied. Special attention is paid to the concept of "human capital" which is revealed through the analysis of the effectiveness of children and youth education and development.

Key words and word-combinations: youth policy, social and cultural regulation, human capital.

Исследуются социокультурные механизмы реализации молодежной политики. Особое внимание уделяется понятию «человеческий капитал», которое раскрывается через анализ эффективности работы по воспитанию и развитию детей и молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: молодежная политика, социокультурное регулирование, человеческий капитал.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Д.И. Галлямова

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ
СРЕДСТВАМИ ОБЩЕСТВЕННО-
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

Воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, способной принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи — ключевая задача молодежной политики, обозначенная в документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1]. Между тем благозвучие формулировок этого текста не делает их более понятными. Формирование ценностей в обществе новой России остается одной из сложнейших проблем. Чем дальше в истории остается советское прошлое с его идеологией коммунистического воспитания и чем острее кризис западно-либеральных ценностей, тем противоречивее и актуальнее выбор системы ориентиров и ценностных установок для современного российского общества.

Не случайно в последние годы публичная дискуссия вокруг этой проблемы непрерывно расширяется. Большой резонанс вызывают отдельные попытки со стороны власти регулировать процессы воспитания и духовного производства. В таком контексте можно вспомнить законодательные инициативы о создании единого учебника истории, о расширении использования символов госу-

дарственной власти (исполнение гимна в учебных заведениях) или наказании за «оскорбление чувств верующих». Реакция большей части общества на эти инициативы была негативной. Критику вызывал их запретительный характер, который, по мнению многих, блокирует возможности общественной активности и противоречит демократическим основам Конституции РФ. К инициативам другого рода, стимулирующим полезные с точки зрения государства социокультурные практики, относятся, например, финансирование патриотических кинофильмов или недавний Указ Президента РФ «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации “Российское движение школьников”», которое, как пионерская организация, должно заботиться о воспитании подрастающего поколения.

Без сомнения, данный нормативно-правовой акт можно считать очередной вехой в истории страны. Его знаковый характер заключается в том, что в первые постсоветские годы любые попытки представителей государственной власти или отдельных общественных, политических сил заговорить о возврате в том или ином виде официальной идеологии или отдельных ее элементов пресекались на корню как антиконституционные, рудиментальные, ограничивающие права и свободы личности. Спустя два десятилетия после этого возврат государства к своей идеологической функции воспринимается как необходимость. Причина тому — аномическое состояние общества, мешающее не только социальным отношениям, но и препятствующее экономическому развитию страны, в целом сводя на «нет» проект модернизации.

Нельзя отрицать, что культурно-воспитательная миссия входит в перечень главных внутренних функций государства, которое ответственно за создание условий для удовлетворения культурных запросов и потребностей людей, за формирование в обществе духовности, гражданственности, терпимости и т.д. На это обращал внимание К. Манхейм: «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других, и тем самым стабилизирует его» [2, с. 40].

В этом контексте отрицание российским государством каких-либо воспитательных стандартов закономерно привело к моральному кризису. В Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин отметил, что, «отбросив идеологические штампы прежней эпохи, «вместе с грязной водой выплеснули и ребенка. Сегодня это проявляется в равнодушии к общественным делам часто, в готовности мириться с коррупцией, с наглым стяжательством, с проявлениями экстремизма и оскорбительного поведения. И все это порой приобретает безобразные, агрессивные, вызывающие формы, скажу больше — создает долгосрочные угрозы обществу, безопасности да и целостности России» [3].

Каким же образом государство, не превращаясь в главного транслятора коллективных ценностей и установок, то есть официальной идеологии, может формировать ценности личности и направлять ее развитие? М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Фуко, изучая данную проблему, раскрывали в своих работах понятие «социокультурное регулирование», которое в условиях современного

сверхсложного, глобализирующегося мира, где крайне интенсифицирована культурная среда, обрело особую актуальность.

Понятие «социокультурное регулирование» направлено на поддержание порядка общественной системы, который обеспечивается посредством механизмов воздействия на ценности, идеалы, идеальные культурные модели людей; через определенные ограничения, запреты, «дисциплинирование», выражаясь языком М. Фуко, «поведение и деятельность человека в социуме». Власти не используют методы прямого принуждения и предписания, но стремятся к использованию интересов и стимулов, к управлению обществом через механизмы культурной саморегуляции людей. Так, может быть усилена или, напротив, снижена религиозная составляющая в социокультурном пространстве, стимулированы те или иные сценарии поведения (например, отказ от курения, «сухой закон», призыв или осуждение политического протеста и т.д.). Процесс социокультурного регулирования включает воздействие на процессы повседневной типизации и механизмы социальной идентификации; контроль над вектором изменения социальной структуры; внедрение в повседневное, обыденное сознание тех или иных нарративов; влияния на механизм «нормализации» событий (термин А. Шюца); включение их в знаковую систему повседневности; регулирование структуры интересов, особенно потребительских и т.д. [4, с. 180].

Таким образом, объектом регулирования становятся социальные нормы, ценности, установки, поведенческие схемы и практики различных социальных групп. Методы социокультурного регулирования можно классифицировать на прямые, связанные со стимулированием или ограничением поведения, и косвенные методы, включающие в себя производство смыслов и символов, воздействие на ценности.

Как уже отмечалось для России вопросы социокультурного регулирования стали в последние годы особенно актуальны. В обществе возникла серьезная необходимость интеграции, преодоления разобщенности, нетерпимости, высокого уровня агрессии. Некоторое время власть не присутствовала в сфере повседневности, поэтому сегодня возникла важнейшая проблема ее возвращения, но без элементов авторитаризма, столь пагубно влияющего на развитие гражданского сознания и демократического движения в России в прошлом.

Решение этой проблемы затрагивает одновременно все сферы общественной жизни и государственного управления, в том числе, конечно, и молодежную политику, в которой режим усиления социокультурного регулирования проявляется в проведении высокобюджетных молодежных форумов; грантовых конкурсов; проектов патриотического характера, направленных на вовлечение активной, инициативной молодежи в социальную практику; создание из лучших представителей нового поколения «креативного класса», готового работать в интересах родной страны. Мероприятия, которые проводятся для достижения перечисленного, можно объединить в понятие «политика проектов». Федеральным агентством по делам молодежи, региональными и местными молодежными органами аккумулируются средства, поступающие из

бюджета, а также из бизнеса и от частных лиц для проведения различных конкурсов и заказа тех или иных молодежных проектов.

Однако, если в построении молодежной политики опираться на теорию человеческого капитала (именно рост человеческого капитала молодежи объявлен агентством «Росмолодежь» приоритетом [5]), проектное управление представляется недостаточно эффективным и приемлемым в силу того, что оно умножает потенциальную возможность человеческого капитала, а не реальную стоимость способностей и талантов людей — «производящую мощь личности», как точно сформулировал А.М. Кушнир [6, с. 13].

Человеческий капитал — совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества. Если целью и важнейшим критерием качества молодежной политики становится самореализация личности и реальная польза обществу, которую приносит молодежь, тогда важно определить, какие конкретно знания, умения, навыки, ценности и компетенции формировать в личности в тот или иной период ее развития.

Так, А.А. Ермолин, депутат Государственной Думы четвертого созыва, заявляет о необходимости в процессе подготовки профессионалов постиндустриального мира, составить список специфичных для новой производственной культуры знаний, умений и навыков и продумать для каждого конкретного этапа взросления личности соответствующие воспитательные задачи, методики и технологии [7, с. 13].

Для реализации такой национальной программы развития личности требуется соответствующая инфраструктура, созданная в каждом учебном заведении, центре дополнительного образования, спортивном учреждении, а также в каждой семье. Эта непосильная для государственного бюджета задача представляется реальной только при учете возможностей новейших технологий решения сложных проблем в многофакторном мире. Речь идет о таких технологиях, как, например, краудсорсинг и «открытое правительство», на основе которых происходит сетевая общественная разработка идей и подходов к решению общенациональных задач. Используются площадки публичной, сетевой демократии, в работе которых может принять участие каждый гражданин. Обсуждаются предложения по содержанию программ, методам работы в том или ином направлении социальной политики, механизмы финансирования, опыт разных стран и регионов и т.д. В обсуждении участвуют государственные и негосударственные учреждения, бизнес-структуры, общественные организации, меценаты и просто неравнодушные люди. Так выстраивается общественно-государственная политика.

В настоящее время появляется все больше успешно реализованных с помощью этих методов проектов: от разработки законопроектов (например, конституция Исландии написана с использованием краудсорсинга) до создания мороженого. Самый известный такой проект — свободная энциклопедия «Википедия» [8].

В сфере российской политики, в частности молодежной, подобные инструменты практически не используются. Между тем, в странах Запада успешно

работают механизмы рынка общественных объединений, конкурирующих за получение бюджетного и иного финансирования. Целесообразно изучать и перенимать данный опыт.

Значение, которое имеет молодежная политика как часть социальной политики страны, требует внимания всех сфер государственного управления — культуры, спорта, экономики, промышленности и особенно сферы образования. Сегодня школы, техникумы, вузы, профкомы предприятий, отделы министерств, комитеты по делам молодежи создают свои, отдельные друг от друга программы, которые вместе не представляют «единой ткани» воспитания личности, а ведь именно это является непрерывной социализацией детей, подростков и молодежи, служит главной целью молодежной политики. Механизмы социализации должны работать ежедневно: через школы, оснащенные как технически, так и кадрово (компетентными педагогами-организаторами); через сеть учреждений внешкольной работы; детские и молодежные клубы по месту жительства.

Очевидно, что только при организации непрерывной социализации детей и молодежи возможно достижение цели, которая в «Основах государственной молодежной политики» обозначена как главный ее результат. Это улучшит социально-экономическое положение российской молодежи и увеличит степень ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны.

Пока государственная молодежная политика России слишком унитарна, она не учитывает различия в способах работы с разными категориями молодежи, не носит адресной направленности, не измеряется результативностью предпринятых действий. Очень важно включить в этот процесс оценки эффективности молодежной политики самих ее субъектов — детей, людей молодого возраста, их родителей. Молодежная политика может рассматриваться не как «политика в отношении молодежи», а как «политика молодежи» [9, с. 51].

Еще в середине XX в. американский социолог Д. Белл, анализируя массовое молодежное движение, заявил о «конце идеологии». Студенческое сообщество проявило сильнейшую организованность в своем протесте агрессивной внешней политике страны. Были подвергнуты переоценке все политические и гражданские идеалы. Такое инициированное «снизу» движение по созданию новых ценностей показало, что современное общество — это уже не объект, но полноправный субъект идеологии.

В настоящее время не нужно «вовлекать» молодежь в социальную практику. Она давно уже создает ее в пространстве социальных сетей, в своих неформальных объединениях и обществах (волонтерских группах, квест-сообществах и т.п.). Наверное, уместнее говорить о том, как консолидировать усилия молодежи ради «общего блага»: своих сверстников, сограждан, страны в целом. Но краткосрочных проектов для этого недостаточно. Необходимы условия, действующая система социальных институтов, в которых создается и приумножается молодежный человеческий капитал: интеллект, здоровье, способность к производительному труду, уверенность в завтрашнем дне, патриотизм, толерантность, способность к инновационному мышлению и самоорганизации.

Библиографический список

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. Послание Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>.
4. Королев С.А. Власть и повседневность в постсоветской России // Новые идеи в социальной философии. М., 2006. С.162–184.
5. Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала: доклад бы РАНХиГС при Президенте Российской Федерации по заказу Федерального агентства по делам молодежи в 2013 г. URL: <http://www.fadm.gov.ru/upload/iblock/606/report-fadm-gu-2013-11-13.pdf>
6. Кушниц А.М. Главный дефект российского образования, или Зачем нужны производственные технопарки и детско-взрослые образовательные производства в школе? // Народное образование. 2012. № 7. С. 11–18.
7. Ермолин А.А. Молодежная политика как национальная система воспроизводства человеческого капитала мирового уровня // Народное образование. 2014. № 7. С. 9–19.
8. Метод краудсорсинга. URL: <http://eco-project.org/water-atom/info/crowdsourc>
9. Шиманская О.К., Паршаков А.С., Попова С.А. Молодежная политика: между государственной и общественной инициативой // Власть. 2013. № 10. С. 51–53.

V.V. Nemolyaev
**Multivariate Sociological Assessment
of Professional Culture**

The various methodological paradigms of professional culture assessment are analysed. Deficiencies are identified and the universal principles of implementation of modern assessment tools are integrated. It is proved that in modern conditions it is necessary to develop a multivariate model of professional culture including the basic assessment system parameters.

Key words and word-combinations: professional culture, sociological assessment, values, ideals, norms.

Анализируются различные методологические парадигмы оценки профессиональной культуры. Выявляются недостатки и интегрируются универсальные принципы реализации современного оценочного инструментария. Доказывается, что в современных условиях необходима разработка многофакторной модели профессиональной культуры, включающей основные системные параметры оценки.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная культура, социологическая оценка, ценности, идеалы, нормы.

УДК 174
ББК 87.754

В.В. Немоляев

**МНОГОФАКТОРНАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Разработка новых инструментов социологической оценки профессиональной культуры вызвана необходимостью обновления внешней и внутренней системы целевого профессионального развития работников современной хозяйственной организации в контексте нового этапа формирования российского общества. По сути, необходимость формирования новой системной модели оценки профессиональ-

ной культуры связана с рядом фундаментальных преобразований. С одной стороны, процессы становления гражданского общества определяют внедрение общих демократических принципов социокультурного развития хозяйственных организаций саморазвивающегося типа. Технологии оценки профессиональной культуры, традиционно применяемые в саморазвивающихся (научно-образовательных) организациях, должны учитываться и внедряться в системе оценки профессиональной культуры организаций производственного типа. С другой стороны, современный этап реформы экономики определяет необходимость постоянного и устойчивого научно-образовательного развития профессиональной культуры работников, осуществления системной оценки, адаптивной коррекции и оптимизации внешних и внутриорганизационных целевых программ культурного развития трудовой организации.

Следовательно, в новых условиях необходима оптимизация процессов формирования профессиональной культуры работников, что предполагает постоянный мониторинг ее состояния, основанный на новой системной (многофакторной) модели ее оценки. Для разработки системной многофакторной модели проанализируем традиционные подходы методологического обоснования оценки профессиональной культуры работников, выявим недостатки, интегрируем универсальные принципы реализации оценочного инструментария.

В различных научных разработках представлены попытки методологически обосновать процесс социологической оценки профессиональной культуры в целом, имеются разработки по выявлению специфики культурной диагностики хозяйственной организации. Условно данные разработки можно распределить на три группы оценки: через анализ системы профессиональных ценностей работников; через анализ практик профессионального поведения, характера и уровня использования знаний, умений и навыков; через анализ всей системы социально-экономических отношений организации, выявление отраслевой и внутриорганизационной специфики профессионального поведения. Рассмотрим данные парадигмальные подходы, обоснуем возможность их применения в современных условиях.

Первая группа парадигм определяет оценку через исследование внутреннего ценностного проявления профессиональной культуры акторов (многофакторная модель оценки). Данную группу представляют исследователи развивающие методологические основы диагностики профессиональной культуры Э. Шейна. В рамках данной методологической доктрины анализируется прежде всего интегрирующая роль лидеров-профессионалов в процессах конструирования организационной культуры. Последние формируют те или иные практики профессионального взаимодействия, определяют условия, при которых профессионалы способны «столь угодно долго самостоятельно ставить себе диагноз, и проводить любые трансформации, которые могут потребоваться вследствие изменения среды» [1, с. 311]. В рамках данного подхода профессиональная культура рассматривается как форма проявления организационной культуры. Ее оценка осуществляется по ряду субъективных

факторных параметров: 1) общие потребности, провозглашаемые ценности, идеалы, нормы и правила; 2) основные ценности, принципы, представления, правила, нормы, являющиеся базовым субъективным фактором конкретного профессионального поведения; 3) мотивационные основы профессионального поведения [2].

Социологи констатируют, что оценка профессиональной культуры связана и определяется факторами профессиональной этики, практиками формирования профессиональных сообществ, характеристикой совокупностей индивидов, относящих себя к той или иной профессиональной группе. Профессиональная культура характеризуется определенными рамками жизнедеятельности различных групп профессиональных сообществ. Оценивая структуру и качественные характеристики профессионального сообщества, важно исследовать не только формальные признаки (должность, образование, звания, умения, навыки), но и систему неформальных профессиональных отношений. Необходимо раскрыть проявление сети неформальных профессиональных связей и взаимозависимостей, уточнить «границы такого неофициального сообщества — реального носителя традиции, в рамках которой она транслируется». Они могут «не совпадать с формальными границами профессии (определяемыми такими критериями, как полученное образование, квалификация, формальная лицензия, дающие право заниматься данной деятельностью)» [3, с. 51–52].

Именно поэтому оценка профессиональной культуры в рамках данной доктрины представляется как форма диагностики некоторых основных положений, раскрывающих внутренние ценности и убеждения работников, их представления о своей деятельности, организации, окружающем действии, а также о реальности, человеческой трудовой активности, человеческих отношениях [4, с. 314]; «ядро профессиональной культуры составляет этика труда как совокупность моральных норм, взглядов и ценностей, которые презентуются членам группы эзотерически и которые исполняют функции регулятора поведения профессионалов» [5, с. 18]. Моральные нормы профессиональных групп являются отдельным показателем профессиональной культуры [6]. Важно отметить, что данные авторы не отрицают связь профессиональной культуры с трудовыми практиками. Т.М. Баландина в связи с этим подчеркивает, что профессиональная культура должна оцениваться не только на основе анализа коллективных профессиональных ценностей, норм, принципов, представлений, обретаемых профессиональными группами корпорации в процессе реализации трудовых действий, но и на основе анализа процессов разрешения противоречий адаптации и внутренней интеграции работников [7].

Таким образом, в рамках первой группы парадигм представляются методологические основы оценки профессиональной культуры через анализ системы профессиональных ценностей, потребностей, провозглашаемых идеалов, норм и правил работников. В этом случае оценку культуры профессионалов предлагается сводить к социологической диагностике изменений в системах ее внутреннего проявления. Необходимо согласиться с данными авторами в том, что именно представляемые к оценке системные компоненты определяют

основные факторы профессионального поведения людей. Ценности, представления, взгляды, социальные нормы характеризуют уровень освоения и трансформации в действиях индивидов той или иной профессии, формируют определенный стиль профессионального поведения акторов. Одновременно нужно отметить некоторую ограниченность данной методологической доктрины. В качестве недостатков можно выделить следующие: во-первых, отсутствие комплексного подхода в оценке внешних и внутренних качественных параметров (относительное абстрагирование от оценки внешних признаков проявления данного явления); во-вторых, узкая сосредоточенность параметров оценки на уровне отдельных субъективных факторов; в-третьих, отказ от оценки непосредственных практик профессиональной трудовой реализации культурного потенциала акторов.

Вторая группа парадигм определяет оценку через исследование не только внутренних, но и внешних основ профессиональной культуры акторов: анализ практик профессионального поведения как коммуникации, характера и уровня использования знаний, умений и навыков в процессе профессионального труда. Данную группу парадигм представляют исследователи, развивающие расширительные традиции диагностики профессиональной культуры. Представители данной методологической группы, хотя и останавливаются преимущественно на субъективных параметрах оценки, предлагают расширенный контекст изучения профессий и профессиональной культуры. Объективными предпосылками формирования расширительной методологической доктрины оценки профессиональной культуры является рост расхождения между научными подходами и моделями структурно-функционалистского типа и резким усложнением, повышением динамичности, конфликтностью самих практик развития профессиональной культуры. Ученые обосновывают необходимость рассматривать не только внутренние, но и внешние параметры профессиональной культуры. Они видят в этом явлении не только традиционно исследуемые идеалы, ценности, идеи, нормы поведения, но также и «нравственное самосознание профессиональной группы, ее психологию и идеологию» [8, с. 44]. В рамках данного подхода, с одной стороны, ставится задача раскрыть в едином целом внешние и внутренние процессы профессиональной культуры, с другой — минимизировать внутреннюю закрытость профессиональной культуры, показать ее проявление в социально-экономических отношениях организации.

Ряд исследователей акцентируют внимание на том, что реализация оценки профессиональной культуры должна быть нацелена не только на трансформацию ценностей, но и на выявление практик перехода человека от преимущественно обособленных видов труда в некое иное состояние труда, характеризующее качество профессии. Культурологическое проявление профессии как вида труда достигается на определенном уровне автономизации и институционализации. Профессиональная культура отражает определенный уровень некоторого специализированного вида человеческой трудовой деятельности, которая является функцией определенной трудовой группы людей.

Некоторые исследователи представляют ограниченный социально-экономический методологический подход к процессу оценки профессиональной культуры. Доказано, что данная оценка не может сужаться до анализа внутренних убеждений и ценностей человека. Здесь профессиональная культура должна характеризоваться как общественная ценность, имеющая не только социальную и социокультурную, но и деятельную и коммуникационную формы. М. Хилб в данном контексте обращает внимание на коммуникационную форму проявления профессиональной культуры. В рамках данного подхода анализ коммуникаций в процессе всякого действия человека и отдельных профессиональных групп кладется в основу оценки профессиональной культуры. При этом оценка может осуществляться на индивидуальном (личностная профессиональная культура), групповом (коммуникационная трудовая реализация профессиональных «командных звезд») и внутриорганизационном (поведенческая реализация коллектива работников хозяйственной организации в целом) уровнях.

Профессиональные группы совершенствуются, «чтобы превратиться в организацию, которая постоянно учится и умеет выработать свое видение нового состояния компании и окружающей среды» [9, с. 129]. Ученые констатируют, что стабилизация профессионализма в рамках того или иного рода деятельности акторами достигается поэтапно и постепенно. Данный процесс включает в себя не только формирование системы необходимого образования, практик лицензирования, но и учреждения ассоциаций, журналов, принятия этического кодекса [10, с. 13–15]. «Профессионалы имеют некий неофициальный, внутренний этический кодекс. Внутренний в том смысле, что он представляет собой “неписаные” правила и нормы, соблюдение которых является личным делом человека» [11, с. 30]. На основании данных тезисов нетрудно заметить, что оценка профессиональной культуры должна строиться на основе дополнительного анализа одновременно результатов и условий превращения разрозненных видов труда в профессию.

Таким образом, в рамках второй группы парадигм представляются методологические основы оценки профессиональной культуры через анализ как внешних, так и внутренних субъективных проявлений профессиональной культуры. Основной акцент делается не только на разделяемые ценности, нормы и правила поведения, но и на систему коммуникаций в профессиональной деятельности, характер и уровень использования знаний, умений и навыков в процессе поведенческих практик человека. В этом случае оценку культуры профессионалов предлагается сводить к исследованию внутренних и внешних основ проявления практик профессиональной культуры акторов. В целом мы разделяем позицию данных авторов в том, что коммуникации, уровень качественных профессиональных характеристик, стилевые поведенческие практики можно и важно вводить в систему параметров оценки профессиональной культуры. В качестве недостатков подхода выделим следующие: 1) авторы не обращаются к анализу процессов трудовой капитализации профессиональной культуры в форме культурного капитала субъектов труда, не учитывают связь развития профессиональной культуры с трансформациями в системе спроса

на профессию; 2) данный методологический подход субъективно ограничен. Анализ субъективных факторов, хотя и играет важнейшую роль, но не может обеспечить комплексную оценку трансформации профессиональной культуры в целом.

Третья группа парадигм определяет оценку через исследование непосредственных трудовых практик в системе социально-экономических отношений организации, интегрированной диагностики отраслевой и внутриорганизационной профессиональной культуры акторов. Исследователи данной методологической группы обосновывают необходимость оценки профессиональной культуры в рамках как формальных, так и неформальных практик профессионального взаимодействия. В рамках оценочных действий и необходим анализ моделирующих отношений «профессионал — объект трудовой деятельности». Здесь профессиональная культура оценивается как система факторов, конструирующих профессиональную деятельность в контексте трансформации социально-экономических коммуникаций. В данном контексте принципиально исключается возможность идеальных форм проявления феномена профессиональной культуры. Рассматривается процесс развития профессиональных субкультур как процесс достижения социально-экономической власти: «ее достижения, удержания и осуществления» [3, с. 144]. Поэтому процесс формирования профессиональной культуры внешне может оцениваться в трансформации социально-экономических отношений.

Данный процесс имеет двойственное проявление. С одной стороны, профессиональная культура выступает фактором развития социально-экономических отношений в системе функционирования хозяйственных организаций, с другой стороны, данный феномен проявляется в процессах постоянных изменений качественных характеристик населения занятого профессиональным трудом. Трудовые группы, формируя свою профессиональную культуру, трансформируют собственное положение в обществе. Развитие профессиональных знаний, ценностей, норм определяет процесс формирования профессиональной культуры, профессионально воплощается новый уровень социально-экономического статуса человека. Работник, совершенствуясь и развиваясь, как правило, переходит от одного к другому, более высокому, уровню профессиональной культуры [12].

Изменение профессиональной культуры можно оценить в результате анализа структурирования социальной профессиональной системы общества. Ведь оценить профессиональную культуру «означает изучать те пути, которыми эта система — в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренных результатов — производится и воспроизводится во взаимодействии» [13, с. 6].

Таким образом, в рамках третьей группы парадигм представляются методологические основы оценки профессиональной культуры через анализ объективных проявлений профессиональной культуры в процессе трудовой деятельности ее носителей. По сути, оценка профессиональной культуры проводится на основе изучения социально-экономических отношений, а также изменений качественных характеристик профессионально занятого населения. При

оценке предлагается опираться на критерии, характеризующие изменения человека в структурной профессиональной принадлежности. При данном подходе оценка должна осуществляться в результате анализа изменения профессионального функционального уровня человека, трансформации его общественного профессионального статуса, совершенствования доступа к ресурсам и власти. Частично соглашаясь с методологами данного подхода, важно отметить ряд недостатков. Во-первых, исследователи абстрагируются от системы субъективных показателей оценки профессиональной культуры. Во-вторых, в рамках данного подхода не анализируются внутренние составляющие факторов профессиональной культуры: остаются вне зоны исследования важнейшие атрибуты культуры, связанные с ценностями, представлениями, взглядами, социальными нормами, разделяемыми той или иной профессиональной группой. В-третьих, система критериев включает изменения профессиональной культуры работников во всей системе социально-экономических отношений хозяйственных организаций. Исследование данной системы является громоздким и всеобъемлющим. Здесь четко не выявлены показатели оценки по конкретным направлениям профессиональной деятельности работников.

В результате рассмотрения различных методологических парадигм несложно заметить, что современные исследователи представляют несколько различных подходов по выявлению параметров оценки профессиональной культуры. Каждый подход имеет свои преимущества и недостатки. В то же время, на наш взгляд, в новых условиях необходима разработка интегрированной системы показателей оценки профессиональной культуры. Интегрированный подход должен объединить традиционно применяемые параметры оценки. На основе интегрированной доктрины представим системную многофакторную модель социологической оценки профессиональной культуры. Данная модель включает в себя несколько уровней факторной системы показателей оценки профессиональной культуры.

Первый уровень профессиональной культуры — первооснова ее поверхностного объективного проявления (формальный уровень профессионального образования, качественные показатели переподготовки, занимаемая должность, профессия, динамика карьерного роста). Второй уровень — потребности, ценности, идеалы, нормы и правила, являющиеся базовым субъективным фактором конкретного профессионального поведения. Третий уровень — стили профессиональной коммуникации, характер и уровень использования знаний, умений и навыков в процессе поведенческих практик человека. Четвертый уровень — характер социально-экономических отношений, динамика изменений качественных характеристик профессионально занятого населения (анализ изменения профессионального функционального уровня человека, трансформации его общественного профессионального статуса, совершенствования доступа к ресурсам и власти).

В результате развития профессиональной культуры процессы социальной профессиональной мобильности активизируются, осуществляются групповые профессиональные перемещения работников с одного профессионального

статуса (базового) в другой профессиональный статус (высший). Последнее представляет собой, с одной стороны, развитие профессиональной культуры, с другой стороны, процесс универсального обновления профессиональной структуры как на внутриорганизационном, так и на общественном уровне в целом.

Итак, при осуществлении оценки важно учитывать, что получение определенного профессионального образования не всегда определяет развитие профессиональной культуры. Ведь формальное образование не всегда обозначает рост культуры индивида, повышение эффективности использования профессиональных знаний, умений и навыков, изменение профессионального статуса актора. Профессиональная мобильность, трансформирующая профессиональную структуру общества, является важнейшим показателем развития культурного капитала индивида. Последнее проявляется в результате реализации сложной системы стадий формирования профессиональной культуры акторов от получения формального и неформального образования и заканчивая трудоустройством, карьерным ростом, трансформацией профессиональной структуры организации и общества в целом.

Библиографический список

1. Шейн Э. Обучающаяся культура. Управление противоречиями между стабильностью, обучением и изменениями // Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.
2. Баландина Т.М. Социальное проектирование развития организационной культуры // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11. С. 9–12.
3. Щепанская Т.Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий. Саратов, 2005.
4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.
5. Крыштановская О.В. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.
6. Барнард Ч. Ридер по курсу «Теория и социология организаций» / сост. В.В. Щербина, М.Л. Фадеева. М., 2000.
7. Баландина Т.М. Социальный механизм управления развитием организационной культуры // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 169–172.
8. Медведева Г.П. Этика социального работника. М., 2002.
9. Хилб М. Развитие человеческих ресурсов // Управление человеческими ресурсами. М., 2002.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов, 2005.
11. Григорьева Н.Ю. Анализ детерминирующих факторов категории «профессионализм» // Личность в профессии. Саратов, 2001.
12. Быченко Ю.Г. Регулирование процессов развития человеческого потенциала в условиях перехода России на инновационный путь развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 87–91.
13. Giddens A. Central Problems in Social Theory. L., 1979.

B.L. Shinchuk, I.A. Doroshin

**Network Communication
and Communication in a Network:
Radical Transformation
of Value Measurement
of the Global Communication Subject**

The basic threats of religious communities in the world of social networking are studied. Special attention is given to the analysis of fundamental causes of religious behavior risks globalization.

Key words and word-combinations: risk, religion, social networking, communication in a network, cyberspace.

Исследуются базовые угрозы профессиональных общностей в мире сетевого общения. Особое внимание уделяется анализу фундаментальных причин глобализации рисков религиозного поведения.

Ключевые слова и словосочетания: риск, религия, сетевое общение, общение в Сети, киберпространство.

УДК 325/327:004:002

ББК 66.4(0),3+73

Б.Л. Шинчук, И.А. Дорошин

СЕТЕВОЕ ОБЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ В СЕТИ: РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТА ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Молодежь, как правило, сконцентрирована на тех территориях, которые в наименьшей степени приспособлены к ее полноценному существованию, структурированы к тому, чтобы обучать и давать образование. Это неизбежно влечет социальную напряженность и радикализацию, риски волнений и потрясений для всех иных социальных пространств. Не составляет исключения и киберпространство. При этом иерархии в этой среде еще менее устойчивы, просты и ориентированы «по горизонтали», алгоритмы поведения и ценностного выбора выстроены ризоматически, а связи в сравнении с традиционными общностями крайне слабы. К тому же возникает тенденция сокращения дистанции властных отношений при переходе значительной части

*Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

человеческой жизнедеятельности в среду киберпространства и формировании при этом новой, более плоской и менее устойчивой, чем в реальном мире, — сетевой иерархии [1, с. 169]. Катаклизмы последних лет происходили как раз в странах с большой глубиной внедрения сетевых технологий. Описанная А. Бардом и Я. Зодерквистом нетократия вызывает рецидив анархического неприятия государства теперь уже креативным классом [2].

Информационные технологии построения безопасности все более определяют особенности существования этноконфессионального сознания. Например, «слишком» защищенный от прослушивания смартфон сделал возможным объединение погромщиков (использующих его) в 2011 г. в Лондоне. После этих событий в Сети были распространены вирусные ролики взрывающихся смартфонов именно этой компании.

Постепенно исчезает представление о «маленьком человеке», на котором покоятся социальные системы и иерархии традиционных религиозных и национальных идентификаций. Но это не говорит о «взрослости» представлений. Для социальных проекций ценностного зазеркалья нарциссически выстроенного субъекта государство искаженно представляется неким агонизирующим Левиафаном, которое будут принимать все меры по удержанию «подданных».

Современные решения безопасности при таком подходе воспринимаются в постсоветском сознании как попытка возведения «электронных железных занавесов» [3, с. 84] в духе холодной войны (например, китайский Great firewall of China (Golden Shield Project)). В этом случае чувствуется и резонанс 1990-х годов — сколько же можно прятаться.... Но следует помнить, что подобные трактовки обусловлены нашим собственным не очень удачным опытом. Не стоит ли позаимствовать идею? Идею шторы, занавеса для нашего собственного зазеркалья. «Окна в Европу» достаточно давно используются нами исключительно как зеркала, в котором мы видим лишь собственные недостатки. И чем темнее за окном, тем больше мы видим себя. В жанре нарциссического самобичевания пишутся целые сценарии российского будущего.

Сложившиеся отношения всегда задают, по меньшей мере, инертность изменений при том, что люди и так меняются медленнее, чем поколения вещей. В новых условиях могущественным катализатором изменений оказываются религиозные ценности и идеи национального возрождения. Необходимо отметить также критическую виртуализацию ценностных практик. Люди пытаются измениться быстрее, а то и мгновенно (феномен «обращения»).

В конце XX в. обнаруживается, что глобальные риски не выстраиваются в привычные позиционные схемы цивилизационных противостояний. Историческое понимание государства и его роли в цивилизационном процессе, казалось бы, уничтожил ядерный баланс. Конфликты перемещаются в плоскость столкновений государства и «субнациональных групп» [4, с. 159], а также религиозных объединений. Такими субнациональными группами являются, как правило, этноконфессиональные объединения, укрепленные не только внутренними отношениями общности, но и принципами смоделированной псевдообщности. Моделирование происходит активно за счет культурегерства.

Не стоит забывать, что национальные вопросы по значимости поднимаются на уровень баланса, аналогичного ядерному, именно благодаря религии («два рычага, два центра, на которых держится страна — ядерная энергия и религия», по словам Президента России В.В. Путина [5]).

При всем этом привычные религиозные отношения вытесняются сконструированными комплексами, а традиция оказывается перед вызовами, которые по силе сравнимы с атеистическими погромами. Ощущение риска и захватывающего «приключения» не покидает молодежь в поисках либерализации христианской Церкви, возвращения к некоему чистому исламу «праведных предков» и т.д. Но ощущение остается ощущением, а последствия, как всегда, делятся неравным образом. *Как провозглашает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «честь, жертвенность, правда, ответственность, справедливость, свобода как Божий дар... живое ядро, сердце отечественной культуры... — противоположность суррогатам»* [6]. Все это с трудом реализуется в онлайн режиме, в котором проходит большая часть дня, например, студента.

Реальность становится лишь режимом пребывания офлайн, становясь в этом случае чем-то *ущербным* — как будто бы отключили трафик, возможность «общения», получение «новостей», да и «всякой информации». Как будто зашли в душ, а воду отключили. Это ощущение от «ущербной» реальности переносится на бытийное восприятие, двигаясь затем в сторону осмысления оснований социального бытия, может стать основанием для протестного заряда, того негативного самоощущения, которое, к сожалению, легко встраивается в ценностное фундирование поведения. Иными словами, начинается поиск «*виноватого Иного*» по принципу «Пастернак и патиссон — что ни овощ, то масон...»

Реальность начинает встраиваться по схемам и правилам онлайн. Самым ярким примером может быть массовость флешмоб-мероприятий. Информационные вызовы упираются и в особенности «сетевое сообщество» (в терминологии М. Кастельса). Сеть — это специфический процесс протекания коммуникации в противоречивой ситуации коммуникационной перегрузки [7, с. 67]. Очевидна амбивалентность сети, она же дает преимущества в возможности фрагментировать коммуникацию, подстраивая ее под физиологические условия человеческого бытия [8, с. 101], оставляя открытыми горизонты и проекции коммуникации [9, с. 149].

Прошло достаточно времени с момента «панк-молебна» в Храме Христа Спасителя, что позволяет увидеть весь возможный спектр трактовок, вплоть до попыток заподозрить в проделанном PR-теракт [10]. Само знаковое пространство стало импозивным пространством — взрывающимся пространством смыслов, а виртуализирующееся пространство лишается смысла, главной характеристикой его стал нонсенс [11, с. 59]. Иными словами, совершена попытка достижения ценностного предела, который по ошибке ассоциируется с абсолютным итогом возможных ценностных усилий. Стоит добавить, что налицо схемы действия, характерные для перемещений онлайн. Сакрализация пространства неизвестна технократическому неолиберализму, как и миру онлайн. Снижение нормативности требований и ответственности также характерны для уютного мира персональных компьютеров, хотя и это пространство

Глобальной сети. Таким образом, можно сделать предварительные выводы о трансформации субъекта глобальной коммуникации на стыке ценностей интернет-сообществ и коммуникации, вынесенной в Сеть (сетевое общения и общения в Сети). А именно — формирование активной радикальной ценностной мотивации из-за свободных от реальности ценностных запросов.

«Форматированию контекста» (А. Игнатъев) способствуют взрывные скорости сетевого мира, сама динамика и, соответственно, нарастающая скорость коммуникации, которая дает колоссальные перегрузки. Тем не менее психика, как и социальные реакции, остаются во многом прежними. Существует интересная особенность нашего реагирования, связанная со скоростью, известная каждому грамотному водителю — эффект «слепоты, вызванной движением». Летчиков обязательно предупреждают и специально тренируют с учетом этого феномена, поскольку наиболее сильный эффект получают на высоких скоростях. Правило одно — никогда не фокусироваться на одном объекте, вращать головой. Иначе периферическое зрение исчезает, а человек буквально перестает видеть «по бокам». Вот в это «по бокам», к сожалению, умещается порой вся культура наших отношений.

Интернет-серфинг становится массовым развлечением для значительного числа людей, когда Интернет «летает», и кажется, что весь мир на ладони: восприятие субъекта находится в «тоннеле». Скоростная коммуникация специфична, а тоннель будет лучшей иллюстрацией этой специфики. В ценностном отношении подобная коммуникация будет характеризоваться абсолютной по притягательности целью в «этом» мире, тяготением к хилиастическим идеям, пренебрежением параллельным целеполаганием, разрушением представлений о «близких» и «дальних», как и всего «жизненного мира субъекта». Опыт переживания иного человека скорее напоминает «краш-тест». Чрезвычайно сложно провести границу и в законодательстве. На роль религиозных объединений претендуют коммерческие проекты и фан-клубы (Макцерковь [12], Церковь Диего Марадоны [13], Фан-клуб Бавария [14] и многие другие).

С проблемой определения границ религиозных отношений, их демаркации, а также с тотальной информатизацией и появлением нетократии как нового субъекта отношений связан вызов новых религиозных движений (НРД). Современная картина фрагментации религии оказалась гораздо сложнее, нежели в случае конфликта с псевдорелигиями, которые гримировались под обшину спасения. Блоги становятся реальной оппозицией традиционным СМИ, а НРД — традиционным религиям и т.д. Еще предстоит проследить связь складывающейся нетократии как стратегического субъекта XX в. [15, с. 48] и новыми религиозными движениями.

Впервые новый класс был назван нетократией в работе А. Барда и Я. Зодерквиста: «Новый правящий класс — Нетократия — вышел на арену... вместо ранее существовавшего пролетариата нарождается новый “потребительский” класс — консьюмерият» [16, с. 7]. Церкви предстоит колоссальная работа и миссия среди людей, «живущих» онлайн, которая будет учитывать специфические особенности, травмы и несоответствия с привычным миром Церкви, проповедь Евангелия в мире, в котором она не сможет совершаться. Евангелие

ристия остается «якорем», который будет держать в реальности христиан, возвращая от представлений, какими бы правильными они ни были, к жертвенности, ответственности и свободе. Жертвенность, ответственность и даже осуществление свободы предполагают, как представляется, некоторую линию поведения, заданную ценностным измерением. Сетевая же коммуникация выстраивается как навигация нелинейным образом. Можно сделать предварительный вывод, что «дурная» бесконечность коммуникации задает несвободу субъекта. В этой ситуации человек не более свободен, нежели корабль в открытом море без руля.

Интересно, что гипертекстуальную коммуникацию просто противопоставить метанарративу, но... гипертекстуальное толкование при ценностном фундировании вовсе не означает опровержения Истории. Казалось бы, священные тексты для человечества стали воплощением Истории. Но даже в библейском тексте каждый стих многозначен, способен порождать бесконечное количество толкований и ассоциаций, то есть целую *сеть* новых смыслов [17].

Необходимо подчеркнуть основные характеристики сетевого общения субъектов глобальной коммуникации, такие как нелинейность, неопределенность, продолжающееся фрагментирование структуры или даже дисперсность, визуализация («цивилизация образа» (У. Эко) и мультимедийность, при максимальной технической опосредованности или посредничестве как нежелании прямого обращения (желательно от третьего лица), синтагматизация парадигматических связей (М. Визель). Массмедиа выстраиваются по сетевому принципу (например, ресурс «Бездна новостей», как и ссылки «госдепа» США на социальные сети) и «производят трансцендентальную иллюзию» [18, с. 221].

Важной становится роль коннотаций, перемещение по которым происходит «прыжками», «деканонизация» коннотаций общения, как борьба с традиционными ценностями в самом акте коммуникации, символическим видением и глубиной, активное пребывание на поверхности пространства (интернет-серфинг), понимание пространства как поверхности в целом, всеобщее сращивание сознания со средствами коммуникации, как следствие, — эскалация специфических информационных наработок в целях ведения в сетевом потоке продолжающихся конфликтов, колонизация пространства, которая предполагает размывание функциональных ролей, допускает множественность «создателей» коммуникации и нечеткие границы. Стоит также учитывать, что и применение любой теории в сети становится гипертекстуальным.

По выражению М.Н. Эпштейна, характеристикой коммуникации становится «сетевой нарциссизм — когда автор рыщет по сети в поисках упоминания своих многочисленных имен, ников... возникает как бы некое гало, семиотический ореол» [11, с. 70]. Применение находки данного ученого можно расширить — «сетевой нарциссизм» кажется чем-то более фундаментальным. Кроме того, Сеть в большей степени «нарциссична», нежели кажется, — в отличие от реальности она зависима и выстроена на основании букета запросов действующего в ней персонажа. Выражение можно обогатить и более «тяжелым» термином «виртуальный аутизм» Ю.В. Шичаниной [19, с. 71]. Напомним, что нарциссическое любование в отличие от немногих психологи-

ческих трактовок — в социальном плане довольно болезненный процесс. Если в греческой трагической традиции обнаруживается удобный и красивый образ Нарцисса, то в святоотеческой литературе — довольно неудобный образ собаки, лижущей пилу и дуреющей от вкуса собственной крови. Пожалуй, отцы прошлой эпохи не могли представить себе еще большую трансформацию образа Нарцисса в эпоху сетевых технологий — предложение любования собственной смертью — например, в популярном ролике австралийского претендента на премию Дарвина, отпилившего себе голову бензопилой «на спор». По мнению И.И. Ашмарина, «автопроектирование существовало всегда» [19, с. 71], но все-таки не в такой форме. Корни романтизма прошлого как стиля основаны на стимулировании автопроектирования и героизации, что сближает его с автопроектированием в современной Сети, правда, слово «герои» в свете новостей и предыдущих оранжевых проектов массового автопроектирования произносится опять же болезненно.

Многие изменения в информационной сфере создали потенциальную угрозу для публичной сферы [11, с. 71]. Не составляет исключения и религия, более того — эта могущественная система социальной безопасности и принимает первый удар. Виртуализация религии привела к тому, что нравственность и догматика — то, «во что верят» (вернее «в Кого верят») — уходят из значимых тем. То, что перевернуло мир и сделало его таким, каков он есть, вывело нас из окружения «варваров», ужасов политеизма, антропоморфно-зооморфной преисподней, хаоса материи, игрища высших сил, закодированного круга теургии и магии, дурной бесконечности и беличьего колеса циклической истории, этически-правовой пирамиды, лабиринта внутривидового самоистребления, гетто этнической самодостаточности... оказывается вне «значимых» тем.

Это ведет, с одной стороны, к тому, что представители различных конфессий готовы общаться друг с другом — можно же быть просто добрым человеком. Но мы имеем дело по сути с дизайнерским проектом, что-то вроде того как построить «добрый дом». Неудивительно, что мы получаем обратный эффект — «количество лжи и подтасовок безмерно увеличилось, и в этом смысле публичная сфера, несомненно, сузилась» [19, с. 270]. Само понятие «конфессиональная идентичность» становится маргинальным, не аутентичным.

Ценностные потрясения в сетевом мире в значительной степени отражает также трансформация трудовой занятости — от служения до фриланса. Это совершенно иная форма целеполагания и реализации личностного потенциала. Осталось, пожалуй, только три специальности, которые предполагают службу, — военного, священнослужителя и... *государственного служащего*. Сетевое общение, целе-ценностные полагания которого находятся в Сети, не может представлять собой религиозное действие. Простое общение в Сети предполагает собой лишь расширение функционала коммуникации и может стать частью религиозного действия и даже «пути спасения». Не представляя собой трансцендирования, сетевое общение симулирует его, удваивая реальность.

Идентичности и локальные культуры, как объясняет У. Бек, утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, сформированного рекламой транснациональных корпораций: «Бытие становится дизайном — причем пов-

семестно. Люди суть то, что они покупают» [20, с. 82], товар определяет сознание. Но то, что в 2001 г. «утрачивало корни», в 2015 г. — утратило, мы же — еще аналитическим образом — живем в отражениях прошлого, разбирая на части хлам, скопившийся в нашей голове и считая это отражением реальности. В христианской лексике это сравнимо с «блужданием помыслов» — болезнью души «от грехопадения», связанной с ассоциативным построением матрицы идей: «...мысль сходит в архив памяти и помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории (сравните с заменой «History» многочисленными «stories» в дискурсе постмодерна. — *Авт.*) по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей» [21, с. 32]. Интересно, что этот же принцип прописан теоретиками постмодерна — вместо Истории мы рассказываем «stories» — истории, практически анекдоты. Социальные связи оказываются не исторически сложившимися, а «анекдотическими» — анекдотически описываемыми. Анекдотические отношения плоски, и набор их небольшой, социальная же общность — это исторически сложившееся единство. Разделяя понятия «общность» и «общество» как органическое и «механическое» единство, вслед за Ф. Теннисом, отметим, что возможности вступить в связи общности новые условия практически не оставляют.

Таким образом, ассоциативно выстроенная идейная матрица, основанная на деятельности эмпирического воображения, ведет к созданию отношений общества. «Как воображение есть сила неразумная, действующая большей частью механически, по законам сочетания образов, духовная же жизнь есть образ чистой свободы, то, само собой разумеется, что его деятельность несовместна с сею жизнью» [22, с. 139] или просто несовместима с жизнью. Духовная жизнь предполагает выстраивание отношений общности, к которым и тяготеет религиозная социальность. Однако часто наблюдается противоположность выстраивания в истории религиозных отношений и сконструированных сообществ.

Глобализация, по мнению З. Баумана, более скрывает нарастающую фрагментированность цивилизации, нежели формирует некий единый мир [23]. Сегментированной реальностью пользоваться неизменно легче, но «бонусы» глобализации оказываются анестетиком для критических изменений, обезболивающую роль которого традиционно выполняла религия. Происходит «развеществление» общественных отношений, замена вещей их образами [24, с. 20], кризис общественной сферы, как «бегство с агоры» [25], конвенциональная очевидность времени, идентичности и пространства ставится под сомнение [11, с. 71].

Сеть, не выполняя служебной функции, не может структурировать, создавать упорядочивающие иерархии, — сеть может только «захватывать», несмотря на то, что сама «сеть» структурирована и иерархизирована [11, с. 63]. В том числе ценностная упорядоченность возможна только привнесенная, сеть не производит, а симулирует социальность. Построение сетевых связей на идейной основе выстраивалось на основе общих ценностей, здесь же мы

говорим о технологическом распространении. Структура превагирует над содержанием, форма над ценностями. Тот, кто «свободен от символических обязанностей, пойман в бесконечные “сети”» [26, с. 9], превратился в пиксель случайного узора.

Итак, ужавшись в «точку», практически не фиксируемую в пространстве и времени, социальности off-line, индивид тем не менее испытывает колоссальное давление смысла и вызова бытия, ценностной памяти и высших запросов, душевных потребностей и духовного голода. Жизненная стратегия отказа, побега увеличивает давление. По мысли З. Баумана, свобода современного индивида возникает из неопределенности; «Свободный индивид современности... — это ...человек, который одновременно и недосоциализирован... и сверхсоциализирован» [27, с. 59]. Но вместо свободы как спасения мы все чаще имеем дело просто со свободой от ответственности.

Библиографический список

1. *Куприянов А.В.* Евразийский конгресс ИТ-директоров «Российские просторы» // *Власть*. 2012. № 7. С. 169–170.
2. *Куприянов А.В.* Розу белую с черной жабой... URL: <http://ibusiness.ru/blogs/25008>
3. *Устинкин С.В., Тимофеев Г.А., Шулгина А.А., Иванова В.А.* Эволюция деятельности исламских политических партий и общественных движений в современной России // *Власть*. 2012. № 8. С. 84–87.
4. *Gurr T.R.* Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System // *International Studies Quarterly*. 1994. № 38. P. 359–363.
5. *Садыхов М.* Чем отличается ваххабит от салафита? URL: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-12285.html>
6. Выступление Предстоятеля Русской Церкви Кирилла Патриарха Московского и всея Руси на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html>
7. *Глазунова С.А.* Нетократия: власть в информационном обществе // *Власть*. 2012. № 7. С. 67–70.
8. *Назарчук А.В.* Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // *Философия и будущее цивилизации: мат-лы тезисы докладов IV российского философского конгресса: в 5 т.* Москва, 24–28 мая 2005 г. М., 2005. Т. 3.
9. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург, 2004.
10. *Сандомирский М.* Игры Pussy Riot. URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Igry-Pussy-Riot>
11. *Уханов Е.В.* Идентичность в сетевых коммуникациях // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 59–71.
12. *Уайт Т., Йетс Дж.М.* Франчайзинг макцерковь. М., 2010.
13. *Диего Марадона.* URL: <http://lenta.ru/lib/14172137>
14. *Фан-сайт болельщиков Баварии Мюнхен.* URL: <http://www.1000dosok.ru/doski.php?n=1302705&t=11-03>
15. *Денисов А.А.* Нетократия как стратегический субъект XXI века // *Проблема субъектов российского развития: мат-лы международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный проход».* Звенигород, 16–19 октября 2006 г. / под ред. В.Е. Лепского. М., 2006.
16. *Бард А. Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер с англ. СПб., 2004.
17. *Bernstein M.* Patterns of hypertext // *Proceedings of Hypertext*. URL: <http://www.eastgate.com/patterns/print.html>.
18. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2006.

19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
20. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 82.
21. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1996.
22. Невидимая брань: Блаженной памяти старца Никодима Святогорца / пер. с греч. еп. Феофана. М., 1999.
23. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman;individualized_society;2005
24. Марков Б.В. После оргии // Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.
25. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального 2. Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_07.htm
26. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
27. Бауман З. Свобода. М., 2006.

L.S. Yakovlev, G.A. Rozevatov
Features of Self-Identification
in Network Communities

The Internet is considered as communication environment providing ample opportunities for self-development and self-expression, thuswise – for self-identification. It is proved that the Internet communication is generally mediated by virtual communities. Network communities represent a new type of social organization which requires being analyzed namely as a new social phenomenon.

Key words and word-combinations: online communities, self-definition, socialization.

Интернет рассматривается как коммуникативная среда, предоставляющая широкие возможности для саморазвития и самовыражения, а следовательно, для самоидентификации. Доказывается, что интернет-коммуникации, как правило, опосредуются виртуальными сообществами. Сетевые сообщества представляют собой новый тип социальной организации, требующий анализа именно в качестве нового социального феномена.

Ключевые слова и словосочетания: сетевые сообщества, самоидентификация, социализация.

УДК 316.354:004.738.5
ББК 60.55+32.973.202

А.С. Яковлев, Г.А. Розеватов

ОСОБЕННОСТИ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Интернет-комьюнити в современных условиях стали одним из важнейших агентов социализации. Интернет предоставляет самым широким слоям населения доступ к набору ресурсов, ограниченных лишь уровнем общего культурного потенциала человечества, и снимает ограничения на саморазвитие. Если в традиционных культурах человек был замкнут в пространстве непосредственного окружения, где действовал целый спектр механизмов социального контроля, исключавших вариативность развития, с появлением сетевой организации свободным оказывается не только выбор из огромного набора возможных траекторий, но и конструирование своей собственной. В последние годы связанные с этими процессами социальные изменения стали предметом интенсивной научной разработки [1–3].

Сеть предоставляет широчайшие возможности для личного самовыражения, поскольку терпимость и автономность, заложенные в концепции всемирной паутины, всячески поощряют индивидуализацию творчества. Однако наряду с этим Интернет оказывается не просто еще одним каналом коммуникации, расширяющим ее возможности, но делает необходимой модернизацию коммуникативной культуры, отрицая возможность использования целого ряда привычных для нее схем. Наиболее масштабным при этом оказывается пересмотр базовых определений культуры, соответствующих обретенному ею в Новое время характеру публичности.

В какой-то мере действительно происходит отказ от парадигмы Просвещения, во всяком случае, в том ее виде, какой зафиксировали как негатив Т. Адорно и М. Хоркхаймер. Конечно, критика общества, в котором «единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает» [4, с. 6], вполне соотносится с марксистской концепцией отчуждения, но в подходе Франкфуртской школы и ее последователей внимание концентрируется не на экономике, а на культуре. Однако, если в сфере экономики идея модернизации имеет крайне мало альтернатив, и изменения, скорее, воспринимаются как позитивные, в отношении культуры, консерватизм имеет существенно больше шансов на положительное восприятие. Именно с этим подходом связан концепт «нового Средневековья».

Возникает он, как принято считать, в книге Р. Вакка «Ближайшее средневековье» и эссе У. Эко «Средние века уже начались». У. Эко для популяризации этой идеи создал роман «Имя розы», который получил культовую экранизацию. «Медиевизация» общества понимается здесь отнюдь не только как одичание, утрата культурных достижений предшествующей эпохи. Такой подход более свойствен романтическому консерватизму в духе Ортеги-и-Гассета. Концепция «нового Средневековья» включает осмысление изменения соотношения личности и общества.

Античный мир (оставляя в стороне проблему соотношения его модели интеграции человека в социум с азиатской) базировался на полисной демократии. Насколько архаична была в этом отношении культура Древней Греции, можно судить по тому, что в судебной системе изгнание приравнивалось к смертной казни. Человек мыслился как часть общности, населяющей город-государство. Его достижения становились частью славы этого города, к его имени обязательно прилагалось указание на все тот же город.

Средневековье, на первый взгляд, характеризуется еще более высоким уровнем провинциальности. Абсолютное большинство населения всю жизнь проводит на одном и том же клочке земли, практически ничего не зная об остальном мире. Однако христианство внесло в эту ограниченность разрушающий ее элемент. Человек может обратиться к Богу. Так рождается идея универсальности. Афинская Архэ и Рах Романа, по представлению абсолютного большинства граждан, являли собой растянутые на Средиземноморье полисы. Средневековая идея империи носит совершенно иную природу и к тому же имеет, как минимум, две интерпретации, по гвельфам и гибеллинам. Именно об этом, в одном из основных аспектов, и написан роман «Имя розы».

Собственно на такой основе возможна постановка вопроса о конструировании сознания. В отношении человека традиционного общества она крайне затруднительна. Средневековье родило концепцию религиозного воспитания. Эпоха модерна открывает возможности как бесконечно разнообразного индивидуального развития, так и манипулирования личностью. М. Делягин утверждает, что «с началом глобализации развитие технологий сделало наиболее прибыльным из общедоступных видов бизнеса формирование сознания. “Наиболее прибыльный из общедоступных” — значит наиболее массовый: главным делом человека становится уже не изменение окружающего мира, а формирование собственного сознания... Сознание человека превращается в объект наиболее интенсивного и хаотичного воздействия. Возникает огромное число обратных связей, из-за которых мир становится менее познаваемым. Снижение познаваемости мира повышает спрос на мистику, снижает потребность в науке, а значит, и в образовании, которое вырождается в инструмент социального контроля. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье» [5].

Эта внешне логично выстроенная аргументация, на самом деле, крайне уязвима. Воздействие на сознание продуктивно, поскольку имеет следствием наращивание человеческого капитала. Институт образования вряд ли можно считать вырождающимся, так как он слишком молод, чтобы обоснованно судить о тенденциях его развития. До конца XIX столетия массового образования просто не существовало, сложившаяся в первой половине XX в. система обслуживала потребности индустриального общества, и не может не меняться в связи с очевидной сменой его парадигмы на иную, как бы ее ни определяли. Что касается социального контроля, эта функция у образования была всегда. Наконец, оценка современных процессов, связанных с дегуманизацией, предполагает наличие критериев гуманности. В условиях, когда целый ряд событий истории XX столетия воспринимается обществом не просто противоречиво — присутствуют полярные оценки, говорить о наличии таких критериев, на наш взгляд, было бы необоснованно.

Не следует разделять идеи циклизма и проводить параллели между переходом от античности к Средневековью и от модерна к постмодерну. Ничто, на самом деле, не повторяется. И в этом смысле трудно согласиться с мнением А. Фурсова и его последователей, полагающих, что переориентация массового читателя с научной фантастики на фэнтези означает индоктринацию мифологического сознания, а Гарри Поттер должен рассматриваться как пророк архаизации, подчинения людей иерархии, построенной на нормах мифологического сознания [6]. В Гарри Поттере очень странно видеть кого бы то ни было, кроме бунтаря, не способного вписаться в любую иерархическую систему. Его история, как она написана и представлена в фильме, пронизана протестом против школьной бюрократии, неравенства, основывающегося на расовой сегрегации. Важнее, впрочем, другое. Научная фантастика построена на точно такой же мифологизации реальности, как и фэнтези. Просто в ней наука исполняет ту же функцию, что магия в фэнтези. И это вполне соотносится с интерпретацией Т. Адорно и М. Хоркхаймером дискурса Просвещения как мифологического.

Интернет также становится объектом мифологизации и порождает многочисленные мифы [7; 8]. Именно это и побуждает многих видеть в нем мощный инструмент погружения общества в новое Средневековье. В действительности стойкость рационалистических установок зависит не от распространенности мифологических конструктов в обществе, а от продуктивности рационализма как основы жизненных стратегий. В архаических обществах люди располагают слишком слабыми ресурсами для колонизации будущего, чтобы рационализм мог создавать для своих носителей значимые преимущества. Напротив, в эпоху модерна рациональное знание лежало в основе технологий, непосредственно обеспечивавших эффективность производства.

Интернет, существуя на базе комплекса высокотехнологических решений, не требует участия в их разработке и даже элементарного понимания от абсолютного большинства пользователей. Собственно, не имеет значения, изучили ли мы специальную литературу, и постигли секреты туннелирования трафика, или верим, что пакеты перемещаются магическим путем. Вмешательство пользователя в технологический процесс не только не желательно, но в определенных условиях носит деструктивный характер. Из этого, однако, не следует, будто Интернет создает условия для дерационализации сознания. Это всего лишь информационно-коммуникативная среда. Усилия по ее созданию и поддержанию продуктивны не сами по себе, а лишь как создающие условия для действительно продуктивной деятельности. Именно ею и занято незначительное меньшинство пользователей, и в данном случае нет нужды в тотальном включении в творческую деятельность поголовно всех: контент кто-то должен потреблять, иначе его создание не имеет смысла, соответственно, потребление так же социально значимо, как и создание ценностей.

Однако особенностью интернет-среды как раз является то, что она провоцирует творческую активность. Практические результаты этой активности в абсолютном большинстве случаев, конечно, не стоит переоценивать. При этом творческая деятельность безотносительно к результату, и даже просто принимаемая за творческую, оказывает определенное воздействие на развитие личности. Следствием этого является индивидуализация как один из необходимых результатов самоидентификации.

Параллельно развивается обратная тенденция к общинности, свойственная Интернету вообще, а русскоязычному Интернету в особенности. На страницах сетевых СМИ можно встретить множество обсуждений дискуссий, открытых диалогов. Диалогичность, даже многоголосие, были тоже свойственны «паутине» изначально. В сетевой журналистике также можно встретить множество образцов коллективного творчества. Общинность, характерная для обитателей сети, весьма располагает к этому. В качестве примера такого коллективного творчества можно привести электронную энциклопедию «Википедия», куда каждый желающий может добавить свою статью или комментарий.

Сегодня в разряд интернет-сообществ попадают форумы, чаты, группы участников многопользовательских сетевых игр, вики-проектов, социальных сетей. О правомерности рассмотрения этой совокупности довольно разнородных объектов в качестве единого социального феномена свидетельствует простой аргу-

мент: все комьюнити возникали с очень разными целями, при различных обстоятельствах, развивались по разным траекториям, но есть очевидные механизмы сближения их форм, структур, технологий, а в конечном счете и типовых характеристик участников: формирование практик модерации, отсутствие жестких иерархий, тенденция к структуризации информационного пространства.

Социальные сети создали новую среду, в которой решаются разнообразные задачи. Сети могут рассматриваться как площадка для поиска работы и обмена профессиональной информацией; в качестве непосредственной среды фриланса; как торговая площадка. В России изначально преобладал третий вариант, первый и сейчас не имеет решающего характера (в силу сложившихся традиций недооценки полуформальных каналов поиска работы), а фриланс развивается несколько замедленно, с учетом своеобразных традиций, часто смешиваясь с «шабашкой». Разумеется, важной функцией остается фатическая. Интенсивно осуществляется культурный обмен.

Возникающие в социальных сетях комьюнити не целевые, ориентированы не на определенные направления интересов, а на общение вообще. Иногда в литературе утверждается, что данные комьюнити образуют не виртуальные друзья по интересам, а реальные знакомые, родственники, коллеги, одноклассники и однокурсники. Будь это так, одним из важнейших сервисов сетевых площадок не был бы поиск знакомых: очевидно, нет смысла разыскивать человека, с которым постоянно общаешься. Если бы группа выпускников одного класса средней школы не разрывала взаимоотношений в последующие годы, им не особо нужна была бы сеть «Одноклассники».

Любая сеть в виртуальном пространстве тяготеет к тому, чтобы развиваться именно как виртуальная сеть, и здесь не имеет решающего значения, что служит первичным объединяющим компонентом — общий интерес к наборам кастов в WOW или воспоминания о когда-то проведенном в одной компании уикэнде. Если люди общаются исключительно в сети, стилистика их отношений будет именно сетевой, как когда-то существовал эпистолярный жанр, язык которого отличался и от разговорной, и от стандартной литературной речи.

Как правило, аналитики отделяют социальные сети от блоговых и микроблоговых площадок (LiveJournal, Foursquare, Twitter). В любом случае мы имеем дело с неким взаимодействием информационного и коммуникативного пространств, но блоги в большей мере ориентированы на информацию (хотя это отнюдь не информационные конструкты). Конечно, блоггер прежде всего презентует себя, но осознанно или не осознанно это делает любой автор любого сообщения. Разумеется, посты в блогах ориентированы на то, чтобы произвести определенное воздействие на читателя, при этом диалог с читателем является необходимым компонентом деятельности всякого автора.

Принципиальное отличие состоит в другом. В социальной сети взаимодействие — безусловная самоцель, где содержание сообщения даже не вторично, оно излишне, участники коммуникации обходились бы без него, будь у них в принципе такая возможность. Именно так складывались ритуальные формы коммуникации, фиксируемые в архаических культурах. Общение может иметь чисто фатический смысл, и в социальных сетях оно, прежде всего, таковым является.

В то же время самый очевидный тип комьюнити, разумеется, — сообщества по интересам [9]. Интернет просто предоставил оптимальные возможности для развития этого типа связей, поскольку разнообразие потенциальных интересов ограничивает возможности становления таких сообществ как соседских, а в сети найти друг друга могут даже носители самых экзотических пристрастий. Однако отождествлять этот тип с комьюнити вообще неосновательно. Людей могут объединять и иные мотивы.

Выделяются комьюнити, имеющие именно сетевую природу. Они построены на новом типе общения — дистанционном. В определенном смысле дистанционная тусовка может быть интерпретирована как просто вид тусовки, но отсутствие физического контакта — слишком значимый фактор, чтобы его игнорировать.

Имеются и сообщества, для которых интернет-связи носят вторичный характер, так как объединяются они вокруг локальных интересов. В организационном плане они наиболее близки к форумам, но наличие в основе коммуникации реальных локальных проблем делает эти группы весьма специфичными. В частности, получают развитие целевые сообщества, объединяющиеся вокруг некой задачи. В этом случае речь идет об аналоге политических партий или тред-юнионов. Для них интернет — лишь среда, создающая возможности для объединения.

В высшей степени показательный анализ логики развития сетевых сообществ раскрывается А. Ивановым в литературном проекте «Комьюнити». Сюжетобразующая информационная технология (ДиКСи) представляет собой синтез поисковика и инструментария социальной сети. Само по себе и то, и другое изобретениями отнюдь не являются. Разумеется, с помощью Google или Яндекс можно отыскать разрушительную для личности информацию, и в социальную сеть можно уйти без возврата, подменив реальную жизнь муляжами. При этом сами технологии предпосылок к тому не создают. Иное дело ДиКСи.

«Самовыражение, в отличие от самореализации, так эгоистично, что ему нет дела до причины, нужен только повод. “ДиКСи” это знал и повод отыскивал всегда... К человеческому общению или к установлению истины эта речевая активность отношения не имела». Это манипулирование в самом чистом, неприкрытом, виде, причем оставляющее очень мало возможностей защиты: осуществляется не индоктринация идей, а ограничение доступного человеку информационного пространства, все операции ведутся в пространстве коммуникативном, значимость которого всячески артикулируется. Манипулирование, построенное на ложной посылке (самовыражение есть всего лишь стадия самоидентификации), в практических решениях оказывается эффективно.

Диалогия А. Иванова — на самом деле, одна из первых последовательных, эксплицированных попыток понять, какими мы становимся, начиная жить в информационном обществе. Информационная диктатура выдается за проявление доминирования потребительской идеологии. Консюмеризм поносить модно, безопасно, и не возникает желания задумываться об абсурдности этого занятия. Между тем проблема не в потреблении как таковом, а в том, что герой книги готов послушно принимать диктуемые извне правила, не задаваясь очевидным вопросом, кому это выгодно. Разумеется, ни ему, ни ему по-

добным в голову не придет проанализировать структуру своего потребления, задаться вопросом: как получилось, что именно определяющая ее система ценностей кажется вечной и безусловной, откуда эта система взялась, кто ее ему навязал.

«Тексты, слагающиеся в гипертекст, — это образы. Где брать такие тексты, всегда решает культура эпохи. Древние греки брали из своей мифологии. Люди Средневековья черпали из религии... Пользователь двадцать первого века лезет в Википедию». Так, желаемое выдается за действительное. Web 2.0 — формула нового Интернета, освобожденного от искусственных инструментов организации. На рубеже веков сеть очистилась от не свойственной ей природе диктатуры провайдеров. Она изначально создавалась как ризома, в которой никакой иерархии не то чтобы не должно, а просто не может быть. Контент Web 2.0 — мнения, ничего больше, и он никак не может быть соотносим с мифологическим или религиозным сознанием. Если человек верит, что последний пост в его форуме под ником Abracadabra есть истина в последней инстанции, он лично не воспринимает себя находящимся в Web 2.0, но это проблема индивидуального развития, а не сети.

Возникающие как одна из форм социальной адаптации сетевые сообщества представляют собой совершенно новый тип социальной организации, замещающий предшествующие, поэтому вполне логично резко негативное отношение к ним со стороны консервативно мыслящих публицистов и политиков. Смена общественных форм воспринимается теми, кто связывает с этими формами свою жизнь в трагедийном ключе. В действительности, комьюнити — одна из форм организации социальных взаимодействий, агента социализации. В современных условиях человек интегрируется в общество, и в первую очередь, возможно, через сетевые структуры. Этот процесс обладает некоторыми новыми по сравнению с предшествующими периодами характеристиками, которые требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Булков А.А. Социально-психологический анализ характеристик участников социальных сообществ в интернете // Ученые записки ИМЭИ. 2014. Т. 4. № 4.
2. Саенко Л.А., Егоров М.В. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого сообщества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 1.
3. Харченко Д.А. Социальная типология и структура интернет-сообществ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2 (81). С. 14–18.
4. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты. СПб., 1997.
5. Деягин М. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье. URL: <http://delyagin.ru/articles/50869-prizrak-temnykh-vekov.html>
6. Гаджиев М. В ожидании Нового средневековья. URL: <http://daggazeta.ru/slider/214-v-ozhidanii-novogo-srednevekovya.html>
7. Гончаров А. Мифы Интернета – 15 разоблачений. URL: <http://dengi-vseti.ru/raznoe/mifyi-interneta-15-razoblacheniy>
8. Мифы об Интернете и как с ними бороться. URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=5130>
9. Акаев Д.В. Место Интернет-сообществ в современном общественно-политическом процессе // Вестник ПАГС. 2008. № 3 (16).

A.G. Kuznetsov

**The Culture of Sociology
in Its Continuity and Changes**

The authors attempt to draw a complex analysis of different aspects of sociology culture as a conceptual and categorical innovation and an instrument of conceptual analysis. The variety of social scientists' views on this phenomenon is assessed. Development tendencies of the sociology scientific heritage in modern conditions are considered.

Key words and word-combinations: sociology, the culture of sociology, assumptions and universals of sociological culture, institutionalization.

В работе предпринята попытка комплексного анализа различных аспектов культуры социологии как понятийно-категориальной инновации и инструмента концептуального анализа. Оценивается многообразие взглядов социологов на этот феномен. Рассматриваются тенденции развития научного наследия социологии в современных условиях.

Ключевые слова и словосочетания: социология, культура социологии, допущения и универсалии социологической культуры, институционализация.

УДК 316.(091)
ББК 60.51

А.Г. Кузнецов

**КУЛЬТУРА СОЦИОЛОГИИ
В ЕЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И ИЗМЕНЕНИЯХ**

В последней четверти XX в. в социологическую науку вошел и стал популярным термин «культура социологии», получивший особую актуальность в связи с чередой масштабных кризисов социального познания, необходимостью их рефлексии и преодоления. В качестве понятийно-категориальной инновации и одновременно своеобразного инструмента концептуального анализа одним из первых культуру социологии стал рассматривать И. Валлерстайн, подразумевая под ней так называемые стили профессионального мышления социальных ученых, разделяющих определенные научные допущения, или нормы и ценности, познания общественной реальности [1, с. 190–195]. В докладе на XIV Всемирном социологическом конгрессе, дискутируя о наследии, настоящем и будущем социологии, ученый выделил три структурных смысла, образующих аспекты этой дефиниции: интеллектуальный, организационный и институциональный.

Согласно И. Валлерстайну, интеллектуально культура социологии одновременно представляет эвристическое средство и систему научного знания. Это специфический интеллектуальный конструкт, согласно которому социология предстает как научная дисциплина со своим объектом, предметом, соответствующими методологическими принципами, которые сходным образом реализуются в правилах социального познания отдельных школ и направлений. В связи с

этим социология называется научной дисциплиной, так как она стремится дисциплинировать интеллект, определяя границы своих научных изысканий. И. Валлерстайн полагает, что социология как научная дисциплина сформировалась на основе набора базовых допущений, которые были определены теми, кого он называет основоположниками социологической мысли: Э. Дюркгеймом, М. Вебером, К. Марксом. И. Валлерстайн пытается доказать, что данное интеллектуальное наследие — фундамент культуры социологии, которая на протяжении своего развития претерпела значительные изменения и трансформируется в настоящее время преимущественно организационно и институционально.

В организационном и институциональном аспектах культура социологии, как и всякая культура, представляет собой совокупность способов сохранения и воспроизводства сложившейся практики, определяющей характер процесса социального познания и регулирования отношений между его субъектами. Организационно этот процесс представляет собой создание самостоятельных социологических дисциплин, научных школ, которые принимают форму корпоративных структур, имеющих собственные границы, требования для вхождения в них и коды, необходимые для признаваемых путей вертикальной карьерной мобильности. Различные дисциплинарные практики и корпоративные структуры институционализировались в первой половине XX в. в качестве академических организаций, университетских факультетов, учебных программ, научных степеней и званий, академических журналов и даже библиотечных классификаторов.

Основными социальными субъектами культуры социологии считаются, как известно, профессиональные социологические сообщества, международные, национальные и региональные ассоциации. Поэтому И. Валлерстайн обращает внимание на культуру социологии как на профессиональное сообщество ученых, первая институциональная форма международного объединения которых возникла, по его мнению, в 1893 г. в виде Международного института социологии. Институт пользовался высоким авторитетом среди специалистов, оставаясь вместе с тем достаточно элитарным и замкнутым объединением, включая около ста членов из различных стран мира. Следует отметить, что двадцать россиян в разное время избирались вице-президентами Института, а П. Лилиенфельд-Тоаль, М. Ковалевский, Н. Кареев, П. Сорокин становились его президентами.

В дальнейшем центр профессионального общения и сотрудничества переносится на вновь созданную организацию — Международную социологическую ассоциацию, первый учредительный социологический конгресс которой состоялся в 1949 г. Ассоциация возникла по инициативе Департамента социальных наук ЮНЕСКО с целью продвижения социологии именно как культуры в современном мире. Важными задачами Ассоциации являлись поддержка международных исследований, обмен информацией и укрепление личных контактов. Подводя итоги работы Ассоциации, И. Валлерстайн отмечает, что ее создание стало важным событием в институционализации социологической культуры, расширяя возможности международного общения и сотрудничест-

ва профессиональных объединений социологов. Ассоциация, таким образом, сыграла важную роль в развитии национальных обществ социологов, разделяющих определенные универсалии, в процессе развития которых конструируется будущее социологической науки.

Рассуждая о будущем социологии, ученый утверждает, что в современных условиях перед ней стоит ряд вызовов [2; 3], которые в первую очередь ассоциируются с психоаналитической методологией З. Фрейда, альтернативной концепцией времени А. Абдель-Малека, социальной физикой Ф. Броделя, теорией сложности И. Пригожина, андроцентризмом Э. Келлера и постмодернизмом Б. Латура. Данные вызовы, по его мнению, ставят серьезные вопросы перед наследием социологической культуры. Существует ли формальная рациональность? Насколько научно обоснованными представляются противопоставления современной картине социального мира? Заставляет ли концепция множественности социальных времен реструктурировать социологическую теорию и методологию? Является ли постмодернизм иллюзией? Наконец, могут или нет, аксиоматические допущения, составляющие основу классической культуры социологии, адекватно ответить на эти и многие другие актуальные вопросы? И если нет, то надо ли ее менять?

Анализируя в рамках наметившейся дискуссии будущее социологии, ведущие социальные ученые ищут ответы на эти вопросы, обращаясь к различным концептам социологической культуры. Многие исследователи поднимают проблемы, связанные с современным кризисом социального познания, предлагая различные пути его преодоления. Например, «культурсоциология» Д. Александера [4] претендует на роль координатора всех социальных наук, обращаясь к пересмотру основополагающих принципов в данной области знания. А. Инкелес обращает внимание [5, с. 121] на процессы конвергенции и дивергенции социологической культуры, связанные с изменением общеметодологической, или парадигмальной, установки. По мнению М. Веверки [6, с. 210—211], трансформация культуры социологии связана с дифференциацией представлений о предметной области социологической науки и ее исследовательских методов. Суммируя происходящие процессы, В. Ядов выделяет [7] две стратегические тенденции их развития: «методологическое отступление» и «теоретическое наступление». Первая тенденция направлена на использование совокупности разных теоретических подходов к социологическому анализу и переход от жестких подходов традиционной науки к гибким качественным методам; вторая тенденция — на создание новой глобальной социальной теории и применение принципов многофакторности общественного развития.

Ряд исследований связан с проникновением социологической культуры Запада в различные регионы мира, где произошла существенная трансформация методологических принципов и приемов социального познания с учетом культурных традиций и национальной специфики разных стран. М. Элброу назвал этот этап фазой индигенизации культуры социологии [8, с. 14]. При этом наука об обществе не становится более примитивной, но она приобретает такое же своеобразие, как оригинальные национальные культуры этих регионов. В связи с этим А. Турен считает, что основным приоритетом для современной

социологии имеет проблема межкультурной коммуникации в общественных науках [9, с. 377]. Е. Знанецкая посвятила некоторые из своих работ [10] анализу процессов формирования профессиональных межличностных связей в мировой социологической культуре. Т. Судзуки исследует [11] роль языка в контексте глобальных научных коммуникаций. Систематизированный анализ становления социологической науки с учетом фактора принадлежности социального ученого к определенной языковой культуре и связанными с ней традициями, представлен в работах В. Кулыгина [12]. В инновационном ключе автор убедительно показывает, что на характер и направление научного поиска весьма существенное влияние оказывают принадлежность исследователя к определенной национальной культуре и его социокультурная идентификация.

Следующая группа авторов переносит акценты на организационно-управленческие механизмы социологической культуры, связанные с формированием национальных научных школ и ассоциаций. По мнению экспертов [13, с. 79], дезинтеграция корпорации социологов на многочисленные школы и направления стала результатом осознания границ и иллюзий социального познания, возникшего на основании стремления к методологическому совершенству, которое каждая социологическая «субкультура» понимала по-своему. В свою очередь, все это потребовало разработки разнообразных метатеорий, породивших множество отраслевых социологических теорий. Вместе с тем Э. Шойх ставит вопрос о том, что же качественно нового для культуры социологии дало появление множества дробных отраслей, большая часть усилий которых в настоящее время направлена не на интеллектуальные изыскания, а уходит на построение институциональных «заборов» между внутри дисциплинарными специализациями [14, с. 51].

Как видно, культура социологии представляет многогранный феномен с актуальной проблематикой научного поля. В центре исследовательского интереса находится широкий спектр проблем, связанных с прошлым, настоящим и будущим социологической науки. Ученых интересуют различные вопросы своеобразных кризисов сложного качественного роста, которые социология пережила в процессе своего развития. Важным предметом исследования является анализ данных процессов в контексте дихотомии культуры социологии на интеллектуальные, организационные и институциональные аспекты. Вместе они передают полифонию осмысленных впечатлений и системных представлений об эволюции границ методологических подходов, способов и приемов социального познания с учетом традиций научного наследия культуры социологии.

Рассматривая социологию как культуру в этих аспектах, можно понять глубинные процессы генезиса социологической науки, выявить их суть, скрытую для исследователя. Так, с интеллектуальной точки зрения многие авторы говорят о том, что социальное познание находится в аномальной ситуации. С одной стороны, представляя социологию как самостоятельную область человеческого знания, ученый не может игнорировать вопрос о канонах (традициях) теоретического отображения накопленных знаний, благодаря которым возможно научное осознание инновационных границ от иллюзий мифического прошлого. С другой стороны, на фоне глобальных перемен в общественном

развитии, которые к тому же носят нетривиальный качественный характер, фактом является то, что использовать сегодня важнейшие аксиоматические допущения классической социологии в качестве интеллектуальных конструктов и общих методологических принципов социального исследования, является делом весьма спорным. Для того чтобы соответствовать живой динамике такого сложного объекта исследования, как современное общество, стереотипов, даже научных, может и не хватать.

Анализ культуры социологии с организационной точки зрения и в институциональном аспекте гораздо отличается от ее рассмотрения как интеллектуального конструкта. Организационно социологическая культура сформировалась в первой половине XX в., когда социология окончательно утвердилась и получила признание в качестве научной дисциплины. Для этого периода характерно утверждение: «Это социология, а не экономическая теория или политическая наука». К 1970-м годам на практике началось серьезное экстенсивное размытие дисциплинарных границ социологии на специальные теории, отраслевые направления и научные школы. Специализация социологии была как неизбежна, так и саморазрушительна. Возникающие при этом академические организации стремились дисциплинировать не интеллект, а практику. Они стали создавать границы гораздо более жесткие, нежели те, что созданы дисциплинами в качестве интеллектуальных конструктов. С возрастанием специализации усилилась институционализация номинального разделения социологии, которая сегодня исключительно сильна, несмотря на все предпринимаемые попытки исследований в рамках так называемого «междисциплинарного» подхода.

Таким образом, резюмируя изложенное, приходим к выводу, что культура социологии является достаточно «хрупкой» в своей преемственности и требующей дальнейшего изменения с учетом потребностей современной социальной реальности. Согласно мнению экспертов, есть три наиболее вероятных и желаемых перспективы, ожидающие культуру социологии в XXI в.: интеллектуальная интеграция с культурой современного естествознания; организационное воссоединение отраслевых социологий; институциональное объединение субъектов социального познания [15, с. 145]. Эта культура должна быть открытой, конструируясь в рамках гносеологически воссоединенного мира знаний и признания решающей роли активности социального субъекта в процессе общественных изменений. Мир знания — это эгалитарный мир. Каждый имеет право бросить вызов истинности существующих суждений, что, на наш взгляд, становится одним из самых значительных факторов культуры социологии в неэгалитарном социальном мире.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Наследие социологии, будущее социальной науки // Хрестоматия по общей социологии. М., 2004.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
3. Валлерстайн И. Конец земного мира. Социология XXI века. М., 2003.
4. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.

5. Лооне Э. Современная история социологии. М., 2010.
6. Ритцель Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2011.
8. Coser L. Masters of Sociological Thought. N.Y., 2007.
9. International Encyclopedia of the Social Sciences. L., 2008.
10. Знаниецкая Е. Социология культуры. М., 2005.
11. Suzuki T. Words in Context: A Japanese Perspective on Language and Culture. Tokyo, 2001.
12. Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
13. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 2000.
14. Култыгин В.П., Кузнецов А.Г. Общая социология. М., 2004.
15. Култыгин В.П. Современные социологические концепции. М., 2000.

S.S. Ivanov

**Christian Democracy:
Ideology and Politics**

Issues of ideological and social significance of Christian democracy in terms of Russian and Western political culture formation are studied. Basic goals and lines of development of the Christian democratic movement as the essential parameters of Christian policy are formulated.

Key words and word-combinations: Christian democracy, Christian ethics concept, ideology, politics, modernism, legal values.

Изучаются вопросы идеологической и социальной значимости христианской демократии в контексте формирования российской и западной политической культуры. Формулируются основные задачи и направления развития христианско-демократического движения в качестве важнейших существенных параметров христианской политики.

Ключевые слова и словосочетания: христианская демократия, концепция христианской этики, идеология, политика, модернизм, правовые ценности.

УДК 32.01
ББК 66.04

С.С. Иванов

**ХРИСТИАНСКАЯ
ДЕМОКРАТИЯ:
ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА**

Христианская демократия как идеологическая политическая система прежде всего ориентирована на нравственное совершенствование общественных отношений в условиях демократической государственности. При этом принцип народного суверенитета наряду с другими рационалистическими политико-правовыми доктринами подчиняется христианским этическим началам, являющимся основанием организации общественной жизни. Социальный феномен христианской демократии может рассматриваться в двух аспектах: теоретическом, связанном с социально-философским и идеологическим осмыслением, становлением и развитием теории христианской демократии в общественной мысли, и практическом, включающем политический опыт государственного устройства,

а также организацию и деятельность партий христианско-демократической направленности.

В социально-философском аспекте теория христианской демократии содержит обоснование методов достижения в общественной действительности основных ценностей христианской культуры. Предпосылки этой теории сформировались еще в античный период. Сократ, Платон, Аристотель, обосновывая концепцию справедливого государства, пришли к выводу об эффективности общественного разделения труда, децентрализации государственной власти, необходимости обязательного политического участия полноправных граждан в делах государственного управления. В Древней Греции считалось, что способность государства осуществлять общественную иерархию, разделение и соподчинение сословий характеризует его как достигшее достаточно высокого, элитарного уровня социально-политического развития. Роль государства в такого рода политическом процессе двойственна: с одной стороны, его нравственное призвание в осуществлении своих задач безусловно; с другой стороны, оно встречает препятствия в обществе, неизбежно состоящем из несовершенных людей, которые сами по себе не способны ни воспитать гармоничного человека, ни создать идеальное общество. Именно поэтому столь существенна политическая роль выдающихся личностей, способных к формированию исторической судьбы отечества.

В трактовке античных мыслителей фундаментальные нравственные принципы и основанная на них справедливость есть главные начала социальной солидарности: «...несправедливость вызывает раздоры, ненависть, междоусобицы, а справедливость — единодушие и дружбу» [1]. На этом важнейшем тезисе в дальнейшем выросла теория христианской демократии, главным пунктом которой является необходимость поддержания и укрепления принципа солидаризма — свободного взаимодействия личностей в рамках социального сотрудничества, именовавшегося Аристотелем «политической дружбой» [2]. Вместе с тем естественное неравенство людей и необходимость их совместной жизни требует персонализации общественных отношений, то есть особого внимания к отдельной личности, создающего условия для наиболее эффективного функционирования государственно-организованного общества.

В политической мысли Средневековья традиции античной философии получили развитие в контексте формирования отношений Церкви, государства и общества как сил социального взаимодействия и ограничения монархической государственной власти, что означало движение к демократизации политических отношений. Церковь, по учению М. Падуанского, должна быть отделена от государственной власти и подчинена ей. Такая позиция по тем временам представлялась весьма радикальной, так как пропагандировала либеральные политические идеи и ценности, а выступление против института Церкви, определявшей идеологическую легитимность феодального государства, было равносильно покушению на основы государственного и общественного строя в целом [3]. Не избежал трагической участи и сам автор трактата «Защитник мира»: несмотря на высокое общественное положение ректора Сорбонны, он был отлучен от Церкви и заочно приговорен к смертной казни.

Еще одним важнейшим фактором развития теории христианской демократии явилась разработанная в трудах Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского концепция христианской этики как главного условия общественной жизни, что послужило началом формирования представлений о правовом государстве, в котором права человека утверждались в качестве приоритетной ценности и главного общественного института.

Наиболее приемлем для социальной жизни, по мнению М. Падуанского, строй избирательной монархии, совмещающий демократические и монархические начала осуществления государственной власти. Его важнейший неотъемлемый элемент — принцип народного суверенитета — право граждан избирать государственных должностных лиц (*partem principantem*) и осуществлять политическое участие в законодательном процессе через своих полномочных представителей. Русский философ права Б.Н. Чичерин разъясняет этот принцип следующим образом: «...кто издает законы, тот должен назначать и лицо, которому поручается приведение законов в действие, а это и есть правитель. Отсюда ясно, что народу принадлежит право назначать правителя, исправлять его и, наконец, сменять в случае нужды, в целях общего блага» [4, с. 94].

В Новое время теория христианской демократии претерпела существенную трансформацию в сторону рационализации политических отношений в обществе, характерных для либеральной эпохи Просвещения. Согласно И. Канту, достоинство человека есть высшая ценность, сохранение которой является нравственной обязанностью и личности, и общества, и государства [5]. Эта концепция легла в основу развития важнейшей личностной философии XIX столетия — персонализма, представленной именами выдающихся русских и западных мыслителей. Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, М. Шелер, Ж. Маритен, Э. Мунье, Ж. Лакруа и другие приверженцы персонализма утверждали, что назначение человека в этом мире не ограничивается прагматическими целями социальной обыденности, а связано с его духовным развитием, творческим поиском и самопреодолением.

После Второй мировой войны движение христианской демократии приобрело общеевропейский масштаб. В соответствии с его идеологией в большинстве стран Западной Европы были проведены радикальные социальные реформы, ориентированные на становление общества народного благосостояния. Повышение качества и уровня жизни населения создавало условия для гармоничного развития личности и достижения полноты жизни для всех субъектов гражданского общества. Формирование нравственных ориентиров гуманистического социального действия стало необходимым фактором совершенствования общественных отношений в процессе социальных реформ XX в., включавших приведение норм позитивного права в соответствие с нормами естественного права. Следовательно, сущность христианской демократии как формы государственного устройства состоит в согласовании принципа народного суверенитета с нравственными задачами государственной власти, осуществление которых обусловлено харизматическими качествами ее носителей, включающих как народ, так и лидеров.

Наиболее полное и глубокое обоснование христианской демократии (православной — в российском варианте) содержится в творчестве Г.П. Федотова,

который сформулировал ее теорию, привлекая исторический опыт древнерусских феодальных республик. Нравственное совершенствование человека, роль творчества и труда в его жизни провозглашались философом в качестве приоритетных по отношению к социально необходимой политической организации. Христианская демократия, по его мнению, — это историческая форма свободной теократии — гармоничного взаимодействия Церкви, государства и общества с целью совершенствования социальных отношений, при которых, однако, не предполагается «...невозможное состояние безгрешности», но в иерархии ценностей приоритет отдается нравственному началу [6, с. 269].

В.С. Соловьев, стоявший у истоков формирования личностного дискурса русской общественной мысли, постулировал следующий тезис: «Каждый человек... есть нравственное существо, или лицо, имеющее независимо от своей общественной полезности безусловное достоинство и безусловное право на существование и на свободное развитие своих положительных сил» [7, с. 48]. Отсюда следует, что эти гуманистические принципы определяются в качестве основы социальной этики.

Со времени своего возникновения теория христианской демократии отличалась достаточно четкой и духовно выверенной идеологической направленностью, способствовавшей ее длительному историческому существованию. Нормативные эталоны идеологии христианско-демократического движения были заложены в социальных энцикликах римских пап. Римско-католическая церковь, ранее противопоставлявшая свою социальную доктрину либерализму и находившаяся на стороне конституционной и абсолютной монархии, активизировала процесс социальной адаптации к новым политическим и социально-экономическим реалиям, связанным с этапом раннего капитализма, и поддержала идеологию христианской демократии.

Папская социальная энциклика «*Graves de Communi Re*» («Тяжкие всех», 1901) представляла своего рода «конституцию» христианской демократии. Сущность христианской демократии определяется здесь в форме благотворительного, а не политического движения: «Название “христианская демократия” следует понимать таким образом, что ей чужда всякая политическая идея, и она не означает ничего иного, как только благотворительную христианскую деятельность для народа» [8]. Лев XIII сформулировал основные задачи христианской демократии в рамках совершенствования трудового законодательства и выработки мер по повышению уровня национального производства на основе стимулирования свободной экономической деятельности. Возникшее общественное движение христианской демократии привело к появлению множества католических общественных организаций: бюро по образованию, сельских банков, обществ взаимопомощи, профсоюзов. Впоследствии Ватикан признал политический характер этого движения.

Базовыми принципами идеологии христианской демократии являются персонализм и солидаризм. Персонализм — учение о личности, получившее широкое распространение в XX в., — может рассматриваться в качестве новейшего варианта естественно-правовой теории, построенной на обосновании безусловного нравственного предназначения личности, необходимости соблюдения ее гражданского достоинства, конституционных прав и свобод в качес-

тве необходимых условий для осуществления творческого выбора человека. Солидаризм — концепция общественного народоустройства, направленная на поиск и осуществление политического компромисса и гражданского согласия для достижения интеграции и координации социальных действий отдельных личностей, общественных групп и классов. Подобного рода модель народоустройства должна быть организована на кооперативных началах, устраняющих индивидуалистические и патерналистские крайности. Иными словами, солидаризм означает взаимодействие субъектов гражданского общества, посредническую роль в котором выполняет государство, при этом не исключается участие Церкви в формировании национального согласия.

Практический аспект христианской демократии — формы государственного устройства — связан с построением социального государства, в котором гармонизируются интересы личности, общества и государства на таких принципах, как солидаризм и персонализм. Христианско-демократические политические партии, придерживавшиеся подобной идеологии, достигли существенных успехов во многих европейских странах: Германии, Италии, Испании, Франции и других. Послевоенный период национальной экономической реконструкции в них был отмечен продвижением социальных реформ, позволивших не только преодолеть военную разруху, но и эффективно провести социально-экономическую и политическую модернизацию общества и государства, ориентированную на устойчивое развитие.

Социальное государство с позиции теории христианской демократии представляет собой прежде всего инструмент регулирования социально-трудовых отношений для достижения межклассового сотрудничества и гражданского согласия посредством организации системы социального партнерства между личностью, обществом и государством. Как писал французский мыслитель-персоналист Э. Мунье, «взаимодействие экономического и духовного начал в человеческом мире задает нам меру и пределы, в которых “моральные” суждения оказываются значимыми для порядка материального, имеющего отношение исключительно к технике и историческим закономерностям» [9, с. 349].

В качестве важнейшего связующего звена между персонализмом и солидаризмом на практике выступает экономический и политический принцип субсидиарности, основанный на разграничении компетенций между субъектами и уровнями публичной власти. Субсидиарность как форма экономической и политической децентрализации общества и государства способствует формированию демократии участия, расширяет полномочия регионов и тем самым создает условия для расширения социальной свободы личности за счет сферы государственной власти. Принцип субсидиарности в социальной доктрине католицизма противопоставлялся и либеральному принципу абсолютного индивидуализма, и коммунистическому принципу абсолютного коллективизма, способствуя эффективному разграничению компетенций между субъектами и уровнями органической социальной иерархии [10, с. 19]. Этот принцип нашел отражение в ряде международных правовых актов, принятых в рамках Совета Европы, например в Хартии местного самоуправления, ратифицированной Россией в 1998 г. [11]. С его помощью, в частности в ФРГ, успешно проводилась политика регионализма через разграничение полномочий между

федеральным центром и федеральными землями, а в политико-правовых условиях Швейцарской конфедерации он стал правовой гарантией самостоятельности кантонов в региональной политике.

Организационно-правовое устройство Европейского союза также основывается на началах субсидиарности. По словам Ж. Делора, председателя Комиссии ЕС, «в каждой федеральной системе, подобной Европейскому Союзу, принцип субсидиарности служит постоянным противовесом механизмам перенасыщения, которые стремятся в сложном мире излишне загрузить центральную власть» [12]. Распределение компетенций между федерацией и ее субъектами определяет способность органов того или иного уровня эффективно решать стоящие перед ним задачи.

Христианские демократы добились впечатляющих результатов на послевоенных выборах в Западной Европе и доминируют в европейской политике до настоящего времени. Их принципы нашли отражение в конституциях ФРГ, Франции, Италии, Испании. В конце 1980-х годов движение христианской демократии усилилось и в странах Восточной Европы — ГДР, Словении, Венгрии, Словакии.

Общеввропейским политическим объединением национальных правоцентристских, включая христианско-демократические, партий, стала Европейская народная партия, основанная в 1976 г. и представленная посредством права политического участия в институтах Европейского Союза и Совета Европы. Еще более крупным политическим объединением христианско-демократической направленности явился Центристский демократический интернационал (Интернационал христианско-демократических и народных партий), функционирующий сегодня во всемирном масштабе. По мнению многих политологов, процесс формирования теории христианской демократии до сих пор не завершён: одни ученые полагают, что она ассимилирует в социал-демократию; другие считают, что она движется в сторону секулярного консерватизма [13].

Процессы взаимодействия персонализма и солидаризма — главных принципов христианской демократии — были осуществлены в современную эпоху Христианско-демократическим союзом Германии (ХДС). Конституционные реформы по перераспределению полномочий и предметов ведения между федерацией и ее субъектами, проведенные под руководством Людвиг Эрхарда и Гельмута Коля, обеспечили большую политическую и экономическую свободу федеральным землям и дали возможность эффективного развития национальной экономики [14]. В Основном законе ФРГ (ст. 18, 21.1) в соответствии с идеологией христианской демократии декларировался курс на построение правового государства, что требовало разделения властных полномочий и по горизонтали, и по вертикали, то есть между органами государственной власти разных земель и между землями и федерацией в целом.

Во Франции после публикаций социальных энциклик о христианской демократии возникло широкое христианско-демократическое общественно-политическое движение «Le Sillon» («Источник»), на базе которого впоследствии возникла Народно-демократическая партия, а после Второй мировой войны — Народно-республиканское движение Франции. Под его идеологическим воздействием находилось правительство де Голля, воплотившее многие реформаторские идеи христианской демократии в политическую и эконо-

мическую практику. Так, в жизни французского рабочего класса появилось понятие «производственное самоуправление трудящихся», или «демократия участия», призванное обеспечить индикативное планирование на уровне предприятия через активизацию его работников.

В Италии связующим звеном между Католической церковью и движением христианской демократии явилось движение «Католическое действие». В его поддержку выступала Христианско-демократическая партия Италии (ХДПИ), возникшая в 1943 г. как продолжательница Итальянской народной партии. Вплоть до 1992 г. она оставалась ядром всех правительств, хотя в ней имелись различные внутренние течения — от левых христианско-социалистических до правых. Обеспечение национального экономического подъема в сочетании с провозглашением христианско-демократических принципов способствовало выходу страны из послевоенного кризиса и сохранению конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке. Национальными героями Италии стали такие лидеры ХДПИ, как премьер-министр А. де Гаспери и один из убежденных сторонников христианского социализма Альдо Моро, осуществившие радикальные преобразования в экономической и политической жизни страны. В последнее время христианско-демократическое движение в Италии сосредоточено вокруг партии «Вперед, Италия» во главе с С. Берлускони и Демократической партии Италии.

Движение христианской демократии в Испании всегда отличалось ярко выраженной католической направленностью. В его рамках сформировалось множество политических партий, важнейшими из которых в 1930-х годах являлись Народная социальная партия и католическая партия «Национальное действие», в 1950—1970-х годах — «Левая христианская демократия», Христианско-демократический союз Испании, Координационный центр христианской демократии Испанского государства (КЦХДИГ), Демохристианская федерация, Союз демократического центра. В настоящее время идеологии христианской демократии придерживается Народная партия Испании, являющаяся правящей.

Политический опыт испанских партий, организаций и групп христианско-демократической направленности свидетельствует о плодотворности обновления национальных традиций на основе католического модернизма, что способствовало формированию демократического общества. В ходе демократических реформ, осуществлявшихся по инициативе как правящего класса, так и широких народных масс, было проведено радикальное обновление всех сфер общественной и государственной жизни. В правовой структуре политического представительства системы парламентской демократии христианско-демократические партии заняли достойное место в качестве сил, строящих новую Испанию. Ее политическая организация носит социальный характер и в сотрудничестве с демократическим гражданским обществом стремится к созданию правовых и экономических условий для всестороннего свободного гармоничного развития каждой личности.

В России попытки связать христианство и политику предпринимались многими философами (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн). Существовал даже проект создания подобной партии «Союз христианской политики», составленный С.Н. Булгаковым. Однако в жизнь

эта идея с определенными видоизменениями была воплощена только в постсоветской России с созданием в 1989 г. Христианско-демократического союза России. В постперестроечное время христианским демократам удалось занять определенную нишу и сформировать собственную стратегию общественного развития России. Тем не менее, по мнению ряда политологов, в России нет условий для массового христианско-демократического движения по причине отсутствия соответствующей политической традиции, малочисленности сторонников среди избирателей, слабой поддержки со стороны Церкви.

Российским христианско-демократическим общественным объединениям и политическим партиям не удалось создать общее политическое пространство в странах СНГ и Восточной Европы. Данная ситуация обусловлена многообразием мирового христианско-демократического движения, не имеющего общей систематической идеологии и варьирующегося по степени социального радикализма и политического опыта.

В Конституции РФ также декларируются общепризнанные правовые ценности, соответствующие идеологическому контексту христианской демократии. В новых российских реалиях получили законодательное закрепление политико-правовые концепции: общественного договора, правового государства, политического и идеологического плюрализма, деидеологизации государства, разделения властей, народного суверенитета.

Таким образом, христианская демократия — это общественное движение, связанное с поиском социального пути, исключающего крайности либерализма и тоталитаризма и связанного с теорией и практикой солидаризма, предполагающего достижение равновесия индивидуальных и коллективных прав в процессе формирования социокультурного пространства на основе оптимизации отношений между личностью, обществом, Церковью и государством.

Библиографический список

1. Платон. Государство // Собр. соч.: в 3 т. / пер. А.Н. Егунова. М., 1971. Т. 1.
2. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. / пер. С. Жебелева. М., 1983.
3. Падуанский М. Защитник мира. URL: <http://esxatos.com/marsiliy-paduanskiy-zashchitnik-mira>
4. Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. М., 2001.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. URL: http://modernlib.ru/books/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti/read/
6. Федотов Г.П. Проблемы будущей России (вторая статья) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1994.
8. Graves de communi re. URL: <http://www.ewtn.com/library/ENCYC/L13GRCOM.HTM>
9. Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
10. Френкин А.А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990.
11. Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.). URL: <http://mpleontiev.ru/html>
12. Федерализм: российское и швейцарское измерения: науч. конф. 22–23 июня 2001 г. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer3/avtonomov.htm>
13. Мезенцев С.Д. Международное христианско-демократическое движение: теория и практика. М., 2004.
14. Эрхард Л. Полвека размышлений: сб. статей. М., 1993.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

S.S. Rybakova

Political Functionality of Regional Parliament in Modern Russia

The significance of regional parliaments in the political system of the Russian Federation is considered, and problems of their political functionality in modern conditions are studied. Functional features of legislative (representative) bodies of the RF subjects compared to the Russian Federation Parliament are analyzed.

Key words and word-combinations: parliamentarism, regional parliament, political functionality.

Рассматривается значение региональных парламентов в политической системе Российской Федерации, исследуются проблемы их политической функциональности в современных условиях. Анализируются функциональные особенности законодательных (представительных) органов субъектов РФ в сравнении с парламентом Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: парламентаризм, региональный парламент, политическая функциональность.

УДК 354
ББК 66.3(0),123

С.С. Рыбакова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В середине 1990-х годов в политическом развитии России произошло знаменательное событие: была сформирована институциональная система регионального парламентаризма. Она возникла на основе Конституции РФ и в результате проведенных в течение 1994–1995 гг. региональных выборов. Система представительных органов власти субъектов РФ прошла сложный двадцатилетний путь становления, определения собственной функциональности во взаимоотношениях со структурами исполнительной власти, утверждения политического статуса. Теперь региональные парламенты субъектов РФ — неотъемлемый институт российской политической системы. Одновременно с этим положение региональных парламентов в политической системе, масштаб их влияния на политический процесс и государственное управление являются принципиальным свидетельством уровня

демократичности российской политической системы в целом. Политическая функциональность региональных парламентов характеризует их место в политическом пространстве субъектов РФ.

Большое политическое значение региональных парламентов для Российской Федерации обусловило исследовательский интерес к данной тематике. Различными учеными, но прежде всего юристами и политологами, рассматривались вопросы политической целесообразности, механизмов формирования, структуры и содержания деятельности представительных (законодательных) органов власти в субъектах РФ. Анализировалась проблема учета особенностей регионов, их взаимоотношений с федеральным центром в сфере парламентских отношений. Особой темой научных исследований на протяжении двух десятилетий являлась функциональность региональных парламентов, которая в значительной степени определяется характером политического режима в стране: чрезмерно сильным положением исполнительной ветви власти на федеральном и региональном уровнях, но слабо развитой системой местного самоуправления. В последние годы к факторам воздействия на функциональность региональных парламентов добавилась проблема бюджетной несостоятельности, характерная для большинства субъектов РФ. Изучению феномена парламентаризма в России, в том числе регионального уровня, посвящены многие научные конференции, сборники статей, монографии. Но тема далека от исчерпания, особенно если иметь в виду ее региональные аспекты. Анализ направлений проведенных исследований убеждает в необходимости специального внимания проблеме функциональных возможностей региональных парламентов в Российской Федерации.

Историческая практика деятельности парламентов в разных странах мира позволяет выделить ее основные направления. В первую очередь это консолидация интересов различных слоев общества и их представление в государственной власти; разработка и принятие законодательных актов; утверждение бюджета; контроль за деятельностью правительства; обсуждение важнейших проблем развития общества и государства, выработка соответствующей политической позиции. Принципиальная функция любого парламента — обеспечение национальных интересов во всей политике государства. Примерно такая функциональность парламента предусмотрена в трудах теоретиков парламентаризма и зафиксирована в конституциях большинства стран современного мира. Наряду с традиционными направлениями политической функциональности современных парламентов распространяется на такие процессы, как рекрутирование элит, формирование и профессиональная подготовка «политического класса», артикуляция интересов в рамках парламентских дебатов, расширение возможностей политического информирования населения, участие в политической социализации граждан. Все это раскрывает принципиально значимую роль парламентаризма в современном политическом процессе.

Парламентаризм как политическое явление представляет собой демократическую форму государственного управления, что предполагает распространение его основ с уровня государства на уровень административно-территориальных

единиц, составляющих государство. Это возможно в унитарных государствах и политически необходимо в государствах федеративного устройства. Субъекты федерации во многом повторяют устройство власти в государстве, поэтому наличие региональных парламентов необходимо и для реализации принципа федерализма, и для обеспечения единой системы народного представительства, и для использования общих механизмов политического управления. Национальные и региональные парламенты могут по-разному формироваться, иметь различную структуру и разный набор функциональных полномочий, но в основном они идентичны: представляют интересы населения и обеспечивают законотворческий процесс. Региональные парламенты имеют меньший масштаб деятельности, иные задачи и ресурсы, используемые в ее процессе. Однако политический характер регионального парламента также несомненен, как и у парламента федерального уровня. Он и предусмотрен и закреплен в Конституции РФ.

В Основном Законе закреплен политический статус всех субъектов государства, а также их органов представительной (законодательной) власти. При этом в ст. 6 Конституции РФ утверждается право национальных республик иметь свою конституцию и законодательство, краям и областям — право иметь свой устав и законодательство, а в ст. 66 подчеркивается, что статус субъектов РФ определяется Конституцией РФ и уставами областей и конституциями республик, входящих в состав Российской Федерации. Статья 77 Конституции РФ узаконивает возможность субъектов РФ устанавливать свою систему органов власти, но в соответствии с основами конституционного строя России и общенациональными принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти. Совокупность данных правовых положений означает, в частности, обязательное разделение власти в субъектах РФ на исполнительную и законодательную, соответственно, и наличие региональных парламентов с определенными функциями.

В октябре 1999 г. положения Конституции РФ были конкретизированы Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1], благодаря чему оформилась законодательная база организации и функционирования института регионального парламентаризма для всех субъектов РФ.

В настоящее время все субъекты РФ имеют ту или иную форму регионального парламента: областные или губернские думы, законодательные собрания, государственные советы, народные хуралы и т.д. Хотя состав, структура, масштабы и авторитет их деятельности сильно разнятся, факт их существования подтверждает наличие регионального парламентаризма в стране.

Региональные парламенты имеют как схожие, так и отличные черты с парламентом Российской Федерации. Российский парламент состоит из двух палат, между которыми определенным образом делятся и распределяются общие функции. Двухпалатная структура российского парламента «предоставляет гражданам дополнительную возможность осуществлять контроль за деятельностью исполнительной и законодательной властей, обеспечить пред-

ставительство специфических групп, которые в противном случае остались бы не представленными» [2, с. 296]. Это прежде всего относится к национальным и территориальным группам населения. Совет Федерации Федерального Собрания РФ обеспечивает представительство и интересы российских регионов. Парламентские органы в субъектах РФ однопалатны и потому представляют население территорий только в целом. Российский парламент полностью самостоятелен в своем законотворчестве и свое функционирование обеспечивает собственными законодательными нормами. Региональные парламенты осуществляют законотворческий процесс строго в соответствии с законодательными установлениями федерального уровня, в правовых рамках, регламентированных Конституцией РФ и федеральными законами. Существенное отличие региональных парламентов от российского парламента заключено в совокупности полномочий. Региональные парламенты не уполномочены решать вопросы войны и мира, внешней политики, гражданства, охраны границ, административно-территориального деления, деятельности силовых структур и некоторых других сфер. Следовательно, полномочия региональных парламентов существенно ограничены и почти полностью замыкаются на вопросах жизнедеятельности конкретного региона. В этом смысле их политический статус значительно ниже политического статуса Федерального Собрания Российской Федерации.

Однако некоторые исследователи отмечают, что в последние годы политическая статусность региональных парламентов возрастает и их общественный авторитет укрепляется. В частности, А.В. Сморгунув считает, что проведение более эффективной системы формирования законодательных собраний субъектов РФ может обеспечить повышение качественного состава региональных парламентов, а также более рациональную деятельность самих парламентов [3]. Согласимся с тем, что осуществленная в середине 2000-х годов реформа системы выборов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, усилившая роль политических партий в региональных парламентах, в целом активизировала эти политические институты. Но, как свидетельствует общественная практика, не следует преувеличивать эффект проведенного реформирования региональных выборов.

Совокупность структурных, юридических и политических различий с федеральным парламентом создает существенные функциональные особенности для региональных парламентов. В общем виде они состоят в следующем.

Политическое положение и функциональная полномочность региональных парламентов определяется решениями Федерального Собрания РФ, то есть суверенность весьма относительна. Бесспорно, основные положения отношений федерального центра с субъектами РФ, а значит, и с представителями (законодательными) органами власти регионов закреплены в Конституции РФ. Но, во-первых, статьи Основного Закона могут пересматриваться, и, во-вторых, реальное регулирование взаимоотношений федеральной и региональной структур власти осуществляется Президентом России. Масштаб полномочий региональных парламентов, совокупность осуществляемых ими

функций, которую пока еще трудно назвать стабильной и оптимальной, непосредственно связывается с политическим режимом и характером государственной власти.

Существенное ограничение функциональности региональных парламентов имеет в сфере законотворчества. Приоритеты законотворчества принадлежат федеральным структурам, причем федеральные законы нередко содержат предписания процессу развития регионального законодательства. Не случайно на практике большинство региональных парламентов формируют законодательную базу дополняющего характера. Очень часто законы субъектов РФ вторичны, их содержание заимствовано, а иногда полностью перенесено из федеральных законов, то есть они не самостоятельны. Так происходило в сфере земельного, экологического, трудового, налогового, антикоррупционного законодательства, во многих других случаях. По этой причине нормативно-правовая база субъектов РФ полностью следует в фарватере федерального законодательства и не всегда отвечает потребностям регионов.

Реальным фактом в регионах является минимизированность бюджетной функциональности парламентов. Подавляющее большинство субъектов РФ в последние годы имеют дефицитные бюджеты и растущие бюджетные долги перед банками и федеральным центром. В таких финансовых условиях от региональных парламентов мало что зависит при утверждении и доходной и расходной частей бюджета. Одни статьи бюджета должны финансироваться автоматически по установлению федерального законодательства, в том числе указов Президента РФ В.В. Путина от мая 2012 г., финансирование других статей обусловлено тем минимальным объемом, который необходим для поддержания жизнеспособности той или иной сферы. Все это по сути исключает серьезные дебаты в региональных парламентах по статьям региональных бюджетов. Данная функция во многом носит чисто формальный характер. Бюджеты субъектов РФ разрабатываются и обосновываются в региональных правительствах, утверждаются президентами республик, губернаторами краев, областей и при соблюдении процедуры обсуждения получают законодательное обеспечение в региональных парламентах.

Важной функцией региональных парламентов следует считать организационную деятельность в пространстве региональной политической системы. Это логично, ибо парламент непосредственно контактирует не только с другими ветвями государственной власти, но и с местным самоуправлением, региональными отделениями политических партий, общественными объединениями, со СМИ. Иначе говоря, парламент призван быть центром регионального политического пространства, одновременно — инициатором и координатором политических отношений и реальной политики в регионе. Однако исполнение подобных ролей для большинства региональных парламентов в настоящее время неосуществимо. Они слабо связаны с основными субъектами региональной политики (кроме институтов исполнительной власти), имеют весьма ограниченную сферу интересов во взаимодействии с ними. Объективно такая ситуация объяснима: система местного самоуправ-

ления отделена от государственной власти; региональные отделения политических партий полностью ориентированы на свои центральные штабы в Москве, а в самих парламентах — господство одной партии, что превращает многопартийность в регионах в искусственное явление. Это значит, что демократической координации политического процесса на региональном уровне не происходит.

Естественной парламентской функцией является контроль за исполнением бюджета, реализацией принимаемых законов и депутатских избирательных программ, всей деятельностью правительства, что относится к региональным парламентам и закреплено в соответствующих федеральных и субъектных документах. Но осуществление и этой функции вряд ли можно оценить как эффективное. Функция контроля — слабое место в работе Федерального Собрания РФ, и эта «традиция» неизбежно проявляет себя на региональном уровне. Важнейшая причина низкой функциональности парламента в сфере контроля — широко распространившаяся в государственном управлении коррупционность решений, отношений, действий. Тесные деловые связи депутатов, чиновников, бизнесменов стали повсеместным явлением, вследствие чего можно предположить, что парламента не совсем заинтересованы в эффективном исполнении контрольной функции. Думаем, имеет значение и тот факт, что почти весь состав региональных парламента представлен членами одной политической партии, поэтому эффект политической конкуренции в реализации парламентского контроля в регионах не срабатывает.

Базовой функцией парламента всегда остается представительство народа, содержащее несколько аспектов. Первый аспект — представительство интересов отдельных групп и общества в целом. Для его реализации необходим постоянный контакт депутатов с избирателями: перед выборами и на протяжении всего депутатского срока. Голосование по партийным спискам существенно сокращает количество личных коммуникаций кандидатов с населением, но в ходе избирательных кампаний общение тем не менее происходит. Его сокращение возникает после формирования состава парламента и распределения внутрипарламентских должностей. Вообще, как утверждает в фундаментальном исследовании А.А. Кынева, связи региональных парламента с обществом неразвиты [4]. Второй аспект депутатского представительства состоит в согласовании интересов разных групп населения и выработке компромиссных максимально эффективных решений. Этот процесс протекает сложнее, поскольку в него почти всегда вмешиваются внутрипартийные интересы, которые нередко не соответствуют актуальным интересам большинства граждан. На стадии подготовки и обсуждения решений случаются акты лоббирования интересов отраслей экономики, территорий, профессиональных групп, отдельных лиц в противовес интересам избирателей. Третий аспект представительства заключен в регулярной отчетности депутатов перед гражданами, общественными организациями, СМИ о результатах своей деятельности. Акты отчетности депутатского корпуса неизбежно повышают ответственность представительства, свидетельствуют об уровне качества отношений между парламентом

и населением. Анализ современной практики позволяет считать отчетность слабым звеном всей системы представительства, как правило, оно носит исключительно формальный характер: публикация в СМИ или выставление на сайтах парламентских докладов, обобщающих материалов, решений. Однако имеются случаи игнорирования и такой формы отчетности — отчетность ограничивается публикацией короткой информации и несколькими встречами с избирателями.

На наш взгляд, подобные ситуации возникают во многом под воздействием господства однопартийных составов региональных парламентов. На этот фактор как причину низкой эффективности всей деятельности региональных парламентов указывают В.М. Долгов и А.Ф. Стрижова [5, с. 99]. С такой оценкой нельзя не согласиться.

Анализ показывает, что региональные парламенты России обладают значительной политической функциональностью. В некоторой степени она ограничивается законодательством и администрированием федерального центра, но все равно остается достаточной для обеспечения эффективной деятельности в большинстве субъектов РФ. Но на практике этого не происходит. По примеру Государственной Думы РФ региональные парламенты принимают множество решений и законов, почти не влияющих на развитие соответствующих территорий, а часто только «поправляющих» и «изменяющих» ранее принятые акты. Об этом свидетельствуют результаты проведенного исследования содержания информационных бюллетеней областных и губернских дум Самарской, Саратовской, Ульяновской областей Поволжья за последние годы. Во всех региональных парламентах слабо прослеживается критическая оценка уровня эффективности работы правительств, в том числе расходования областных бюджетов, теневых и коррупционных отношений, кадровой политики. Сами региональные парламенты явно недостаточно реализуют функцию отчетности перед населением. Наличие широкой функциональности представительных (законодательных) органов субъектов РФ — это подтверждение демократизма существующей политической системы, но многочисленные недочеты в их функционировании раскрывают пока еще низкую степень ее практической эффективности.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
2. *Лебедева Т.П.* Парламентаризм // Политология. Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М., 2007.
3. *Сморгунов Л.В.* Новые электоральные институты и региональные парламенты России: плюрализация VERSUS монополизация // Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М., 2006.
4. *Кынев А.А.* Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации. М., 2014.
5. *Долгов В.М., Стрижова А.Ф.* Ответственность политической элиты: теория и современная российская практика. М., 2014.

S.P. Savkin

**Political Modeling Problems
in the Interaction of Regional Elites**

Features of power and economic relations at the regional level are analyzed. The focus is on the comparison of regional political groups and the specifics of businesses functioning. The use of public-private partnership instruments to develop an optimal model of interaction at the local level is proposed.

Key words and word-combinations: regional authority, political communication, political modeling, public-private partnership.

Проводится анализ особенностей властных и экономических отношений на региональном уровне. Акцентируется внимание на сопоставлении региональных политических групп, специфике функционирования бизнес-структур. Предлагается использование инструментария государственно-частного партнерства для выработки адекватной модели взаимодействия на уровне субъекта РФ.

Ключевые слова и словосочетания: региональная власть, политические коммуникации, политологическое моделирование, государственно-частное партнерство.

УДК 32.01
ББК 66.04

С.П. Савкин

**ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ**

В настоящее время в России проводятся реформы, затрагивающие все аспекты функционирования общественных институтов и модернизацию политической системы в целом. При этом сложившаяся архитектура связей между центром и провинциями по многим позициям трансформируется в плоскость отношений федеральной и региональной власти. Это формирует стратегические цели и перспективы развития общества, для реализации которых используются ресурсы государственных органов управления. Безусловно, любой политический режим является результатом деятельности элитарных союзов, механизм взаимодействия которых определяет характер и стабильность политической системы. Изучение элит субъектов РФ, а также их коммуникаций с гражданами вызывает научный интерес, актуализируя проблемы взаимодействия представителей местных политических альянсов и бизнес-сообщества, так как от эффективности их сотрудничества зависит развитие регионов.

На процесс формирования региональной элиты влияет множество факторов: экономическая структура и потенциал территории, политика региональных руководителей, способность и готовность администрации государственных предприятий действовать в рыночной среде. Исследуя

анатомию российской элиты как социального класса, О.В. Крыштановская утверждает, что в 2000-х годах система их межгруппового и внутригруппового взаимодействия находилась в процессе образования, и для нее была характерна более высокая конкуренция с точки зрения особенностей социальной мобильности [1]. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, на постсоветском пространстве в целом политическое развитие объяснялось доминированием элитных групп в качестве акторов с присущими им интересами, ценностями и целевыми установками, мотивами и нормами внутриэлитных отношений [2, с. 17].

В числе особенностей современных российских элитных групп следует выделить закрытость, личную преданность вышестоящему руководству и лояльность к партийным интересам. Наличие сильной исполнительной власти обеспечивает симбиоз местных чиновников с бизнесменами, что часто оказывается автократичным: крупный бизнес контролирует не государство, а финансово-промышленные группы — на основе кланового принципа организации. В некоторых национальных образованиях масштабно развивается этнизация элитных слоев по линии численного превосходства представителей титульной нации. Результатом сращивания местных администраций и крупных предприятий явилось создание элитных групп с устойчивыми внутрирегиональными конструкциями, которые в отличие от федеральных, расчлененных на экономическую, властную, силовую и культурную составляющие, не в полной мере отражают реальную картину политикума в субъектах РФ.

Анализируя категориально-понятийный аппарат в изучаемой области (работы Р.Р. Галлямова [3, с. 165], Н.Ю. Лапиной [4, с. 154–165], В.П. Мохова [5, с. 140–141], Н.А. Тюкова [6, с. 86–87], А.Е. Чириковой [7, с. 16–19] и др.), можно определить региональную элиту как совокупность лиц и социальных слоев, действующих в масштабах субъекта РФ и участвующих в принятии решений, имеющих важное значение для политической, экономической и социальной сфер. Небезынтересна точка зрения В.И. Кучумова, в соответствии с которой региональные элитные кланы консолидированы, как правило, вокруг руководителей региональной исполнительной власти на основании отношений личной зависимости [8, с. 148]. О.В. Бахлова в специфике региональных элит видит их статусный дуализм: они являются проводниками общегосударственной политики и одновременно представителями региональных интересов, своеобразных групп давления [9].

Свое участие в политикуме элиты реализуют посредством прямого или косвенного участия в общегосударственных, региональных и местных структурах и политических организациях. Они оказывают определенное давление для принятия надлежащих политических решений, конвертируя накопленный символический капитал и «капитал связей» в политическое влияние. Наличие специфических признаков обуславливает не только разнообразие элитарных групп, но и локальную изменчивость, источники кадрового обеспечения и характер элитообразования.

При раскрытии сущности формирования модернизационной стратегии региональной власти необходимо упомянуть два основных типа элитной струк-

туры, выделенных М. Паренти, — унитарную и плюралистическую [10]. Первому типу свойственны относительная закрытость и длительность процесса продвижения кандидата в элитную группу, траектория которого осуществляется по определенным каналам и жестким правилам отбора через многочисленные фильтры, с ориентировкой на сохранение ее стабильности. Для второго характерна относительная открытость, которая развивается в условиях постоянной регенерации власти и бизнеса на основе конкурентных преимуществ и разнообразия идеологии. В качестве каналов продвижения региональных политэлит в обоих случаях выступают государственная служба федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления, а также федеральные, региональные и муниципальные бизнес-структуры. В меньшей степени здесь задействованы политические партии, общественные организации, средства массовой информации, учреждения образования, культуры и науки.

Различия в степени внутренней однородности системы взаимоотношений между менеджерами высшего звена, отмеченные М. Бартоном и Дж. Хигли, определяются двумя параметрами: структурной интеграцией, показывающей уровень вхождения региональных элит в систему отношений и устойчивость вертикальных внутренних связей; консолидацией элит в вопросах поддержки единого набора декларируемых ценностей и соблюдения корпоративного кодекса поведения их представителей [11].

С учетом изложенного можно выделить три типа элит. Во-первых, разрозненные элиты — группы, не достигшие компромисса относительно единых ценностей, что приводит к частым конфликтам, непрекращающейся борьбе за перераспределение власти, нестабильности и неэффективности политического режима. Во-вторых, элиты, объединенные целостной идеологией, которую не все представители могут разделять, но обязаны декларировать, с концентрацией основных властных полномочий в руках узкой группы членов политической верхушки. В-третьих, согласованные элиты, функционирующие в соответствии с единым кодексом поведения, ценностная основа которого не декларируется в открытой форме, а выражена в негласных правилах сосуществования в политической системе страны, нарушение которых не поощряется.

В России сформировалось несколько моделей отношений между административным корпусом и экономическими акторами, определяемых экономическим потенциалом региона, ресурсами местных руководителей, степенью консолидированности элиты и проводимой ею работой. При этом Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова, А.Н. Шохин, Е.Г. Ясин и другие политологи дифференцируют следующие их виды: «патронаж», «партнерство», «приватизация власти», «подавление» или «борьба всех против всех», «элитистская», «федеральный патронаж» [7, с. 85—94; 12, с. 285; 13, с. 134]. Безусловно, они не исчерпывают всего многообразия связей между ними, поскольку бизнес-сообщества избирают интегрированные стратегии делового поведения. В частности, Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова в числе таковых выделяют следующие формы политической коммуникации: стратегию «вынужденного партнерства»; «госу-

дарственную» стратегию; стратегию «дистанцирования от власти»; стратегию «непримиримых противников» власти [7, с. 94–97].

Тенденция массового проникновения представителей бизнес-сообщества на политическую арену, наблюдаемая в последнее время, стала системообразующим началом роста политического влияния деловых кругов в регионах. Принадлежность к бизнес-элите все чаще становится «пропуском» на поле политической борьбы истеблишмента. Несмотря на жесткую конкуренцию, ограниченность объемов финансовых ресурсов и невысокий уровень потребительских возможностей населения, с определенной долей уверенности можно заявлять о сформированности страты новых собственников и их заметной роли в общественно-политическом дискурсе. В рамках данного процесса происходит экспансия федеральных бизнес-структур в мезоуровневую политико-экономическую плоскость и расширение «коридора» участия местных предпринимателей в политике субъекта РФ. Необходимо также учитывать выборы региональных законодательных собраний, связывающих лидеров политэлиты и бизнеса. Они дают возможность бизнесменам лоббировать собственные интересы благодаря партийным спискам и оговоренным позициям.

Согласно результатам исследования мотиваций бизнесменов относительно их стремления получить места в законодательных собраниях региона, отраженных А.Е. Чириковой, раскрыта тенденция предпринимателей не к политической деятельности в представительном органе государственной власти, а к продвижению интересов развития собственного дела и установлению необходимых связей в обмен на политическую лояльность [14, с. 103]. При поверхностном анализе партийно-политического сегмента регионов можно видеть рекрутирование политической и бизнес-элиты в «Единую Россию», что говорит об усилении позиций федеральной исполнительной власти в процессах контролирования общественно-политической обстановки на местах. Так осуществляется обмен ресурсами: влиятельные политики и предприниматели сосредотачивают часть своих средств в поддержку «партии власти» для протекции и преференций от федерального центра.

Современное взаимоотношение элит происходит по сценарию трансформации модели «бизнес как власть» в модель «власть как бизнес», при которой разбалансировка политических кланов в первую очередь затрагивает интересы бизнес-элит. При пертурбациях во власти предпринимательское сообщество вынуждено искать иные форматы рабочих отношений с органами местного управления. Одновременно наблюдается инициатива властных структур субъекта РФ по построению партнерских отношений с крупными предприятиями и инвесторами, имеющими серьезный вес в регионе.

Существенной проблемой, сложившейся в системе межбюджетных отношений, является несоответствие финансовых обязательств субъектов Федерации и местного самоуправления возложенным на них функциям. В результате, по предположениям А.А. Сурцовой, региональные политэлиты вынуждены прибегать к «квазифискальным» практикам взаимодействия с бизнесом [15].

Стратегия подобных отношений, на взгляд М.В. Курбатовой и С.Н. Левина, нацелена на поиск компромисса, когда государственные органы управления объявляют неформальные правила, при которых деятельность экономических акторов должна помогать развитию региона, если они хотят здесь работать [16]. В свою очередь, бизнесмены научились извлекать из этого прибыль посредством продвижения собственной продукции, широкого освещения в средствах массовой информации и лояльности к представителям политэлит. Безусловно, для этого последние должны иметь огромный авторитет у населения.

Градообразующие предприятия, обладающие большими ресурсами по сравнению с бюджетом города, могут диктовать условия инвестирования социальной сферы. Как считает Э.А. Аракелян, до настоящего времени отношения власти и бизнеса формировались в «треугольнике»: «федеральные партнеры — собственники предприятия — региональная власть» [17]. Создание крупных корпораций приводит к выпадению региональной ветви власти из сферы влияния. Капиталоемкие и мобильные межрегиональные компании в случае возникновения конфликта с властями одного региона могут свернуть свой бизнес без особых потерь и перенести его в другой, тем самым принося финансовые убытки для первого.

На основе доминирования политических или экономических приоритетов выделяются две группы субъектов РФ. В регионах первой группы — универсальных — преобладает политический фактор; второй группы — экономический капитал конвертируется в политическое влияние. Примером процессов, происходящих в первой группе, может служить формирование сообщества «универсалов» в Мордовии, где определяющей является принадлежность к команде действующего лидера [2, с. 25—65].

Стиль политического лидерства в рамках региональных команд управления в Республике Мордовия (РМ) нередко близок к авторитарному. Сложившаяся модель политической культуры обусловлена присутствием этнически консолидированных влиятельных групп. В структуре элитного клана выделяются эрзянско-восточная, мокшанско-западная, русско-городская и татарская властные группы. Степень доминирования среди них определяется этнической принадлежностью первого государственного лица. В данный момент преобладающие позиции занимает часть мокшанско-западного альянса, объединившегося вокруг лидеров республики: Н.И. Меркушкина (1995—2012 гг.) и В.Д. Волкова (с 2012 г. по настоящее время).

Вхождение в состав политэлиты через предпринимательскую деятельность в республике возможно, но не пользуется популярностью. Значительная часть бизнес-элиты наделена некоторыми властными полномочиями, а функции единого управляющего центра в политической и экономической сферах выполняет глава региона. Кроме того, руководство наращивает свое присутствие в экономике. Перечень методов и механизмов внутригрупповой клановости включает, наряду с функциональной и должностной подчиненностью, компромиссные технологии диалога в формате неофициальных отношений.

В Мордовии проводится мониторинг взаимодействия политической и бизнес-элит, результаты которого с периодичностью раз в два года публикуются в аналитических докладах под патронажем Общественной палаты РМ [18].

Взаимоотношения лидеров предпринимательских и государственных структур в Мордовии представляют разветвленную систему, императивом функционирования которой является успешное экономическое развитие и создание новых производств [19, с. 51–59]. Солидарная практика отношений с Госсобранием РМ, Правительством РМ, министерствами и ведомствами, консультативная и материальная поддержка со стороны федерального органа и его структур позволяет власти результативно влиять на общественно-политические процессы. Площадками для защиты интересов бизнесменов являются Комиссия Общественной палаты РМ по экономическому развитию и поддержке предпринимательства, Министерство торговли и предпринимательства РМ, Комитет Госсовета РМ по экономической политике, предпринимательству и собственности. Одним из весомых итогов их совместной деятельности в регионе стала разработка дорожной карты по внедрению Стандарта деятельности органов исполнительной власти по улучшению инвестиционного климата, осуществляемая под кураторством федерального Агентства стратегических инициатив.

К институтам, представляющим интересы бизнес-элит в Мордовии, относятся некоммерческие объединения предпринимателей: Совет предпринимателей при главе РМ, а также советы предпринимателей при администрациях муниципальных районов и г. Саранска. Деятельность подобных органов направлена на реализацию государственной политики в бизнес-среде и обеспечению его господдержки на муниципальном уровне.

Рассмотрим также категорию региональной элиты, которая не занимает постоянных оплачиваемых должностей в структурах власти, но тем не менее оказывает влияние на политический процесс. Это представители локальных общественных организаций, региональных отделений федеральных структур и т.п. Интересы бизнес-элиты в ключевых секторах экономики выражает региональное объединение работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Республики Мордовия» (СПП РМ). В его состав входят лидеры крупных промышленных предприятий, ведущих банков, строительных и научных организаций, предприятий АПК, общая деятельность которых направлена на расширение правовой основы развития партнерских отношений в социально-экономической сфере. Представительства СПП РМ действуют практически во всех региональных комиссиях и советах.

Важное место в системе общественных объединений занимает также Мордовское региональное отделение «ОПОРА РОССИИ» (МРО «ОПОРА РОССИИ»). Практика его ежедневной работы заключается в защите прав, интересов бизнеса, разработке и продвижении инвестпроектов, подготовке образовательных программ и т.д. В работе задействованы руководители градообразующих предприятий, которых объединяет умение выстраивать отношения с представителями власти. Члены отделения входят в Общественные советы при Прокуратуре РМ, Управлении Федеральной антимонопольной службы

по РМ, Совете предпринимателей городского округа Саранск. Стратегически важным решением в данном контексте является подписание соглашений о взаимодействии между бизнес-омбудсменом и территориальными федеральными структурами. Тем самым при поддержке руководства Мордовии был создан надежный механизм защиты прав предпринимательского сектора, в том числе на муниципальном уровне.

Среди представителей бизнес-элиты значимое место занимает и Мордовское региональное республиканское отделение Всероссийской общественной организации «Деловая Россия» (МРРО ВОО «Деловая Россия»). Ее активисты входят в состав Общественного совета при Общественном представителе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РМ, Совета по улучшению инвестиционного климата в РМ, Регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”», Совета предпринимателей при администрации г.о. Саранск, Экспертной группы по мониторингу, апробации и внедрению Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ, Совета потребителей по вопросам деятельности субъектов естественных монополий РМ, Общественного совета при Министерстве экономики РМ.

Обозначенные структуры, востребованные в условиях выстраивания вертикали власти и равноудаленности бизнеса от государства, постепенно интегрируются в новый политико-институциональный порядок. Учитывая специфику групповой структуры политико-экономических элит регионального характера, можно констатировать отчетливый тренд сосредоточения политических и экономических ресурсов в одних руках и формирования политико-финансовых олигархических конгломератов на основе союза районных администраций и бизнеса. Представители бизнес-элиты принимают активное участие в политике, обеспечении прочного диалога с лидерами всех уровней власти, придавая новый импульс укреплению общественного согласия и партнерства в республике.

Сопоставление внутриэлитных групп Мордовии показывает, что независимо от критериев внутригрупповой консолидации (семейные связи, родственные и земляческие отношения, идеологическая близость, опыт совместной работы и т.п.) обязательным условием их сплоченности остается личная лояльность главе клана. Этим объясняются соблюдение жесткой иерархии и абсолютизации мнения первого лица в среде элитарного сообщества.

Политическая модернизация России ориентирует региональных акторов государственной власти на поддержку местных бизнес-корпораций и обеспечивает лояльность федеральных структур. Отсутствие мобильности элиты в республике может привести к кадровому застою, вероятность наступления которого снизится за счет капитализации финансово-промышленных групп и экспансии в экономику межрегиональных бизнес-групп, заинтересованных в интеграции. В целом многоаспектность процессов становления элитных групп в субъектах РФ детерминирована особенностями предпринимательских структур, недостаточно консолидированных и имеющих конфор-

мистскую точку зрения на общественные проблемы. Это требует форсированного применения механизмов государственно-частного партнерства для выработки адекватной модели их взаимодействия в региональном концепте, использования инструментов политической коммуникации и выстраивания обратной связи.

Библиографический список

1. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.
2. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции. М., 2006.
3. Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февр. 1998 г.). М., 1999.
4. Лапина Н.Ю. Бизнес и политика в современной России: проблемы взаимодействия // Элиты в сравнительно-исторической перспективе: Политическая наука: пробл.-тематич. сб. М., 1998. Вып. 4.
5. Мохов В.П. Институциональные и социальные факторы регионализации элит в России // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февр. 1998 г.). М., 1999.
6. Тюков Н., Запеклый А. Элиты российских регионов – формирование и развитие // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февр. 1998 г.). М., 1999.
7. Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в Российской Федерации: модели поведения и политические ориентации. М., 1999.
8. Кучумов В.И. Особенности формирования региональных элит в современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 44.
9. Бахлова О.В. Региональные элиты в условиях трансформации политических механизмов управления территориальной системой постсоветской России // Вестник ПАГС. 2010. № 4.
10. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.
11. Burton M., Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, 2006.
12. Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия. М., 2011.
13. Модернизация экономики России: Социальный контекст: в 4-х кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2004. Кн. 4.
14. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М., 2010.
15. Сурцева А.А. Региональный социальный контракт власти и бизнеса (на примере Кемеровской области) // Журнал институциональных исследований. 2011. № 3. С. 94–102.
16. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 1. С. 27–50.
17. Аракелян Э.А. Региональные элиты в процессе экономического развития субъектов Российской Федерации (на примере ЮФО) // Научный эксперт. 2007. № 3. С. 29–38.
18. Официальный сайт Общественной палаты Республики Мордовия. Доклады. URL: <http://oprm.e-mordovia.ru/content/view/2740>
19. Развитие гражданского общества в Республике Мордовия в 2013–2014 годах: аналит. доклад. Саранск, 2015.

A.A. Landerova

**Crisis Discourse of the Power:
the Reliance on Traditional Values**

The President's discourse is studied to reveal the archetypes of political culture. Basic images emphasized by the current authority in addresses to form support and consolidation of the population are analyzed. The frameworks of the modern national idea are specified.

Keywords and word-combinations: political culture, values, archetypes, national idea, crisis discourse, RF President, V.V. Putin.

Исследуется президентский дискурс для выявления в нем архетипов политической культуры. Анализируются основные образы, на которые делает упор современная власть в своих выступлениях для формирования поддержки и сплочения населения. Определяются контуры современной национальной идеи.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, архетипы, национальная идея, кризисный дискурс, Президент РФ, В.В. Путин.

УДК 316.75:32
ББК 66.05

А.А. Ландерова

**КРИЗИСНЫЙ
ДИСКУРС ВЛАСТИ:
ОПОРА НА ТРАДИЦИОННЫЕ
ЦЕННОСТИ**

Современная геополитическая обстановка требует от Российского государства новых идейных основ. Ученые и политики пришли к выводу, что столкновение мировых держав теперь будет носить ценностный характер, при этом прежние идеологические концепты отошли на второй план. По сути, речь идет о разных политических культурах с разными доминантами [1]. Отсюда и разные национальные стратегии и идеи. Исследовательская методика как взгляд на политику через призму коммуникативного подхода позволяет по-особому проанализировать политическую культуру с помощью дискурса. Архетипы политической культуры передаются посредством определенных коммуникативных структур или языка. Как создавались транслируемые образы — вопрос скорее исторический. В политологическом же аспекте интересно, на какие особенности политической культуры делают акцент представители современной власти в своих публичных выступлениях, чтобы добиться поддержки и сплочения населения, и почему? Главная задача дискурс-анализа — выяснить причины наличия в дискурсе определенных элементов [2]. Дискурс власти строится на основе нескольких главных образов, или архетипов, олицетворяющих коллективное бессознательное граждан. Через него можно определить важные элементы национальной идеи государства, которая может быть

сформулирована в ряде официальных государственных документов, а также в речах и текстах официальных выступлений политических лидеров.

Выбор информационных ресурсов для дискурс-анализа в данном исследовании имеет свою логику и методологию. Значение публичных выступлений политических лидеров трудно переоценить. Сконструированные речи создают символический образ политической реальности. Они содержат ценности, которые формируют основу для взаимодействия между огромными разнородными группами людей, обуславливая образ мышления и поведения индивидуумов и масс. Президент России довольно часто в своих речах подчеркивает значимость традиционных для российского общества ценностей, чем вызывает недовольство на Западе. Защита традиционных ценностей основана на понимании того, что они являются базой для модернизации страны.

Выбор выступлений Президента РФ обусловлен следующими факторами: кризисной направленностью; масштабностью (проблематика касается всех слоев населения без исключения); популярностью в соответствии с вызовами времени; доступностью и открытостью (параллельно с пиаром в СМИ); политико-идеологической ангажированностью речи; способностью оказать реальное влияние на умы в силу особой формы подачи (имеется в виду, что специально созванная пресс-конференция привлечет больше внимания, чем небольшой комментарий на очередном совещании). С учетом указанных факторов тексты речей рассматриваются в широком контексте: во-первых, как форма социального взаимодействия власти и общества; во-вторых, как феномен, имеющий особый статус в России и мире; в-третьих, как набор архетипов, необходимый для политического единства в основной массе населения страны.

Дискурс В.В. Путина как политического лидера имеет свои особенности и идеологические рамки, которые диктуются политической принадлежностью и накладывают отпечаток на выбор языковых средств. В марте 2014 г. в Кремле состоялось официальное обращение Президента РФ к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов и представителям гражданского общества по вопросу вхождения Крыма в состав Российской Федерации [3]. Основным тезисом выступления, на наш взгляд, можно считать фразу: «Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмется». Здесь четко просматривается позиция России в современном мире, вызов мировому сообществу, а также серьезная заявка на мировое лидерство, спустя почти четверть века после распада СССР. Данную речь совершенно справедливо можно считать призывом граждан к сплочению, попыткой вызвать сильные эмоции, всколыхнуть в сознании граждан чувства величия, а также ценности мессианизма и российского традиционализма. Свидетельствует об этом и постоянное употребление прилагательного «общий», например: «общее достояние», «общая история».

Выступление Президента РФ содержит ряд противоположных, казалось бы, тезисов: постоянные ссылки на международное право, международный опыт, а также цитирование документов (Устав ООН, Письменный мемо-

рандум США) сочетались с употреблением разговорных слов и выражений («нагнули всех», «междусобойчиком») при опоре на лозунги, имеющие, на первый взгляд, националистический характер («Крым — исконно русская земля, а Севастополь — русский город»). Действительно, обращает на себя внимание частое употребление слово «русский», а не «россиянин» или «российский». Однако при более глубоком изучении смысла становится понятным подобный факт: Президент РФ намеренно делает акцент на русских как государствообразующую нацию при сохранении свободной жизнедеятельности представителей других этносов на территории России. Единство народов России, многонациональность государства является не просто данностью, но и преимуществом. В.В. Путин подчеркивает сохранение определенной самобытности всех этносов, словно противопоставляя опыт России неудавшейся политике мультикультурализма западного мира. При этом подчеркивается мученическая судьба русского народа, который, столкнувшись с «вопиющей исторической несправедливостью», «стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделенным народом в мире».

Характерной чертой выступления является расстановка акцентов на определенных фактах и деталях. Речь не идет об искажении или фальсификации данных: имеется в виду подчеркивание выгодных обстоятельств и умалчивание невыгодных. При этом стоит отметить конкретность обращения к целевой аудитории. Выделяется ряд основных групп: народ России, граждане Крыма, народ Украины, «западные партнеры во главе с США», «партнеры на Востоке». Речь Президента РФ по отношению к каждому из них весьма продуманна и корректна. Натовские моряки — «отличные парни», а антипатия к Украине касается только власти, но никак не «братского народа». Для характеристики политики России по отношению к другим государствам и народам В.В. Путин использует следующие существенные: доверие, честность, интеграция, консолидация. Политика западных стран оценивается как «навязывание стандартов». Безответственность, грубость, непрофессионализм, давление — характеристики практической политики Запада.

Ключевой момент речи заключается в демонстрации новой глобальной стратегии России, когда главная перемена происходит в оценке собственных сил и возвращении уверенности в своем праве. Политика на постсоветском пространстве выражается у В.В. Путина формулой: «...стремление русского мира, исторической России к восстановлению единства». Речь «пропитана» патриотизмом и призывом к защите национальных интересов.

В августе 2014 г. В.В. Путин принял участие в молодежном образовательном форуме «Селигер — 2014» [4]. Сразу обращает на себя внимание стиль разговора Президента РФ — исключительно от первого лица. Естественно, это объясняется форматом мероприятия. Вместе с тем можно выделить плюсы и минусы подобного стиля. Повествование ряда событий от первого лица воспринимается более правдоподобным и настраивает слушателей на открытый диалог и лояльность. Особо стоит выделить субъективность, которой не избежать в подобном формате общения. Однако самым сложным, на наш взгляд, является то, что говорящий должен иметь непосредственное отношение к

тому, о чем идет речь: присутствовать в определенных местах, решать конкретные задачи и т.д. Естественно, что для первого лица государства вряд ли это невыполнимая задача. Наряду с этим в выступлении можно найти множество подтверждений нашего тезиса: частое употребление при ответе на вопросы фраз «боюсь ошибиться в цифрах», «Бог его знает», «не уверен», «по-моему», «наверное», «не уверен». Но все это не мешает политике выглядеть вполне осведомленным во всех вопросах.

Основная тема, заявленная Президентом РФ, — место России в мире и пути ее развития. В.В. Путин отмечает, что геополитика всегда находится в основе интересов любого государства. Во время выступления был затронут широкий спектр проблем, каждой из которых дается своя оценка и решение: конфликт на Украине есть результат государственного переворота; Россия уберегла Крым от войны; перспективность развития Арктического региона; эффективность ООН определяется необходимостью ее реформирования; существование оппозиции в России подтверждается активной борьбой в периоды избирательных кампаний; важность экономики для развития общества, ее взаимосвязь с политикой.

Забота о судьбе страны и предотвращение национальной катастрофы — вот основная задача власти в настоящее время. Стабилизация экономики непременно сопутствует данной цели. Таким образом, Президент РФ вновь выступает в роли защитника русских во всем мире. Данный контекст свидетельствует о русском патриотизме и русском национализме в положительном смысле. Отсюда утвердительные выражения В.В. Путина о том, что нужно «укреплять федерализм в России, учитывая интересы всех граждан страны, где бы они ни проживали, учитывать их национальные, исторические, религиозные, культурные особенности». Защита Крыма строилась на восстановлении исторической справедливости, обеспечении свободного волеизъявления крымчан, которые представляются настоящими патриотами и которые демократическим способом решили судьбу своей республики. Тем самым в речи политика улавливается прямая ссылка на гарантии целостности Российской Федерации в ближайшем будущем.

На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. В.В. Путин подтверждает тезис об изменении статуса государств в современном мире, говоря о «новых правилах игры» и «эрозии существующей системы институтов», затрагивая понятие «национального суверенитета», не забывая про культурный аспект проблемы [5]. В качестве новых угроз выделяются конфликты на этнической, религиозной, социальной почве. При всем доминировании экономических ценностей в системе политических представлений В.В. Путина тематика культурного взаимодействия выделяется лидером наряду с политикой и экономикой.

В традициях политической культуры Президент РФ дает жесткие оценки странам Запада и их политике, противопоставляя их России. Основными характеристиками Запада выступают такие понятия, как «самоуверенность», «навязывание шаблонов», «доминирование», «неустойчивость», «неэффективность», «самоназначенный лидер», «нажим», «разочарование», «давление».

ние», а также конкретные обвинения в «финансировании и снабжении» боевиков. Данные оценки в первую очередь относятся к США, однако часто В.В. Путин обобщенно характеризует так «западный мир». Происходит явное смешение понятий, одной из причин которого, на наш взгляд, становится нежелание называть конкретные страны (кроме США), дабы не портить отношения с континентальными соседями, видя в них опору. При этом наличие врага является обязательным условием при разговоре о собственной исключительности.

Откровенность оценок современной политической обстановки в мире, данных Президентом РФ в этом выступлении, позволяет обозначить тезис о том, что Западу не по плечу мировое лидерство. В связи с этим политик открыто говорит о планах России наращивать свое влияние в мире, несмотря на политику США. Очень жестко прозвучала фраза «Медведь никого спрашивать не станет». При этом не подвергается сомнению историческое прошлое: В.В. Путин открыто называет Россию правопреемницей Советского Союза. Присутствует частое обращение к наследию Второй мировой войны и ее урокам. В речи политика часто звучат призывы «задаться вопросом», «обратить внимание», «не забывать уроки истории», «откровенно спросить друг друга», «начать договариваться», проskalзывают советы и рекомендации. Вся речь пропитана «духом спасения мира», а сам Президент РФ вновь выступает в образе спасителя, характерном для ментальности россиян.

Подчеркивая суверенность каждого государства, политик негативно характеризует однополярную, двуполярную, многополярную модели мира, описывая настоящее состояние мира как «период умолчаний под давлением правового нигилизма». Сложное устройство современного миропорядка, взаимозависимость мира должны основываться на уважении каждым государством прав, связанных с суверенитетом на принципах доверия, — вот новая модель мира, по В.В. Путину. Позиция России не ставится под сомнение («Россия сделала свой выбор», мудрость ее решения не вызывает сомнений («Россия неоднократно предостерегала»). На наш взгляд, подобные выражения пропитаны амбициозностью и независимостью. Роль мирового арбитра — это то, на что претендует Россия в современном мире исходя из выступления Президента.

В.В. Путин попытался опровергнуть разговоры о незаменимости его как высшего политического лидера России. Основной акцент был сделан на духовную связь с Россией, ее народом и землей. Величие же страны останется независимо от его ухода с политической сцены. Тем самым Президент РФ вновь корректно обошел разговор об имперских традициях, о своем политическом имидже, отведя себе скромную часть служения на благо народа.

Речь политика отличается наличием ряда повторов — как тавтологий, так и прямых дословных повторений. В данном случае их употребление никак нельзя считать элементом засорения речи. Они служат выделением особой значимости отдельных смысловых единиц. Вопреки характеру дискуссии В.В. Путин использует слова со стилистической окраской «разговорное»: «орали все», «красавец тоже», «притащить за шиворот», «ищи ветра в поле»,

«никто пикнуть не успел», употребляет пословицы и поговорки, например: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Выступление на Валдайском форуме носит деловой рациональный характер. Наряду с использованием повторов и синонимии для него характерна явная логичность изложения, прямота, последовательность (во-первых, первое, следующее и т.п.). Постоянное употребление «мы» плотно связывает лидера с его государством и народом. Концептуальность текста подтверждается использованием доказанных идей, которые не нужно обосновывать. Отсюда ссылки на «опыт цивилизованных стран». Несмотря на целую серию ярких и довольно жестких заявлений, позиция Президента РФ выглядит как спокойная, уверенная.

В декабре 2014 г. состоялось очередное обращение В.В. Путина к Федеральному Собранию РФ с ежегодным Посланием [6]. Одиннадцатое Послание вполне лаконично по содержанию и длилось около часа. Вступительная часть Послания по аналогии со многими речами Президента РФ подобного масштаба имеет довольно эмоциональный характер: он обращается к чувствам слушателей. «Наша страна сделала это благодаря вам, граждане России. <...> Мы осознали неразрывность, цельность тысячелетнего пути нашего Отечества. И мы верим в себя». Политик часто оперирует такими нравственными идеалами, как правда, справедливость. По-видимому, именно они должны найти отклик в обществе и стать ответом на общественные ожидания. При этом апелляция к ним происходила в контексте разговора о международных проблемах.

Обращает внимание и упоминание христианства в качестве «мощной духовной объединяющей силы, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира». Президент РФ вновь подчеркивает многоликость русской нации, множественность народов, составляющих ее. В.В. Путин поддерживает различные формы интеграции, в том числе подразумевающие «свободное передвижение людей» или мигрантов, а также нежелание идти по пути национальной «самоизоляции и ксенофобии». Единство народа, по словам политика, неразрывно связано с духовностью, верой, христианством. Небольшой экскурс в историю Крещения Руси добавляет особый смысл: связь народов России помимо общего языка и элементов культуры подкрепляется общей историей, несмотря на этническое многообразие, поэтому в «по-настоящему суверенном и сильном государстве» сложилась «зрелая, сплоченная нация».

Религиозная тематика прослеживается и в оценке значения Крыма для России: «И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм». Стоит отметить, что Послание произносилось в двенадцатый православный праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы.

Около трети выступления Президента РФ заняла тема современной международной обстановки. Более половины Послания посвящено проблемам

экономики, промышленности, бизнеса, сельского хозяйства, налогам. Политиком предлагаются конкретные меры для роста ВВП страны. Очевиден акцент на его личном участии в разработке реформ. «Мы вчера с Председателем Правительства дискутировали на эту тему», — говорит Президент РФ в контексте проблемы расходования государственных средств на капитальное строительство. Рассуждая о дошкольном образовании, В.В. Путин констатирует: «Мы вчера тоже говорили с коллегами из Правительства, надо решить и задачу <...> с дошкольными учреждениями».

Характерной чертой речей Президента РФ являются ссылки на известных русских ученых и философов. В данном Послании используется цитата И.А. Ильина, содержащая призыв любви к России, к свободе и единству.

Национальный вопрос упоминался В.В. Путиным исключительно в контексте внешних проблем. По его словам, «национальная гордость» является для России «не роскошью», а основным условием существования в современном мире. Не возникает сомнений в том, что в России существует «зрелая сплоченная нация», которая «готова принять любой вызов времени и победить».

Итак, в Послании Президента РФ прозвучали два важных концептуальных момента. Во-первых, идеологические обоснования внешней политики, в частности присоединения Крыма: территория важна как религиозный объект, место крещения князя Владимира, который принес на Русь христианство. Во-вторых, это ясная формулировка государственной идеологии: «консерватизм» со «свободой предпринимательства и частной собственностью», при этом упомянутые ценности ставятся на один уровень с патриотизмом.

18 декабря 2014 г. состоялась ежегодная пресс-конференция В.В. Путина, посвященная итогам работы за год [7]. Большинство вопросов, как и ожидалось, было посвящено текущей экономической ситуации в стране, падению курса рубля и дальнейшим прогнозам. После короткого вступительного слова и приветствия Президент РФ приступил к отчету о результатах работы за год. Отметим, что ответы В.В. Путина на вопросы о внешней политике были гораздо четче и яснее, чем по внутренней.

Чтобы понять истинный смысл сказанного Президентом РФ на ежегодной пресс-конференции, следует обозначить основные цели, которые он поставил. Долгосрочная: продолжить донесение и разъяснение населению страны основных элементов реализуемой им политики, что он и делает на протяжении нынешнего срока полномочий. Среднесрочная: вовлечь население в реализацию проводимой политики, включая понимание и принятие гражданами действий его как главы государства, а также пробудить желание участвовать в общественно-политическом процессе. Краткосрочная: избавиться от паники по поводу курса рубля и ситуации в экономике.

В.В. Путин пытается доказать, что у него есть стратегический план действий, что он не будет отступать от него из-за сиюминутных «кризисов», и населению страны стоит поступать так же. Интересны ссылки Президента РФ на свои личные человеческие качества, ценности семьи, любовь и сострадание. Говоря об освобождении М. Ходорковского, В.В. Путин заявляет: «Знаете,

мама — это святое дело, я сейчас без всякой иронии говорю...». Глубина воздействия данной фразы на аудиторию сомнений не вызывает.

Отметим также оптимистичный настрой Президента РФ, который становится неким посылом для людей, стратегической амплитудой, указателем на развитие, устремление и в конечном счете на «светлый путь» развития.

Таким образом, особенности президентского дискурса рефлексировать изменения общественно-политической жизни страны, изменения ценностной базы, позволяют увидеть движение общественно-политических процессов. В выступлениях В.В. Путина российское общество представляется как единое. Политик не пытается «порвать» с историческим прошлым, в том числе советским. В речи Президента РФ можно обнаружить ряд приемов пиар-технологий, пропаганды, манипуляции, используемых для облегчения понимания и усвоения речи: расчлененность текста, повторы, структурирование, определенная длина предложений. Политик использует приемы рациональной политической аргументации, обосновывая свои суждения числовыми данными, общепризнанными фактами, историческими материалами. Политический дискурс В.В. Путина содержит словосочетания, выражающие основные политические ценности современной России: «достойная жизнь», «сильное государство», «политическая и экономическая стабильность», «великая держава», «социальная политика», «единство страны». Патриотизм — необходимая общественная ценность — становится основой дискурса Президента РФ как высшего политического лидера.

При изучении речей В.В. Путина обратим внимание еще на один момент. Ошибочно считать официальные речи Президента РФ просто планом задач на год или подведением итогов прошедшего года. Все они отражают общую стратегию развития России, продвигаемую политиком. Каждая из этих речей является ее частью, то есть озвучивание единой стратегии происходит постепенно, поэтапно. Все выступления представляют собой инструмент воздействия на сознание граждан, с их помощью можно задать нужное направление развития общества. В результате должен быть достигнут определенный уровень понимания у всего народа, каким путем должна развиваться Россия.

Библиографический список

1. *Фомин О.Н.* Политическая культура как фактор политического процесса статья // *Власть.* 2012. № 3.
2. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
3. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации 18 марта 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/20603>
4. Стенограмма выступления на молодежном форуме «Селигер – 2014» 29 августа 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46507>
5. Стенограмма выступления перед участниками заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>
6. Стенограмма Послания Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>
7. Стенограмма пресс-конференции В.В. Путина 18 декабря 2014 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/47250

A.A. Makarov

Improving the State Regulation Policy of Labor Market and Employment (Case Study of the Bryansk Region)

An analysis of employment of the Bryansk Region population is drawn. The specificity of regional employment is considered. Directions of the state policy correction in the field of labor market and employment regulation are proposed.

Key words and word-combinations: regional labor market, employment management, public policy.

Приводится анализ занятости населения Брянской области. Рассматривается специфика региональной занятости. Предлагаются направления корректировки государственной политики в области регулирования рынка труда и занятости.

Ключевые слова и словосочетания: региональный рынок труда, управление занятостью населения, государственная политика.

УДК 331
ББК 65.24

А.А. Макаров

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ
(на примере Брянской области)**

Транзитивные процессы изменения государства, экономических и социальных отношений оказали сильнейшее влияние на все аспекты жизни населения страны. Переходные процессы от плановой экономики к рыночным отношениям, при отсутствии регулирования со стороны государства, хаотично формировали занятость населения и запросы рынка труда. Подобная практика довольно быстро привела к дисбалансу рынка труда, массовой безработице, несогласованию интересов субъектов рынка занятости. Подъем экономики государства в 2000-х годах способствовал относительной стабилизации рынка труда, снижению безработицы за счет возрождения старых и формирования новых рабочих мест, увеличению спроса со стороны работодателей. В свою очередь, это привело к обострению ряда проблем, требующих вмешательства и регулирующего воздействия со стороны государства, в том числе и на региональном уровне.

Определяющей проблемой интенсификации рынка труда и занятости является выявление ограничений занятости [1]. Одним из важнейших ее ограничений является демографический фактор, так как с 2006 г. трудоспособное население сокращается, и эта тенденция сохранится. Отдельные проявления данного процесса выражаются в де-

фиците одного из двух основных факторов производства — рабочей силы, что вызвано структурным дисбалансом отраслей в современной российской экономике. Подтверждением тому служит количество свободных рабочих мест банка вакансий Федеральной государственной службы занятости населения по Брянской области. Коэффициент напряженности на рынке труда (количество безработных граждан на одну вакансию) на конец 2005 г. составил 2,9 чел., в 2010 г. — 2,3, в 2011 г. — 1,5, в 2012 г. — 1,2, в 2013 г. — 0,7 чел. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе, при сохранении сложившейся динамики, на локальных рынках труда могут образовываться зоны вакуума потребностей рынка по отдельным профессиям или отраслям занятости.

Отметим, что по районам Брянской области наблюдается большое расхождение значений показателя количества граждан, обратившихся за поиском работы в органы службы занятости в 2014 г., которые в сопоставлении с данными по снижению коэффициента напряженности на рынке труда только подтверждают изложенную ранее теорию. Разброс данных по районам области, отражающих запрос трудоустройства в процентном соотношении от общей численности экономически активного населения, составляет от 4,1 до 11.

Серьезным фактором, влияющим на состояние безработицы в области, остается рассогласование спроса и предложения на рынке труда, а также по-прежнему низкий уровень оплаты труда для значительной части заявленных в учреждения службы занятости вакансий, что не позволяет в минимально короткие сроки обеспечить их замещение и сбалансировать рынок. Так, в течение 2013 г. работодателями заявлены 67,3 тыс. вакансий, что на 5,2 тыс. вакансий больше, чем 2012 г., из них 47% с заработной платой до 10 тыс. руб. (в 2012 г. — 60%).

Ситуация на рынке труда области по показателям длительности безработицы и доли безработных, состоящих на учете более одного года, характеризует государственные регулятивные механизмы сферы как недостаточно эффективные. По результатам анализа статистических данных установлена тенденция предпочтения работодателями самостоятельных технологий подбора кадров, в службы занятости обращаются лишь 30–35% от числа нуждающихся в работниках.

Число работодателей, воспользовавшихся услугой подбора кадров, на начало 2014 г. составило 14%. Наибольшая доля работодателей, обратившихся в службу занятости, зафиксирована в Климовском — 49,1%, Гордеевском и Рогнединском районах — по 38,2%, г. Сельцо — 36,1%; наименьшая — в г. Брянске — 6,6%. Приведенная статистика также указывает на неоднородность и рассогласование рынка труда и имеющиеся трудности у работодателей по замещению вакансий в зависимости от района области. Основную долю среди заявленных вакансий составляют рабочие профессии — 75%, или 55,9 тыс. вакансий из 74,6 тыс. вакансий, заявленных с начала 2013 г.

Проанализировав среднемесячную заработную плату по вакансиям, имеющимся в органах государственной службы занятости, делаются выводы о

рейтинге наиболее высокооплачиваемых профессий: специалисты в сфере управления (до 100 тыс. руб.); в сельском хозяйстве: коневод, комбайнер, технолог (30 тыс. руб.); в строительной отрасли: начальник участка, кровельщик, мастер, прораб, бетонщик, электросварщик, крановщик, электрик (30 тыс. руб.).

В структуре вакансий доминирует спрос на рабочие профессии (81,1%): это электрики, трактористы, токари, столяры, плотники, продавцы, каменщики, водители. Приоритетом у работодателей пользуются работники, специалисты, способные выполнять комплекс работ или имеющие несколько специализаций (профессиональных навыков): слесари-сантехники, слесари-ремонтники, электрогазосварщики. Среди служащих работодатели отдают предпочтение специалистам, имеющим высокую квалификацию и опыт работы: врачам, ветеринарным врачам, программистам, инженерам различного профиля, бухгалтерам. На рынке труда также пользуются спросом такие профессии, как страховой агент, менеджер, медицинская сестра.

Функционирование рынка труда зависит от структуры занятости по отраслям народного хозяйства и уровня использования рабочей силы, который предусматривает механизацию и автоматизацию производства, повышение квалификации работников. Наличие большого удельного веса молодежи в числе безработных области находится в резком противоречии с существующим экономическим положением, поэтому люди ищут разные выходы из сложившейся ситуации: путем миграции, которая маловероятна из-за сложности перемещения места жительства; занятости вахтовым методом (в расположенных рядом мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге предлагается большое количество рабочих мест с приемлемой заработной платой); челночной миграции, позволяющей часто совмещать работу на предприятии и занятость в торговле в выходные дни.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторый подъем рынка труда по сравнению с предыдущими периодами, запросы экономики и рынка труда не удовлетворяются встречными предложениями со стороны образования. В этих теоретически взаимосвязанных отраслях, как и ранее, нет согласованности в действиях. Последние несколько лет не меняются тенденции и направления подготовки кадров в системе высшего профессионального образования: необоснованно увеличивается количество обучаемых специалистов по экономическим и гуманитарным направлениям; на постоянном уровне находится численность подготовки специалистов сферы строительства, сельского хозяйства; снижается численность подготовки кадров по инженерно-техническим специальностям.

Все это приводит к рассогласованию предложения рабочей силы со стороны образования и потребности в ней со стороны экономики. Образовательная система наращивает прием абитуриентов по направлениям подготовки, которые избыточно представлены на рынке труда, хотя по востребованным рынкам специальностям прием абитуриентов снижается. Это обусловлено пассивной и недальновидной государственной политикой на рынке труда, ко-

торая в настоящее время «исповедует» принцип саморегуляции, имеющей в основе принцип регуляции рыночной системы. Очевидно, что устаревшие методы государственного регулирования сферы труда не учитывают таких, на наш взгляд, возросших возможностей регулятивной деятельности государства, как локальная государственная политика. В некоторых территориальных образованиях используются собственные модели прогнозной работы на рынке труда [2]. Считается, что эффективная государственная политика регулирования рынка труда должна учитывать существующие закономерности, представленные в устойчивых моделях поведения субъектов рынка труда, соответственно, региональная политика — содержать систему мер стимулирования того или иного вида поведения на основе современных изменений мотивации действий и поведения.

Свободная мобильная рабочая сила — одна из важнейших предпосылок для развития рыночных отношений. Меры по обеспечению занятости должны включать перемещение рабочей силы по территориям в целях ее высокой продуктивности. Нельзя говорить о том, что реализуемая сегодня государственная политика на рынке труда эффективна, поскольку государство берет на себя функции регулирования только объемов и динамики официальной безработицы как одного из сегментов рынка труда. В частности, государство не берет на себя ответственность и обязательства по отношению к лицам, находящимся в состоянии частичной безработицы, неполной занятости. Практически не используется политика в области дополнительной подготовки и переподготовки кадров — важный инструмент воздействия на занятость.

Меры, предпринятые по изменению экономического состояния территорий, включают в себя не только обслуживание образования, но и значительные капитальные вложения по рекультивации земель, обустройству территорий (газ, вода, дороги) в какой-то степени нивелируют депопуляцию территорий и позволяют рассчитывать на дополнительные возможности регулирования рынка занятости населения посредством миграции, при дальнейшем развитии региональной инфраструктуры и повышении привлекательности соответствующих районов для потенциальных специалистов-мигрантов.

Российские проблемы социально-экономического развития во многом определяются состоянием занятости. Занятость в социальном аспекте можно рассматривать как адаптацию к рыночным отношениям, одновременно это и материальная дифференциация, и статусное расслоение населения в условиях транзита государственной парадигмы управления [3; 4]. На фоне общероссийских проблем занятости населения ситуацию в Брянской области отличает сравнительно низкий уровень заработной платы, аграрная направленность производства, проблемы, связанные с радиационным воздействием. Динамика сокращения численности безработных в городской и сельской местностях области отражает сельскохозяйственную направленность региона. Применительно к современным условиям региональный рынок труда слабо регулирует поиск оптимальной глубины вмешательства государства в трудовые отношения [5]. Наиболее распространенной технологией регулирования регионального рынка продолжает оставаться разработка программ

занятости населения, организации общественных работ и оказание других государственных услуг.

Исследование практики функционирования рынка труда, анализ прогнозов социально-экономического развития, статистические данные о состоянии рынка труда и перспектив его развития, представленные результаты социологического исследования обращают внимание на необходимость создания механизма управления формированием, сохранением и воспроизводством кадрового потенциала рынка труда, не учитывая возможность саморегуляции рынка труда. Необходимо учитывать также отсутствие связи между квалифицированным и профессиональным уровнем образования субъектов рынка занятости и уровнем оплаты труда [6]. Итак, издержками транзитивных переходов становится необходимость формирования таких качеств у работника, как предприимчивость, честолюбие, то есть рыночных ценностей экономического поведения. Собственный трудовой потенциал, несмотря на социальные условия регулирования государством рынка, оказывается основным показателем выживаемости и в борьбе с бедностью. В реальной жизни их формирование обусловлено модернизационными процессами, которые происходят в социально-трудовой сфере и становятся правилами взаимодействия субъектов трудового рынка, вызванными изменением трудовой ориентации работников, мотивами поведения, уровнем и условиями жизни. На изменение условий жизни влияют поведенческие стратегии субъектов рынка, связанные с различными моделями социально-трудовых отношений.

Результаты теоретических исследований и эмпирические данные о состоянии рынка труда и занятости на региональном уровне важны для понимания сущности государственного регулирования занятости и безработицы. Они дают возможность государственным органам найти оптимальное решение проблем занятости и определить пути вхождения в рынок трудоспособного населения региона.

Библиографический список

1. *Вербицкая Н.О., Матафонов М.Э., Федоров В.А.* Прогнозирование потребности рынка труда в выпускниках системы профессионального образования: возможности геоинформационных систем // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России. Всерос. науч.-практ. интернет-конференция. Петрозаводск, 2005. Кн. 3. С. 67–73.
2. *Арсентьев Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И.* Модели поведения молодежи в сфере образования на рынке труда и возможности их регулирования // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России. Всерос. науч.-практ. интернет-конференция. Петрозаводск, 2005. Кн. 3. С. 44–47.
3. *Чудиновских О.С., Жулин А.Б.* Экономико-демографические аспекты челночного бизнеса в России. М., 2001.
4. *Флоринская Ю.Ф.* Российские «челноки»: феномен трудовой миграции // Миграция населения. Вып. 2. Трудовая миграция в России. М., 2001.
5. *Мониторинг экономического положения и здоровья (РМЭЗ).* М., 2002.
6. *Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О.* Современная кадровая политика и управление персоналом в российских организациях: социологический анализ. М., 2013.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.I. Tsybulevskaya, T.V. Milusheva,
T.V. Kasaeva, A.E. Mikhailov
The Intercollegiate Round Table
“Legal Mechanism of Public Authority
Limitation: Ways to Improve
the Efficiency” (Saratov, Stolypin
Volga Region Institute
of Administration of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
October 23, 2015)

*О.И. Цыбулевская,
Т.В. Милушева, А.Е. Михайлов,
Т.В. Касаева*

Межвузовский круглый стол
«ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ОГРАНИЧЕНИЯ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ:
ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ»
(г. Саратов,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
23 октября 2015 г.)^{*}

Заведующий кафедрой теории пра-
ва, доктор юридических наук, профес-
сор *О.И. Цыбулевская* (руководитель
проекта РГНФ № 13-03-00352), высту-
пившая с приветственным словом, отме-
тила важность обсуждаемой проблемы в
современных условиях: она обусловлена
динамичностью российских политических
процессов, «взрослением» гражданского

^{*} Публикация подготовлена в рамках поддержан-
ного РГНФ научного проекта № 13-03-00352.

общества, требующими нового качества публичной власти и побуждает научную мысль к дальнейшему переосмыслению ее характеристик. В докладе «Усмотрение правоприменителя как предпосылка нравственно-правового ограничения власти» О.И. Цыбулевская обратила внимание на то, что в отдельных сегментах управленческой деятельности необходимо сузить до минимума возможность свободного усмотрения чиновника, хотя, как было подчеркнуто, усмотрение объективно присуще феномену права. Его назначение состоит в определении меры свободы и ответственности индивида. Государство в ходе законотворчества устанавливает правила возможного поведения личности, фиксируя при этом отдельные ограничения как для себя и своих органов, так и для других субъектов права. Действия, противоречащие закону, рассматриваются как выходящие за рамки предоставленной индивиду частной свободы. Если субъект права выходит за «красные флажки» — границы, очерченные государством, то он вторгается в публичную свободу государства, нарушая, тем самым, общие правила игры. Субъективное право — это мера возможного поведения субъекта, ограниченная конкретными пределами. Абсолютная свобода, свобода без границ, «без берегов» не совместима с правом. Такая свобода неизменно превращается в произвол.

И тем не менее чиновник — это лицо не механическое. Обладая определенным уровнем нравственного и правового сознания, он волен выбирать вариант своего поведения, определенным образом оценивая то или иное фактическое обстоятельство. Лицо, обладающее властными полномочиями, имеет право на действия в режиме усмотрения, в рамках закона. Причины, вызывающие необходимость использования усмотрения заключаются в следующем. Абсолютно-определенное регулирование объективно невозможно использовать во всех жизненных ситуациях. Так, при определении размера материального возмещения морального вреда трудно (да и практически невозможно) определить глубину нравственных страданий человека. Переживания сугубо индивидуальны. Отсюда сложно разработать универсальную схему для определения размера имущественного возмещения причиненного морального вреда.

Следует принимать во внимание также многообразие различных жизненных ситуаций. Простое их перечисление может сделать закон тяжеловесным и объемным. Кроме того, практически не представляется возможным учесть все моменты, которые могут возникнуть в будущем. Отдельные обстоятельства, пусть даже незначительные, могут появиться уже в момент реализации закона, и их нужно учитывать впоследствии.

В целях урегулирования возникших общественных отношений в нормативных актах используются оценочные категории. Предоставляя правоприменяющим субъектам определенную свободу в толковании нормы, они позволяют праву приспособиться к изменяющимся условиям и ситуациям. Использование оценочных категорий, «каучуковых» параграфов влияет на динамизм права и придает правовому регулированию свойства эластичности и гибкости.

На практике правоприменитель, сталкиваясь с неопределенностью в праве в виде оценочного понятия, испытывает определенные затруднения, поскольку

законодатель, как правило, не раскрывает их смысл и не определяет критерии их использования. Все это влечет за собой непредсказуемость в реализации нормативного акта и вызывает целый ряд вопросов.

Особенно остро они стоят в сфере действия разрешительного типа регулирования. Там, где действуют органы публичной власти, источники усмотрения должны быть минимизированы. Но полностью отказаться от оценочных категорий в праве, свести к минимуму их количество не удастся. Усмотрение — инструмент, с помощью которого преодолевается несправедливость жесткого режима законности. Его наличие — потребность, вытекающая из самой сути правовых явлений и свидетельство того, что нормативные системы тесно взаимодействуют в процессе регулирования общественных отношений.

Следует согласиться с мнением о том, что возможность дать формулировку оценочного понятия практически отсутствует, с одной стороны. С другой — если определение будет выработано, то такая категория утратит свойство оценочного. Необходимо легальным образом выработать критерии содержания оценочного понятия. Способствовать этому процессу должен тщательный анализ судебной практики. Последняя путем многократного применения оценочного понятия может выявлять, уточнять, «оттачивать» данные критерии.

Режим усмотрения правоприменителя подтверждается наличием отсылочных и бланкетных норм права, на основании которых государственным органам (органам местного самоуправления) предоставляется право самостоятельно устанавливать те или иные правила поведения. Опасность усмотрения правоприменителя заключается в том, что оно может перерасти в произвол, поэтому так важен вопрос определения пределов и границ усмотрения, а также тех сфер правоприменительной деятельности, где усмотрение должно быть сведено к минимуму.

К нравственным ограничителям свободного усмотрения относятся моральные принципы и требования. В современной России, как и в других государствах, в последние годы многими сообществами принимаются разнообразные кодексы профессиональной этики. Они содержат в себе этические нормы и дополняют положения законов. Поведение чиновников, аудиторов, врачей, журналистов, юристов регламентируются документами, своими предписаниями дополняющими положения законодательных актов. В большинстве из них содержатся нравственно-этические нормы, поэтому имеют название: «Кодекс профессиональной этики», «Этический кодекс», «Декларация этических норм», «Хартия профессиональных принципов», «Деонтологический кодекс».

Для того чтобы моральные нормы и принципы «работали», прежде всего судьям необходимо, по определению И. Канта, быть моральными личностями и отвечать этим высоким требованиям. В ходе проведения аттестации особое внимание следует уделять тестированию на знание законодательства, касающегося прав и свобод человека и гражданина.

Заведующий кафедрой гражданского права и процесса, доктор юридических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, **Т.В. Милушева** в докладе «Концепция правового ограничения публичной власти: пути формирования» акцентировала внимание на эволюции идеи границ де-

тельности государственной власти, осмысление которой актуализировалось в эпоху первых буржуазных революций в Западной Европе. Активная творческая разработка вопросов о направлениях и границах деятельности государственной власти, об объеме выполняемых государством функций исторически была обусловлена стремлением социальных сил к утверждению буржуазного миропорядка.

В Новое время идеи ограничения государственной власти представлены в наиболее сконцентрированном виде как результат сосредоточения и взаимодополнения множества идей, сформулированных в рамках различных политико-правовых теорий: естественного права, общественного договора, народного суверенитета, разделения властей. В этот период появляются отдельные работы, посвященные именно данной проблематике (В. Гумбольдт, Э. Лабулэ).

В XX в. проблема пределов государственной деятельности высветилась в контексте противодействия теории и практике функционирования тоталитарных государств в Западной и Восточной Европе, России, а также в связи с широким вмешательством государства в экономическую и иные сферы общественной жизни под благовидным предлогом нивелирования имущественного неравенства в обществе, формирования социального государства и т.п. В политической и правовой мысли Запада появились концепции, обосновывающие ограничение всевластия государства институтами гражданского общества (например, теории плюралистической демократии).

В современной России как следствие перманентных реформ, породивших кризисные процессы в экономике, политике, духовной сфере, постепенно утвердилась идея авторитарной власти, все сильного государства, на которое возлагаются большие надежды: установить законность, должный порядок, искоренить коррупцию, злоупотребления со стороны самой власти. Однако демократические общественно полезные цели не могут быть достигнуты антидемократическими средствами, которые нередко используются современной российской властью.

Концепция правового государства в качестве своеобразного синтеза параллельно развивающихся, пересекающихся идей о правовой основе деятельности государства в зависимости от типа правопонимания имеет различные модификации и по-разному решает исследуемую проблему. С точки зрения юридического позитивизма в различных вариациях обосновывается вопрос о самоограничении государства (К. Гербер, А. Дайси, Г. Еллинек, Р. Иеринг, П. Лабанд, Г.Ф. Шершеневич, А. Эсмен и др.). Суть позитивистских концепций правового ограничения государства (при всех имеющихся между ними различиях) состоит в попытке создать ту или иную конструкцию самоограничения государства им же самим созданным позитивным правом. При этом отрицается различие права и закона. Право сводится к установленным и защищаемым государством нормам (нормам закона, подзаконных нормативных актов и т.д.).

Теория господства права исходит из того, что границей государства выступают естественные неотчуждаемые права человека, свобода, справедливость, собственность, свободное гражданское общество (Дж. Локк, Ш. Монтескье,

Дж. Милль, А. Токвилль, Г. Гумбольдт, Э. Лабулэ, Г. Спенсер, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.С. Соловьев и др.).

Дореволюционная политико-правовая мысль в силу разноречивости исторических реалий и «запаздывания» развития русского общества и государства находилась в «догоняющем» состоянии. Вследствие этого оценки исторического наследия российской государственно-правовой мысли в науке неоднозначны. В целом отечественные политические и правовые учения представляли собой переосмысленные и дополненные идеи гуманизма эпохи Просвещения, общественного договора и естественного права, разделения властей, суверенитета и другие, высказанные западными мыслителями в основном в Новое время. Идеи об ограничении самодержавия, как замечает О.В. Мартышин, отличались робостью и непоследовательностью, представляли порой смесь либеральных и консервативных идей (например, взгляды Б.Н. Чичерина). В то же время отечественное государственно-правовое наследие не только составляет золотой фонд правовой мысли, но и актуализируется в современных условиях, когда в России решаются задачи построения правового государства.

В заключение выступления Т.В. Милушева резюмировала, что все многообразие идейных элементов проблемы ограничения государственной власти охватить невозможно. Однако совершенно очевидно, что, несмотря на широкую палитру оттенков, идея ограничения власти как система воззрений имеет общие методологические позиции, базируется на универсальных принципах (права человека, верховенство права, связанность власти законом, разделение властей, ответственность государства). Это позволяет ей претендовать на самостоятельное концептуальное оформление.

В продолжение дискуссии доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук А.Е. Михайлов в своем докладе «Нормативно-правовое обеспечение ограничения публичной власти» отметил роль юридической ответственности государства и его органов в правовом механизме ограничения публичной власти. При этом отсутствие четкой законодательной дефиниции понятия «юридическая ответственность» вызывает множество противоречивых точек зрения не только на правовое содержание ответственности, но и на трактовку мер юридической ответственности, отграничение ее от иных средств правовой защиты, правового воздействия на общественные отношения.

Необходимо обратиться также и к более широкому общетеоретическому анализу категорий публично-правовой и частноправовой ответственности с тем, чтобы уяснить особенности возложения указанных видов ответственности на государство, а также иные публично-правовые образования. Это позволит выстроить стройную, внутренне согласованную систему мер юридической ответственности государства, разработать практические предложения по ее системному совершенствованию и унифицировать процедуры применения ответственности в рамках каждого ее блока.

Исходя из установки о том, что мера власти измеряется мерой ответственности (по Н.И. Матузову), докладчик раскрыл ограничительный потенциал юридической ответственности в сфере реализации властных полномочий,

обосновал необходимость законодательного закрепления ответственности как принципа деятельности властных субъектов.

В целом публично-правовой характер имеет ответственность государства и прочих публичных образований как самостоятельных субъектов права (и, следовательно, субъектов юридической ответственности). Конструкция публично-правовой ответственности государства за свои собственные противоправные виновные действия, на первый взгляд, вступает в противоречие с представлением о деперсонифицированном характере публичных образований как субъектов права. Действительно, по общему правилу, в конкретных правовых отношениях от имени государства и муниципальных образований участвуют соответствующие государственные органы, органы местного самоуправления, а также государственные и муниципальные служащие. Тем не менее, поскольку публично-правовые образования являются субъектами права, обладающими присущими им право- и дееспособностью, было бы неверно целиком и полностью сводить их действия к действиям государственных или муниципальных органов и должностных лиц. Кроме того, некоторые функции могут выполняться только публично-правовым образованием как единым целым. Именно такие действия и являются, с точки зрения А.Е. Михайлова, основанием публично-правовой ответственности государства и муниципальных образований и обязанности возместить вред, причиненный частным лицам.

Не ставя под сомнение государственные прерогативы в области законодательной и исполнительно-распорядительной деятельности, докладчик отметил, что в условиях правового государства суд должен обрести недостающую ему ныне самостоятельность, получить полную независимость от государственных структур и стать институтом гражданского общества. Это позволит преодолеть многие коллизии, порождаемые статусом суда как органа государственной власти. Так, будучи арбитром в судебных спорах, суд обладает рядом властных прерогатив, позволяющих ему использовать меры принуждения в отношении сторон судебного процесса, одной из которых может быть само государство, в том числе и в случаях предъявления исков о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц. Статус суда как органа государственной власти может привести к признанию того, что государство в подобных ситуациях выступает судьей в своем собственном деле, а это противоречит общеправовому принципу: «*Nemo iudex in sua causa*» (Нельзя быть судьей в своем собственном деле).

Сказанное дает основание заключить, что судебная система, видимо, должна эволюционировать в направлении постепенного обретения негосударственного статуса, стать независимым институтом гражданского общества, подчиняющимся только правовым законам и иным источникам права. Думается, что подобная постановка вопроса позволит наиболее последовательно реализовывать в судебном порядке ответственность не только государственных органов и должностных лиц, но и самого государства как субъекта юридической ответственности. Осуществление правосудия не должно быть прерогативой

государства. В современном открытом обществе оно должно осуществляться независимым от государства судом.

Подводя итог, А.Е. Михайлов сделал вывод о том, что публично-правовая ответственность есть применение к государству, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным органам и должностным лицам предусмотренных нормами публичного права мер конституционного, административного, уголовного и иного публично-правового воздействия. Для публично-правовых образований и их органов противоправные действия или бездействие охватываются понятием конституционного деликта. Публичные должностные лица несут публично-правовую ответственность за совершение в процессе исполнения ими своих должностных обязанностей уголовных преступлений и административных правонарушений.

Основанием публично-правовой ответственности выступают виновные действия (бездействие) в форме умысла или неосторожности. При этом необходимо учитывать специфику правосубъектности публично-правовых образований, прежде всего их деперсонифицированный характер, предполагающий отсутствие у данной категории субъектов собственной воли.

Применительно к публично-правовым образованиям целесообразно использовать объективный критерий вины, предусматривающий ее наличие там и постольку, где и поскольку действиями (бездействием) соответствующего публично-правового образования был причинен ущерб физическим или юридическим лицам, их правам, свободам и интересам, а также публичным интересам общества в целом. Использование такого объективного критерия позволяет говорить о позитивной ответственности публично-правовых образований.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Саратовского государственного социально-экономического института, кандидат юридических наук, доцент *Т.В. Касаева* в докладе «Правовая культура государственных служащих как фактор ограничения исполнительной власти» подчеркнула, что сегодня наиболее динамичные изменения происходят в системе исполнительной власти: с одной стороны, это усиление властной вертикали, с другой — неизбежные процессы децентрализации власти, переход от государственного администрирования к государственному менеджменту, масштабное реформирование сердцевины исполнительной власти — государственной службы, возрастание роли человеческого потенциала, без которого невозможны никакие реформы.

Нарастающие глобализационные процессы напоминают о том, что именно управленческий ресурс как интеллектуальное богатство становится определяющим потенциалом государства, не позволяющим отбросить его в разряд «догоняющих» стран. Его неполное или искаженное использование ведет к застою общественного развития, не дает реализовываться предоставленным правам и свободам, влечет пробелы в обеспечении национальной безопасности.

Высокий уровень правовой культуры властных субъектов — необходимый атрибут цивилизованного демократического государства. Правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу — сис-

тему правовых ценностей, идеалов, правовых норм, обеспечивающих единство правовых институтов.

Очевидно, что ее профессиональные модификации, в том числе и в сфере государственной службы, определяются в первую очередь отличительными особенностями той или иной профессии. Правовая культура властных субъектов является одним из важных видов профессиональной правовой культуры. Она обладает определенными особенностями, обусловленными спецификой самой власти, повышенной социальной значимостью их публичной деятельности, различным уровнем и профилем образования и другими факторами. Правовая культура формируется в процессе осуществления субъектами властной деятельности своих должностных обязанностей и включает в себя: знание правовых норм, уровень правового мышления; профессиональной подготовки; широкий кругозор политического и экономического видения реальности, определяющий уровень общей правовой культуры; профессионально-этические качества чиновника, профессиональную безупречность, служебную дисциплинированность, добросовестность, честность.

Правовая культура функционирует во взаимодействии с другими сферами культуры — политической, эстетической, религиозной, нравственной (этической). Особенно тесно правовая культура взаимодействует с нравственной культурой. В реальной жизни они не разделимы. Право и нравственность являются одними из важнейших средств формирования развитой, полноценной личности. Нравственное и правовое воспитание находятся в тесной взаимосвязи и взаимно дополняют и обогащают друг друга. Задача нравственно-правового воспитания — формирование законопослушной и высокоморальной личности, социально активного гражданина, субъекта власти.

В условиях реформирования государственной и правовой систем, совершенствования духовной сферы жизни общества право и мораль приобретают особую значимость. Они выступают не только как средства регулирования взаимоотношений между людьми, но и как средства воспитательно-предупредительного воздействия на человека, причем нравственно-правовое воспитание является сегодня наиболее востребованным и эффективным. Задача такого воспитания — формирование законопослушной и высоконравственной личности, социально активного гражданина.

В России происходит болезненный процесс переоценки ценностей, трансформации и приспособления их к изменившимся условиям, выработки новых нравственных идеалов, которые соответствовали бы степени развития современных общественных отношений. В контексте изложенного несомненной значимостью обладает проблема соотношения нравственных и юридических начал в вопросах функционирования государственной власти, взаимодействия ее с обществом, личностью. Ценностные ориентации являются основополагающей частью структуры профессиональной правовой культуры органов власти, которая, принимая во внимание особенности сферы его деятельности, отличается от правовой культуры «простого» человека как по объему, так и по качеству.

Проблема состоит в том, что нравственный потенциал, заложенный в российском праве, не реализуется в полной мере на практике, остается невос-

требуемым. Причина такого положения — резкое падение морали в последние годы, а в более широком плане — кризис всей духовной сферы жизни общества. Этим же объясняются и острые противоречия между правом и моралью, причем и на законодательском уровне, и на правоприменительном, исполнительском.

В течение длительной истории существования российской государственной службы отношения, связанные с деятельностью властных субъектов, регулировались не только нормативными правовыми актами, но и моральными требованиями, выработанными обществом. Именно поэтому одним из направлений работы по повышению нравственности субъектов власти является принятие этических кодексов. Они могут сыграть важную роль в установлении нравственных параметров поведения чиновников, позволят исключить конфликт интересов, защитить честь и достоинство самих властных субъектов.

По мнению докладчика, формирование высоких моральных качеств чиновников в условиях становления гражданского общества должно опираться на рекомендации ученых. Необходима более прозрачная, понятная каждому гражданину подконтрольная система правовых иммунитетов. Не стоит игнорировать моральные стимулы — всевозможные поощрения, награды, официальное признание заслуг, популяризация лучшей практики. В любой общественно-полезной деятельности мерам поощрительного характера должно уделяться особое внимание.

Еще одним направлением повышения уровня правовой культуры является совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Правовой нигилизм проявляется в низкой законодательной технике правотворческого процесса, нестабильности законодательства, нечеткости, размытости самого предмета законодательного регулирования. Все это приводит к тому, что роль закона в качестве важнейшего регулятора общественной жизни утрачивается.

Имеет смысл говорить о повышении уровня правовой культуры российского чиновника лишь тогда, когда он научится уважать права человека и гражданина, будет относиться к ним как к высшей социальной ценности. Уважение во всем его многообразии обладает значительным моральным весом. Оно будет действенным, если станет неотъемлемой составной частью правосознания и правовой культуры общества; будет признано наукой, общественным мнением в качестве цели, задачи, принципа права, государства, его органов и должностных лиц.

Растет потребность в разработке такой концепции развития деятельности государственных служащих, которая отражала бы не только современные, но и прогнозируемые социальные и государственные потребности, стимулы и ограничения для властных субъектов, где моральные инструменты органично вплетены в правовую материю. Только самоограничивающееся государство может быть воспринято не только как сугубо политико-правовое образование, но и как ценностно-смысловая система, способная обеспечить гармоничное сочетание интересов личности, общества и самого государства.

I.B. Konstantinov
International Research-to-Practice
Conference of Master, Graduate
and Doctoral Students,
and Young Scientists
“Contemporary Problems
of Interaction between the Russian
State and Society”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
December 10, 2015)

И.Б. Константинов

**Международная
научно-практическая
конференция магистрантов,
аспирантов, докторантов
и молодых ученых**

**«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА»
(г. Саратов,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
10 декабря 2015 г.)**

Подводя итоги уходящего 2015 г. можно с полной уверенностью утверждать, что он стал очередным годом испытаний для Российского государства и общества. Последствия экономической блокады России, попытка ее изоляции от цивилизованного мира, «разгул» терроризма во всем мире, наличие целого ряда нерешенных вопросов социально-экономического и политического развития внутри страны — вот далеко не полный перечень вызовов, на которые предстоит ответить современному российскому обществу.

Совершенно очевидно, что сформулировать ответы на указанные проблемы невозможно без науки и молодых исследователей, полных новыми идеями, активно ищущих и имеющих «свежий» взгляд на происходящие в мире процессы.

Следует отметить, что в 2015 г. получено более двухсот заявок на участие в Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Современные проблемы взаимодействия Российского государства и общества». Конференция состоялась 10 декабря 2015 г. в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина. Организаторами конференции традиционно выступили факультет магистратуры и аспирантуры и научно-организационный отдел института.

Мероприятие стало ежегодным ожидаемым научным событием не только для факультета магистратуры и аспирантуры, но и для всех молодых ученых Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, а также других образовательных и научных организаций г. Саратова и Саратовской области.

Год от года растет не только число участников конференции, но и расширяется их география. Так, в 2015 г. заявки поступили от молодых ученых образовательных организаций Российской Федерации: Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратовского военного Краснознаменного института внутренних войск МВД России, Саратовской государственной юридической академии, Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова, Московского государственного педагогического университета, Института государства и права Сургутского государственного университета, Балаковского инженерно-технологического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Челябинского государственного университета, Дальневосточного федерального университета.

Практическую направленность конференции подтвердили доклады на пленарном заседании руководителя центра урегулирования социальных конфликтов, руководителя направления «Местное самоуправление» Института актуальной экономики, заслуженного юриста Московской области **О.Б. Иванова** «Социальные конфликты во взаимоотношениях государства и гражданского общества» и на секции «Актуальные проблемы правовой политики России» секретаря судебного заседания Саратовского гарнизонного военного суда **О.О. Чернышовой** на тему «Полномочия органов государственной власти в информационной сфере».

Выступления иностранных магистрантов, обучающихся в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина, и магистранта Университета г. Тулузы (Французская Республика) придали проведенному научному мероприятию международный характер.

Традиционно приветственным словом открыл пленарное заседание конференции заместитель директора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, доктор политических наук профессор **О.Н. Фомин**. Обозначив основные ключевые проблемы современности и актуальность рассматри-

ваемой проблематики, профессор пожелал участникам мероприятия плодотворной работы и личных научных достижений.

Научный интерес вызвал доклад декана факультета магистратуры и аспирантуры, кандидата экономических наук **И.Б. Константинова** «Социальное неравенство: предпосылки и последствия». В своем выступлении автор рассмотрел проблемы социального неравенства на трех уровнях: мировом, мезоуровне и наноуровне. Докладчик достаточно подробно остановился на анализе данных статистики, которые свидетельствуют о масштабах и последствиях социального неравенства на исследуемых уровнях. И.Б. Константинов продемонстрировал разрушительное воздействие данного «феномена» на дестабилизацию политических, социально-экономических процессов и масштабный рост социальной конфликтности как на международном уровне, так и на уровне отдельных локальных территорий. Основным выводом выступления — преодоление социального неравенства на всех уровнях как главная задача современных цивилизованных стран, заботящихся о своем будущем.

Выступление на пленарном заседании **О.Б. Иванова** носило сугубо прикладной характер и было посвящено основным направлениям разрешения социальных конфликтов во взаимоотношениях государства и гражданского общества, в том числе посредством медиации.

Доклад аспиранта второго курса **А.О. Несмашиного** «Интернет-технологии массовой манипуляции в молодежной среде: современные тенденции (на примере деятельности молодежных отделений парламентских партий Российской Федерации)» вызвал большой научный и практический интерес со стороны участников конференции, что подтверждает значительное количество вопросов к выступающему и продолжительные дебаты по его мотивам.

Содержательность, наличие научной методологии, глубокий анализ данных — параметры, характеризующие доклад магистранта факультета политических наук Университета г. Тулузы **Жульена Дассо** на тему «НКО как элемент общественного контроля». Безусловно, выступление зарубежного гостя было одним из ярких и запоминающихся, а содержание вызвало у участников конференции большой научно-практический интерес.

Представленные на пленарном заседании конференции доклады сопровождались значительным количеством вопросов и содержательной научной дискуссией. В дальнейшем конференция продолжилась в секционном формате.

Модераторами работы секции «**Российский политический процесс в условиях международной напряженности**» выступили доктор политических наук, профессор кафедры политических наук **А.А. Коробов** и кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук **М.В. Шмырев**. Широкому обсуждению подверглось большинство представленных на секции докладов. Бурную дискуссию вызвали доклады магистрантов **А.О. Борщёва** и **Е.О. Гончаровой**. В качестве лучшего доклада на секции признано выступле-

ние *Е.О. Гончаровой*. Научными руководителями подготовленных докладов являются ведущие преподаватели кафедры политических наук. В заседании секции наряду с модераторами активное участие приняли профессор *В.М. Долгов* и доцент *В.В. Семёнов*.

Значительный интерес молодые ученые проявили к секции **«Современные инструменты менеджмента в повышении эффективности экономических систем российской экономики»**, руководство которой осуществляла доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента организации *А.В. Фоменко*. В работе секции приняли участие магистранты, аспиранты и молодые ученые, занимающиеся научными исследованиями в области современной экономики, менеджмента, государственного и муниципального управления и других. Безусловно, все доклады актуальны и представляют значительный научно-практический интерес, но выступление *Д.С. Рыбчинского*, аспиранта первого курса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, на тему «Малый бизнес и его роль в антикризисном регулировании государственного управления» отмечено как наиболее содержательное и яркое.

Секцией **«Управление устойчивым социально-экономическим развитием территорий»** руководил доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и таможенного дела *В.В. Герасимова*. Представленные в рамках секционного заседания доклады соответствуют направлениям подготовки по экономике, менеджменту, государственному и муниципальному управлению. В выступлениях рассматривались следующие актуальные вопросы: «Стратегическое взаимодействие субъектов городской экономики», «Внешиэкономическая деятельность региона как объект государственного управления», «Ключевые направления развития муниципального образования в контексте устойчивого развития», «Особенности реализации эколого-экономической политики по развитию рекреационных зон Саратовской области» и другие.

При подведении итогов работы секции отмечены доклады, в которых был отражен высокий теоретический уровень и практическая направленность проведенных исследований: *А.А. Гузенко* «Международные компании на российской рынке»; *Н.А. Драгуновой* «Программы инновационного развития компаний с государственным участием: результативность и эффективность»; *А.В. Семёнова* «Антиномии стратегического целеполагания». Лучшим выступлением на секции признан доклад магистранта первого курса *Н.В. Шустиковой* «Современные механизмы реализации социальной политики в субъекте Российской Федерации».

Выступления магистрантов, аспирантов и молодых ученых на секции **«Развитие кадрового потенциала современных российских организаций»** были посвящены актуальным вопросам формирования и развития кадрового потенциала бизнес-организаций, бюджетных учреждений и органов публичной власти. Особое внимание в выступлениях уделено внедрению инновационных технологий управления персоналом, внедрению международных

стандартов деятельности, специфике использования стандартов менеджмента качества в кадровом менеджменте, адаптации технологий управления персонала к новым задачам в период социально-экономической нестабильности. Модераторами секции выступили **Н.В. Моисеенко**, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом, и **Е.Р. Грязнова**, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом. На секции лучшим было признано выступление магистранта первого курса **М.А. Евтюшиной** «Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации».

Руководство работой секции «**Информационные технологии в бизнесе, образовании, государственном и муниципальном управлении**» было возложено на заведующего кафедрой прикладной информатики и информационных технологий в управлении, доктора физико-математических наук, доцента **Д.В. Кондратова**. На секции заслушано шесть докладов магистрантов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, посвященных развитию информационных технологий и их влиянию на различные отрасли экономики и социальной сферы. Наибольший интерес и дискуссию вызвало выступление **Н.А. Кузьмина** «Применение социальных сетей в государственном управлении», рекомендованное в итоге к награждению за лучший доклад на секции.

Проблематика секции «**Российская модель информационного общества**», представленная четырьмя докладами магистрантов, аспирантов и молодых ученых, была сосредоточена вокруг вопросов, связанных с системой образования, адаптацией молодежи на рынке труда, организацией информационного пространства. Глубокие аналитические обобщения сделаны в докладе **М.А. Кузьминой**, артикулировавшей социально-антропологические контексты социокультурных изменений, связанных с формированием новой модели студенческого возраста. Юноши и девушки, обучающиеся в вузах, в информационном обществе оказываются не замкнуты в среду «своего» университета, как было еще полвека назад даже в условиях стран с более интенсивной, чем в России, миграцией. В то же время движение к виртуальному университету в российских условиях оказывается процессом сложным, неоднозначным, и это подчеркивалось участниками секции при обсуждении доклада.

Яркую картину современной коммуникативной среды российского малого города представила **А.С. Садчикова**. Понятие провинции сегодня меняет свой смысл, не исчезая, но наполняясь новым содержанием. Молодежь не только интегрируется в общероссийское, мировое виртуальное пространство, но и формирует новый облик города, топография которого в большей степени определяется ментальными картами, возникающими как результат сетевых взаимодействий. **Н.В. Леонтьева** и **В.М. Казначеева** вскрыли различные аспекты воздействия системы образования на стратегии молодежи на рынке труда. Подчеркнута неоднозначность этого воздействия: уровень образования сегодня не является автоматически действующим конкурент-

ным преимуществом, но создает предпосылки для формирования более эффективных стратегий.

Практические рекомендации секции связаны с центральными пунктами обсуждения. Участники считают целесообразным сформулировать предложения для Министерства образования и науки Российской Федерации, касающиеся усиления ориентации образовательного процесса на обеспечение научности, поддержку стремления студентов к освоению творческого подхода к управленческим проблемам. Этому может способствовать закрепление ориентации на приоритет исследовательской составляющей в освоении всех дисциплин, привлечение максимально возможного числа студентов к участию в реальных эмпирических исследованиях. Почетной грамотой за лучший доклад на секции была награждена *А.С. Садчикова*. Модератором секции стал доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики *Л.С. Яковлев*.

По итогам работы секции «**Современные практики государственного и муниципального управления**» наибольший интерес представляли доклады ряда магистрантов. *М.Р. Мухамедов* в своем докладе «Оценка эффективности миграционной политики в странах ЕС» комплексно охарактеризовал ситуацию с мигрантами в европейских странах, актуальную статистическую информацию, проанализировал правовые условия осуществления миграционной политики, указал на риски для мигрантов в разных странах ЕС, а также представил российское законодательство с позиции привлекательности для мигрантов. *Т.Е. Дадонов* выступил с докладом на тему «Независимая антикоррупционная экспертиза: правовое регулирование и перспективы развития механизмов на уровне субъектов Российской Федерации», в котором проанализировал федеральное законодательство, регламентирующее антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов, а также результаты сравнительного анализа региональной правовой базы по данному вопросу. Автор охарактеризовал различные подходы к проведению независимой антикоррупционной экспертизы в субъектах РФ, выявил «правовые пробелы» действующего регионального законодательства. *О.С. Фролова* в докладе «Основные направления государственной политики в сфере культуры (на примере Саратовской области)» определила содержание государственной культурной политики в Саратовской области и основные проблемы ее реализации. В качестве одного из инструментов решения выявленных проблем в ходе дискуссии обсуждались частно-государственное и частно-муниципальное партнерства.

По итогам работы секции наиболее содержательным и многоаспектным признан доклад магистранта, обучающегося по программе «Европейское право в области политики добрососедства и качественное государственное управление», *М.Р. Мухамедова*. Модератором секции выступила исполняющая обязанности заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, кандидат социологических наук, доцент *Н.С. Гегедюш*.

Заседание секции «**Актуальные проблемы правовой политики России**» прошло с участием магистрантов, аспирантов, преподавателей Поволжского

института управления имени П.А. Столыпина, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовской государственной юридической академии, а также представителей органов государственной власти и местного самоуправления Саратовской области и г. Саратова.

Участниками научной дискуссии были затронуты различные аспекты правовой политики законодательного и правоприменительного характера. В докладе магистранта кафедры конституционного и международного права **И.Б. Богатырёва** представлены на перспективу развития современного законодательства о свободе вероисповедания в Российской Федерации. В частности, была отмечена проблема оценки религиозных текстов, которая с 2004 г. добавилась в сферу государственно-конфессиональных отношений. **Я.А. Голан** сосредоточила свое внимание на конституционном аспекте проблем защиты прав человека в Российской Федерации. В день 65-летия со дня учреждения Генеральной Ассамблеей ООН праздничной даты «Дня прав человека» докладчиком была отмечена острая необходимость не только качественного развития самих конституционных положений о правах человека в Российской Федерации, но и решения вопросов обеспечения защиты указанных прав как одного из приоритетных направлений современной отечественной правовой науки.

Проблемы взаимодействия Конституции РФ и норм международного права осветил в своем выступлении **Р.Р. Тайгаринов**. Интерес к проблеме взаимодействия международного и национального права, реализации международного права в правовой системе России постоянно растет. Конституция РФ, развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права и учитывая практику конституционного регулирования других государств, преодолела многие препятствия к открытости внутреннего правопорядка для норм международного права. Однако ни в международном и ни в национальном праве разных государств эта проблема не имеет однозначного подхода к их юридическому разрешению. Вместе с тем из Конституции РФ не следует надконституционность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, которые в основном покрывают сферу межгосударственных отношений. Тем не менее эти принципы и нормы, выражающие общечеловеческие ценности, выступают частью российской конституционной системы.

Выступление **О.С. Думкиной** было посвящено актуальным вопросам защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду в ЕС по правам человека. В ходе выступления проанализирована практика обращения российских граждан в ЕСПЧ. В завершение докладчик отметил необходимость учета правовых позиций ЕС при выработке государственной политики в области охраны окружающей среды и при разрешении конкретных дел отечественными судами. Несомненный интерес вызывал доклад **Д.П. Васильева**, аспиранта Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Поскольку возникающие правовые споры разрешаются в суде, неоспоримость вынесенного по результату рассмотрения дела судебного решения имеет перманентную

актуальность. В целом же функциональный эффект системы исполнения судебных решений обусловлен эффективной работой сразу всех элементов судебной системы. Новеллы правового регулирования недвижимого имущества в Российской Федерации анализировала *А.Д. Гаврилова*. В последнее время вопрос страхования в Российской Федерации стоит особенно остро. Свое выступление *Ю.С. Гафурова* посвятила вопросам жилищного страхования. По ее мнению, социально-экономическая значимость осуществления страхования в жилищной сфере, а также отсутствие комплексного подхода к решению проблем страхования, в жилищной сфере и конкретных практических рекомендаций по повышению эффективности страхования предопределили необходимость дальнейшего развития страховых механизмов защиты интересов населения и государства в сфере жилья.

Аспирант кафедры конституционного и международного права *Е.С. Мищурина* отметила актуальные изменения законодательства в сфере реализации экономических прав и свобод. Создание нового объединенного Верховного Суда РФ является уникальным случаем. Модернизация конституционно-правовых основ осуществления правосудия арбитражными судами в целом направлена на стабилизацию и улучшение экономики, укрепление основ конституционного строя и реализацию конституционных гарантий. Анализ текущей модернизации правосудия в области экономических споров позволяет сделать вывод о ценности начавшейся реформы, способной повысить эффективность работы судов, и в целом улучшить экономический климат в стране.

Модератором секции «Коммуникации как ресурс управления» являлась доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций *С.М. Федюнина*.

Тематика докладов на секции отражала актуальность научных исследований аспирантов и магистрантов и соответствовала направлениям подготовки: «Философия», «Реклама и связь с общественностью», «Конфликтология». Среди наиболее значимых вопросов можно выделить такие, как стратегии профилактики и урегулирования конфликтов в современных организациях, роль медиации в здравоохранении и образовании, управление коммуникациями в различных сферах современного общества, коммуникативные практики в управлении организациями, реализация коммуникативных компетенций практик в решении задач организации. Все доклады сопровождалось визуализированными презентациями в формате Power Point.

При подведении итогов работы секции были отмечены выступления, в которых продемонстрирован наиболее высокий уровень профессиональной и коммуникативной подготовки, а также достойное владение ораторским мастерством. Среди таких докладов можно выделить: *А.О. Конушкину* «Коммуникативные практики в управлении имиджем вуза», *Д.Е. Тарарина* «Живой квест как инструмент формирования коммуникаций между участниками игрового процесса», *А.А. Молодцову* «Медиация в образовании: возможности и угрозы», *П.М. Мухомодьярову* «Управление внутриорганизационными коммуникациями (на примере отдела продаж Торговый дом «Эльтон»)». Большой

интерес участников конференции вызвал доклад практикующих врачей — магистрантов *Т.П. Грищенко* и *Н.А. Квитчук* «Возможности использования технологий медиации в деятельности медицинских организаций», представивших проект внедрения современных процедур медиации в деятельность медицинских учреждений Саратовского региона, направленный на предотвращение и урегулирование конфликтов медперсонала с посетителями поликлиник. Лучшим выступлением на секции «Коммуникации как ресурс управления» был признан доклад магистранта первого курса *Д.Е. Тарарина*.

Работой секции «*Экономико-психологическое обеспечение государственного управления*» руководил доктор экономических наук, профессор кафедры экономической психологии и психологии государственной службы *А.Ю. Маркелов*.

Междисциплинарный научный поиск, направленный на выявление взаимодействия человека и экономики, выступает одним из наиболее актуальных в последнее десятилетие. Данный процесс реализуется в возникновении таких новых отраслей науки, как поведенческая и экспериментальная экономические теории, экономическая психология. В России существует острый дефицит молодых ученых, способных реализовывать исследования мирового уровня в данных направлениях. В связи с этим основными целями проведения секции стали формирование системного междисциплинарного мышления в сфере понимания экономических процессов; развитие навыков проведения научных исследований, в области экономической психологии и поведенческой экономики, экспериментальной экономики; ознакомление с актуальными направлениями развития экономической психологии, поведенческой экономики; развитие сотрудничества между начинающими учеными, аспирантами и магистрантами.

В работе секции приняли участие более двадцати человек под руководством заведующего лаборатории проблем рентоориентированного поведения Центра психолого-экономических исследований, профессора кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, доктора экономических наук *А.В. Латкова*. В рамках работы секции «*Экономико-психологическое обеспечение государственного управления*» поднимались вопросы, связанные с проблемами сопровождения эффективной деятельности органов государственной власти, с позиции поведенческой экономики и экономической психологии. В работе секции участвовали магистранты первого и второго курсов магистерской программы «*Экономико-психологическое конструирование организаций и бизнес-процессов*», аспиранты направления «*Экономика*» и сотрудники центра психолого-экономических исследований.

Выступление аспиранта *А. Умировой*, посвященное проблемам формирования этнических компонентов социального капитала территорий, вызвало весьма оживленную дискуссию, поскольку в условиях обострения межэтнических конфликтов, взаимодействия между предпринимателями, относящимися к различным этническим группам, представители малых этнических групп выступают более сплоченными в бизнесе, чем представите-

ли титульных наций. В своем выступлении А. Умирова выделила специфику этнического предпринимательства и сделала вывод о необходимости его поддержки. Доклад магистранта второго курса обучения **А. Брянцевой** отражал основные подходы к исследованию коррупции как экономико-психологического явления. В рамках выступления дано описание воспроизводственного, классического и институционального подходов к пониманию коррупции.

Большой интерес и живую дискуссию вызвало выступление магистранта первого курса **Д. Канахина** с докладом на тему «Опыт рейтингования социально-экономического положения субъектов РФ методом ранжирования». Он представил авторскую методику рейтингования регионов Российской Федерации и подытожил, что сравнение уровня социально-экономических показателей по одному значению при рейтинговании субъектов РФ является недостаточным. Автор пришел к выводу о необходимости учета как экономических, социальных, демографических факторов, так и психолого-экономических особенностей населения при ранжировании регионов. В ходе обсуждения были заданы уточняющие методичку вопросы, а также даны рекомендации по ее дальнейшему совершенствованию. По результатам выступления данный доклад отмечен как лучший в секции.

Проблемы экономико-психологического обеспечения государственного управления вызвали живейший интерес у участников секции, что будет способствовать дальнейшему развитию исследований в данной области, а заданные вопросы и высказанные рекомендации учтутся в дальнейшей научной работе аспирантов и магистрантов.

В целом работа конференции прошла на высоком научно-теоретическом, методическом и организационном уровне, что отмечено участниками, организаторами конференции и руководством Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Организационный комитет конференции благодарит зарубежных и отечественных молодых ученых и выражает надежду на дальнейшее сотрудничество. Более подробно с содержанием докладов участников конференции можно ознакомиться в сборнике научных трудов «Современные проблемы взаимодействия Российского государства и общества».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюлина Татьяна Викторовна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: tusy2007@yandex.ru

Бытко Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

Галлямова Диана Ильдаровна — аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
e-mail: editor44@yandex.ru

Дорошин Иван Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, начальник отдела по работе с религиозными и национальными объединениями комитета общественных связей и национальной политики области
e-mail: DoroshinIA@saratov.gov.ru

Иванов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, доцент Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Касаева Татьяна Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института — филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
e-mail: kafedratigp@bk.ru

Константинов Илья Борисович — кандидат экономических наук, декан факультета магистратуры и аспирантуры Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: iliaconstantinov@yandex.ru

Корнилова Светлана Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела организационного обеспечения департамента транспорта и дорожного хозяйства Приморского края
e-mail: kornilova.sv001@gmail.com

Коробов Андрей Александрович — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Кузнецов Андрей Геннадьевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Strekozozza@mail.ru

Ландерова Александра Александровна — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Landerova@inbox.ru

Липчанская Мария Александровна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: Lipchan_maria@mail.ru

Лобзов Константин Михайлович — доктор военных наук, профессор кафедры информационной безопасности Института государственного управления, права и инновационных технологий (г. Москва)
e-mail: lobzovk@mail.ru

Макаров Александр Александрович — аспирант кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского
e-mail: makaral@yandex.ru

Милушева Татьяна Владимировна — доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mtv62@mail.ru

Михайлов Анатолий Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: aemihaylov@rambler.ru

Асеф Надери — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов
e-mail: ed@lenta.ru

170 2016 ● № 1 (52)

Немоляев Вячеслав Викторович — старший преподаватель кафедры тактики Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: novocheck2008@mail.ru

Мамедов Орудж Джамиль оглу — доктор философии по праву, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения государственного управления Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики
e-mail: otuc_mammadov@mail.ru

Розеватов Георгий Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
email: zhora25@mail.ru

Рыбакова Светлана Сергеевна — соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ribakova@piuis.ru

Савкин Святослав Петрович — аспирант отдела региональных исследований и программ Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
e-mail: 213013@mail.ru

Саморуков Анатолий Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета
e-mail: 57samor@mail.ru

Селютина Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: seljutina1@rambler.ru

Смирнова Юлия Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Академии Федеральной службы охраны России (г. Орел)
e-mail: Juliy15@yandex.ru

Сулимин Александр Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Kratos84@yandex.ru

Халиулин Вячеслав Есенович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vkhaliulin@yandex.ru

Холодов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vohol1@rambler.ru

Цареградская Юлия Константиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: uliacar2008@rambler.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: olga77.54@mail.ru

Чернявский Александр Игоревич — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sawa1999@yandex.ru

Шинчук Борис Леонидович — министр области, председатель комитета общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: civity@saratov.gov.ru

Юнёва Юлия Ивановна — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: yui2212@mail.ru

Яковлев Лев Сергеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: lionel1801@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Viktorovna Biryulina — Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: tusy2007@yandex.ru

Sergey Yurievich Bytko — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Criminal Law and Proceedings Chair, Volga Region Institute of Law of the Russian State University of Law (the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

Diana Ildarovna Gallyamova — post-graduate student of the Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

e-mail: editor44@yandex.ru

Ivan Aleksandrovich Doroshin — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Theology and Religious Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: DoroshinIA@saratov.gov.ru

Sergey Sergeevich Ivanov — Doctor of Science (Politics), Docent of the Volga Region Institute of Law (Saratov branch) of the Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia)

e-mail: sergsergivanov@rambler.ru

Tatiana Viktorovna Kasaeva — Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the Theory and History of the State and Law Chair, Saratov Socio-Economic Institute — branch of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

e-mail: kafedratigp@bk.ru

Iliya Borisovich Konstantinov — Candidate of Sciences (Economics), Dean of the Postgraduates Supervision Department, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: iliaconstantinov@yandex.ru

Svetlana Vasilievna Kornilova — Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Head of the Department of Organizational Support of the Department of Transport and Roads of the Primorski Territory
e-mail: kornilova.sv001@gmail.com

Andrey Aleksandrovich Korobov — Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Science Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Andrey Gennadievich Kuznetsov — Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Strekozozzza@mail.ru

Aleksandra Aleksandrovna Landerova — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Landerova@inbox.ru

Maria Aleksandrovna Lipchanskaya — Doctor of Sciences (Law), Professor of the Constitutional and International Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: Lipchan_maria@mail.ru

Konstantin Mikhailovich Lobzov — Doctor of Military Sciences, Professor of the Information Security Chair, the Institute of Public Administration, Law and Innovative Technologies (Moscow)
e-mail: lobzovk@mail.ru

Alexander Alexandrovich Makarov — post-graduate student of the Sociology, Advertising and Public Relations Chair, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky
e-mail: makaral@yandex.ru.

Tatiana Vladimirovna Milusheva — Doctor of Sciences (Law), Head of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mtv62@mail.ru

Anatoly Evgenievich Mikhailov — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Theory of the State and Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: aemihaylov@rambler.ru

Naderi Asef — post-graduate student of the Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia
e-mail: ed@lenta.ru

Vyacheslav Viktorovich Nemolyaev — senior lecturer of the Tactics Chair, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia

e-mail: novocheck2008@mail.ru

Oruj Jamil oglu Mammadov — Doctor of Philosophy in Law, Docent, Head of the Legal Support of Public Administration Chair, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

e-mail: oruc_mammadov@mail.ru

Georgy Aleksandrovich Rozevatov — Candidate of Science (Sociology), Docent of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

email: zhora25@mail.ru

Svetlana Sergeevna Rybakova — competitor of the Political Science Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: ribakova@piuis.ru

Svyatoslav Petrovich Savkin — post-graduate student of the Regional Studies and Programs Department of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia

e-mail: 213013@mail.ru

Anatoly Aleksandrovich Samorukov — Candidate of Sciences (Pedagogies), Docent of the Public Administration Chair, Orenburg State University

e-mail: 57samor@mail.ru

Elena Nikolaevna Selyutina — Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the Theory and History of State and Law Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: seljutina1@rambler.ru

Yulia Mikhailovna Smirnova — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Criminal Law and Proceedings Chair, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Orel)

e-mail: Juliy15@yandex.ru

Aleksandr Nikolaevich Sulimin — Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Administration Chair, Astrakhan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: Kratos84@yandex.ru

Vyacheslav Esenovich Khaliulin — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Law Theory Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: vkhaliulin@yandex.ru

Vladimir Aleksandrovich Kholodov — Candidate of Sciences (History), Docent of the Theory and History of State and Law Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vohol1@rambler.ru

Uliia Konstantinovna Tsaregradskaya — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Finance Law Chair, Kutafin Moscow State Law University
e-mail: uliacar2008@rambler.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olga77.54@mail.ru

Aleksandr Igorevich Chernyavsky — post-graduate student of the Political Science Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential of Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sawa1999@yandex.ru

Boris Leonidovich Shinchuk — Minister of the Region, Chairman of the Committee of Public Relations and National Policy of the Saratov Region Government, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: civity@saratov.gov.ru

Yulia Ivanovna Yuneva — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: yyi2212@mail.ru

Lev Sergeevich Yakovlev — Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: lionel1801@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Липчанская М.А.

Светское государство в современной России как фактор обеспечения национальной безопасности..... 4

Лобзов К.М., Смирнова Ю.М.

Коррупция как угроза национальным интересам 9

Корнилова С.В., Саморуков А.А.

Развитие методологических подходов к оценке эффективности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации..... 15

Сулимин А.Н.

Тупики модернизации в институциональном строительстве современной России21

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

27

Коробов А.А., Чернявский А.И.

Политическая конкуренция в контексте теории устойчивости регионального развития 27

Мамедов О.Д.

Характерные особенности органов законодательной власти как субъектов права государственной службы (на примере Республики Азербайджан)..... 34

Надери Асеф

Роль Афганистана в современной системе международных отношений 42

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

47

Цареградская Ю.К.

Особенности правового регулирования государственного внутреннего долга Российской Федерации..... 47

Халиулин В.Е.

Реализация интересов граждан в процессе правотворчества 53

<i>Селютина Е.Н., Холодов В.А.</i> Методологические проблемы юридической герменевтики.....	60
<i>Бытко С.Ю.</i> К вопросу о возможности исправления осужденных.....	68

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

74

<i>Бирюлина Т.В., Юнёва Ю.И.</i> Региональные СМИ Саратовской области о политическом участии молодежи.....	74
<i>Галлямова Д.И.</i> Формирование ценностных ориентаций молодежи средствами общественно-государственной политики в контексте теории человеческого капитала	81
<i>Немоляев В.В.</i> Многофакторная социологическая оценка профессиональной культуры	86

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

94

<i>Шинчук Б.А., Дорошин И.А.</i> Сетевое общение и общение в Сети: радикальная трансформация ценностного измерения субъекта глобальной коммуникации	94
<i>Яковлев А.С., Розеватов Г.А.</i> Особенности самоидентификации в сетевых сообществах	102
<i>Кузнецов А.Г.</i> Культура социологии в ее преемственности и изменениях	109
<i>Иванов С.С.</i> Христианская демократия: идеология и политика	114

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

122

<i>Рыбакова С.С.</i> Политическая функциональность регионального парламента в современной России.....	122
<i>Савкин С.П.</i> Проблемы политологического моделирования в процессе взаимодействия региональных элит.....	129
<i>Ландерова А.А.</i> Кризисный дискурс власти: опора на традиционные ценности.....	137
<i>Макаров А.А.</i> Совершенствование государственной политики регулирования рынка труда и занятости (на примере Брянской области)	145

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
150**

Цыбулевская О.И., Милушева Т.В., Михайлов А.Е., Касаева Т.В.

Межвузовский круглый стол

«Правовой механизм ограничения публичной власти:

пути повышения эффективности» (г. Саратов, Поволжский

институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии

народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, 23 октября 2015 г.) 150

Константинов И.Б.

Международная научно-практическая конференция магистрантов,

аспирантов, докторантов и молодых ученых

«Современные проблемы взаимодействия Российского государства и общества»

(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина —

филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, 10 декабря 2015 г.) 159

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
169**

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
173**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

<i>Lipchanskaya M.A.</i> A Secular State in Modern Russia as a Factor of National Security	4
<i>Lobzov K.M., Smirnova Yu.M.</i> Corruption as a Threat to National Interests	9
<i>Kornilova S.V., Samorukov A.A.</i> Development of Methodological Approaches to Executive Authorities Efficiency Evaluation in the Russian Federation Constituent Territories	15
<i>Sulimin A.N.</i> Dead Ends of Modernization in the Institutional Construction of Contemporary Russia.....	21

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

27

<i>Korobov A.A., Chernyavsky A.I.</i> Political Competition in the Context of the Sustainable Regional Development Theory.....	27
<i>Mamedov O.J.</i> Characteristic Features of Legislative Authorities as a Subject of Civil Service Law (Case Study of the Republic of Azerbaijan)	34
<i>Naderi Asef</i> The Role of Afghanistan in the Contemporary System of International Relations....	42

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

47

<i>Tsaregradskaya Yu.K.</i> Specifics of Legal Regulation of the State National Debt of the Russian Federation.....	47
<i>Khaliulin V.E.</i> Implementing the Interests of Citizens in the Process of Lawmaking.....	53

180 2016 ● № 1 (52)

<i>Selyutina E.N., Kholodov V.A.</i> Methodological Problems of Legal Hermeneutics	60
<i>Bytko S.Yu.</i> The Issue of Offenders' Correction Possibility.....	68

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

74

<i>Biryulina T.V., Yuneva Yu.I.</i> Regional Mass Media of the Saratov Region on Political Participation of Youth.....	74
<i>Gallyamova D.I.</i> Forming Education Values of the Youth by Means of Public Policy in the Context of Human Capital Theory	81
<i>Nemolyaev V.V.</i> Multivariate Sociological Assessment of Professional Culture	86

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

94

<i>Shinbuk B.L., Doroshin I.A.</i> Network Communication and Communication in a Network: Radical Transformation of Value Measurement of the Global Communication Subject	94
<i>Yakovlev L.S., Rozevatov G.A.</i> Features of Self-Identification in Network Communities.....	102
<i>Kuznetsov A.G.</i> The Culture of Sociology in Its Continuity and Changes	109
<i>Ivanov S.S.</i> Christian Democracy: Ideology and Politics.....	114

**PUBLIC POLICY
AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

122

<i>Rybakova S.S.</i> Political Functionality of Regional Parliament in Modern Russia.....	122
<i>Savkin S.P.</i> Political Modeling Problems in the Interaction of Regional Elites	129
<i>Landerova A.A.</i> The Power Crisis Discourse: the Reliance on Traditional Values	137
<i>Makarov A.A.</i> Improving the State Regulation Policy of Labor Market and Employment (Case Study of the Bryansk Region)	145

REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
150

Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V., Kasaeva T.V., Mikbailov A.E.
The Intercollegiate Round Table
“Legal Mechanism of Public Authority Limitation: Ways to Improve the Efficiency”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
October 23, 2015) 150

Konstantinov I.B.
International Research-to-Practice Conference of Master,
Graduate and Doctoral Students, and Young Scientists
“Contemporary Problems of Interaction between the Russian State
and Society” (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, December 10, 2015)159

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
173

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 1 (52)

Редакторы *Т.П. Иванова, Ю.Н. Бирюкова, М.Н. Ефимова*
Компьютерная верстка *Е.Ю. Голубевой*

Тем. план 2016 г., п. № 947

Подписано к печати 25.02.2016 г. Формат 70x100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 14,83. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500. Заказ 580.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnikpags@mail.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>